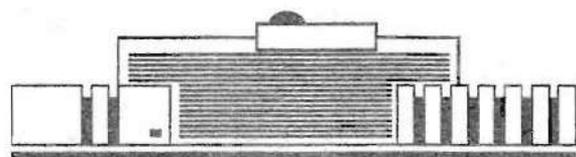

ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

2005 № 2(36)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.С. Ануфрыева, С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, М.Ц. Вараб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка, І.Л. Лапін,
С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева, П.І. Навіцкі,
В.І. Несцяровіч, А.А. Несцярэнка, І.М. Прышчэпа,
Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі, М.А. Слямнёў
М.К. Талочка, У.Л. Фядотаў

Адрас рэдакцыі:

**210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79**

ВЕСНИК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта імя П.М. Машэрава

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года

Выходзіць чатыры разы ў год

2005 № 2(36)

Змест

Да 60-годдзя Вялікай Перамогі

Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность 3

Гісторыя

Балтрушэвіч Н.Г. Утварэнне Усесаюзнага саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў (УСЕХБ). Далучэнне пяцідзсятнікаў (на прыкладзе БССР) 9

Нікалаева І.У. Выкарыстанне нямецкімі акупантамі працы жаночага насельніцтва Беларусі ў мясцовай вытворчасці і на прымусовых работах (1941–1944 г.) 14

Венгер Ю.И. Государственная социальная политика по защите инвалидов в Республике Беларусь 19

Эканоміка

Орлов В.И. Категориальное пространство современной теории предпринимательской деятельности 22

Платонова Л.А., Веденин Г.А. Конкурентоспособность страны. Изучение опыта ряда стран мира 29

Правазнаўства

Борботько П.В., Лушкін В.И., Сухарев А.А. Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания первой мировой войны 33

Николичев Д.Н. Правовой аспект формирования гражданского общества... 38

Педагогіка. Псіхалогія

Шпак В.Г. Параметры физической нагрузки при выполнении упражнений на тренажерах для юношей 16–17 лет 45

Гулидин П.К., Федоров В.В. Новые подходы к скоростно-силовой подготовке школьников на уроках физической культуры 50

Царенко Т.М. Реализация аксиологического подхода в научно-исследовательской деятельности учащихся внешкольных учреждений 54

Богомаз С.Л. Самоанализ: подходы, тенденции, возможности и ограничения 59

Мовазнаўства

Воробьева О.И. Экспрессивность рекламы в аспекте коммуникации 71

<i>Лукичэва-Наврось Е.В.</i> Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на -ость)	75
<i>Яценко Т.А.</i> Концепт 'Цель' в аспекте диалогичности романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»	81

Літаратуразнаўства

<i>Голубович Н.В.</i> Мифологизация как ведущий художественный принцип М.А. Булгакова в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите»	85
<i>Падстаўленка В.Ф.</i> Жанравая мадыфікацыя апавядання-фельетона ў беларускай сатырычнай прозе 20–30-х гадоў XX ст.	92

Мастацтвазнаўства

<i>Котович Т.В.</i> Соотношение моделей пространственно-временного континуума театра в срезе исторических форм культуры	95
<i>Курашэвич А.В.</i> Проблемы исполнительства в концертмейстерском классе ...	102

Матэматыка

<i>Воробьев Н.Т., Шапов В.В.</i> О факторизациях классов Фиттинга	106
<i>Храмцов О.В., Козлов А.А.</i> О свойствах равномерно вполне управляемых систем	109
<i>Иванова Ж.В.</i> Задача Коши для одного нелинейного параболического уравнения	115

Фізіка. Механіка

<i>Толочко Н.К., Мозжаров С.Е.</i> Закономерности ультразвуковой кристаллизации растворов	118
<i>Локтионов А.В., Коган А.Г., Мачихо Т.А.</i> Исследование процесса вытягивания волокнистого продукта из отходов производства	121
<i>Гладков П.А.</i> Волновые пакеты в упругом волноводе произвольного сечения	125

Экалогія. Біялогія

<i>Красовская И.А.</i> Трансформация биоценозов в условиях урбанизации (на примере г. Гомеля)	130
<i>Степанова Н.А.</i> Действие радиационно-экологических факторов на состояние обмена веществ	136

Кароткія паведамленні

<i>Строчко О.Д.</i> Особенности современного состояния строительства на территории Витебской области	141
<i>Девятых С.Ю.</i> Семья в системе оценок юношей и девушек	144
<i>Бялкоўская Н.Г.</i> Аб праблеме бежанцаў у Рэспубліцы Беларусь	146
Канферэнцыі. Сімпазіумы	149
Бібліяграфія	151
Хроніка	152
Персаналіі	155
Рэфераты	158
Звесткі пра аўтараў	164

Рэдактар	А.М. Фенчанка
Камп'ютэрны набор	Г.У. Разбоева
Карэктар	Л.В. Прыстаўка

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.

Палпісана ў друк 06.06.2005. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 28,88. Ул.-выд. арк. 12,02. Тыраж 100 экз. Заказ 77.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава»
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

Да 60-годогдзя Вялікай Перамогі

УДК 947(476) «1939–1945»

В.А. Космач

Вторая мировая война: уроки истории и современность

23 июля 1939 г. в базельской газете «Националь Цайтунг» (Швейцария) появилась статья известного немецкого литератора Томаса Манна, в которой писатель-эмигрант и противник национал-социализма пророчески писал: «И если войны, более разрушительные и варварские, чем Тридцатилетняя война, пронесутся над Европой и оставят ее раздробленной и на столетия отброшенной назад, то виновником будет он (германский национал-социализм – Авт.), враг человечества» [1]. Первая из войн на европейском континенте, которые вылились в конце концов во всемирное военное столкновение, началась 1 сентября 1939 г., через несколько недель после опубликования процитированной выше статьи «Культура и политика». Убийства, умерщвления, смерти, страдания и разрушения продолжались в Европе 68 месяцев и восемь дней.

Таблица

Вторая мировая война в цифрах и фактах

Участвовало 61 государство	Военные действия шли на территории 40 государств	Общие затраты на войну составили от 2,5 до 4 трлн. долларов
Население стран, вовлеченных в войну, – 1,7 млрд. человек	Вторая мировая война (1939–1945 гг.)	Население стран, вовлеченных в войну, – 80% населения планеты
Продолжительность – 2194 дня	Число погибших – более 60 млн. человек (возможно около 100 млн. человек)	Материальные затраты СССР – 2600 млрд. руб.; БССР – 75 млрд. руб. (в ценах 1941 г.)
	Самые пострадавшие государства: Китай – 35 млн.; СССР – 28 млн.; Германия – около 14 млн. человек	БССР потеряла более половины национального богатства страны. Разрушено и сожжено 209 городов и райцентров (из 270), 9200 деревень, разрушено 100465 предприятий, 10 тыс. колхозов, 8825 (из 12294) школ, все вузы, НИЦентры, АН БССР и т.д.

Вторая мировая война оказалась самой разрушительной и кровопролитной в истории человечества. Несмотря на дискуссии о ее причинах, ходе военных действий на фронтах, исторических уроках и последствиях войны, все исследователи истории второй мировой войны едины во мнении в том, что она стала настоящей катастрофой мирового масштаба [1–21]:

Главный урок второй мировой войны состоит в том, что войны подобного масштаба, как и любые войны вообще, допускать нельзя. Именно на это направлены сегодня все внешнеполитические инициативы белорусского и российского политического руководства, всех государств – членов ООН (их более 180-ти).

Вместе с тем исключить полностью вероятность новой «большой» войны (третьей мировой), к сожалению, нельзя, а поэтому следует четко представлять то, на какой основе она может возникнуть, став самым масштабным столкновением цивилизаций с применением ядерного и другого оружия массового уничтожения. Опасность мирового военного конфликта состоит в возможном вооруженном столкновении европейской и арабо-мусульманской цивилизаций на религиозно-этнической почве [22–25], о чем свидетельствуют события 11 сентября 2001 г. в США, 11 марта 2004 г. в Испании, религиозно-этнические столкновения в Косово, войны в Ираке и Чечне и т.д. Перед подобной «перспективой» расширение НАТО на восток может оказаться в числе меньших угроз для России и Беларуси. Поэтому политическая и религиозная толерантность, уважение к культурам и традициям народов разных цивилизаций, экуменизм и «народная дипломатия» должны сегодня быть определяющими во всей гамме современных международных и межконфессиональных отношений.

Но особенно питательной почвой для войны являются бедность и нищета. Их масштабы в мире сегодня растут катастрофически. Согласно прогнозам специалистов ООН, к концу первой четверти XXI столетия численность жителей Земли будет колебаться в пределах 7–9 млрд. человек. Более 9/10 этого прироста приходится на развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, т.е. на государства с низким уровнем жизни населения. Общая сумма внешнего долга развивающихся стран за последние три-четыре десятилетия выросла в 22 раза. В 1970 г. она составляла 100 млрд. долларов, в 1980 г. – 650 млрд. долларов, в 1990 г. – более 1,5 трлн. долл., в 1997 г. – 2,2 трлн. долл., в результате чего львиная доля бюджетов бедных стран мира идет на обслуживание внешнего долга. В государствах СНГ 120 млн. человек живут ниже черты бедности [26; 25, с. 68–71].

Поэтому еще одним уроком второй мировой войны для современности является то, что страны и народы должны располагать высокоразвитой и высокоэффективной социальной рыночной экономикой, способной гарантировать не только высокий уровень жизни населения, но и обороноспособность государств. Усилия президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и президента Российской Федерации В.В. Путина, политического руководства Беларуси и России сосредоточены именно по этим направлениям, в том числе по линии создания современной, профессиональной и боеспособной армии, Вооруженных Сил, способных вести и выдержать современную войну, в том числе «войну компьютеров».

В годы второй мировой войны Советский Союз и народы СССР продемонстрировали всему миру, что такое сильная страна и сильная армия. Известно, что на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. было разгромлено 607 дивизий вермахта (на западном фронте фашистская Германия потеряла 176 дивизий). На восточном фронте погибло 6 млн. солдат и офицеров вермахта (из 7,5 млн. общих потерь), потеряно более 75% танков и авиации. Несомненно, что все это свидетельствует о превосходстве советских Вооруженных Сил в войне с фашистской Германией, начиная уже с 1942 г. [27]. Потери в личном соста-

ве, нанесенные вермахту на советско-германском фронте, были в 4 раза больше, чем на вместе взятых западноевропейском и средиземноморском театрах военных действий, а по числу убитых и раненых – в 6 раз [27, с. 378].

Реформа современной российской армии, планируемое удвоение ВВП к 2010 г., преодоление бедности составляют основу внутренней и внешней политики Москвы и направлены на возрождение мощного и сильного демократического российского государства. Аналогичные цели преследует и Директива № 1 Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины», подписанная в марте 2004 г. Задача новых политических элит на постсоветском пространстве сегодня – соединить воедино идеалы и ценности гражданского общества, «управляемой демократии» и национальных стратегических и тактических интересов собственных государств. Без этого переход в постиндустриальное общество, общество без войн и насилия, практически невозможен.

Исторические уроки второй мировой и Великой Отечественной войн заключаются еще и в том, что победа над агрессором, его разгром и капитуляция во многом зависят от правильной оценки геополитической и международной обстановки, верного выбора союзников и стратегических партнеров. И.В. Сталин понимал, что война с фашистской Германией неизбежна. Не исключено, что он «предоставил» возможность нападения первым А. Гитлеру, рассчитывая, что именно такое развитие событий поставит Лондон и Вашингтон на сторону Москвы, что и произошло. В одиночку победить вермахт и сателлитов фашистской Германии было нереально. «Второй фронт» в Европе со стороны США и Великобритании, их материальная и техническая помощь Советскому Союзу, включая американский «ленд-лиз», имел важное значение для победы народов СССР над фашистской Германией. Поставки союзников по ленд-лизу, хотя и поступали нерегулярно и составляли лишь 4% общего объема промышленной продукции, выпускаемой в СССР, по отдельным видам техники и вооружения были значительными: 13% – по самолетам, 7% – по танкам и 200% – по автомобилям. Война доказала, что при возникновении общей для всех угрозы народы, живущие при различных политических режимах, приверженные различным системам ценностей и идеологиям, способны к сотрудничеству и взаимопониманию.

В современной геополитической ситуации, с учетом тех угроз и вызовов, которые существуют для России и Беларуси, логичнее всего выглядела бы интеграция двух государств в единое государство – Российско-Белорусскую Народно-Демократическую Республику (РБНДР). РБНДР могла бы стать ядром, основой будущего Союза Славянских Государств (ССГ). Расчет «команды В. Путина» сегодня строится на балансе интересов между США и НАТО, с одной стороны, и арабо-мусульманским миром, с другой. Наблюдается дипломатичное, «вежливое» дистанцирование Москвы между Вашингтоном и политиками типа М. Каддафи. Выбор, в принципе, верный и очень важно не повторить ошибок 1939–1941 гг.

Историческим уроком второй мировой войны должен стать и урок «созидательного патриотизма», который исключал бы великодержавный шовинизм и радикальный национализм, неприязнь к другим нациям и народам, любые рассуждения об «элитном» или «основном» этносе и т.д. Самый антигуманный вариант «патриотизма» был сформирован в национал-социалистической Германии. Согласно его доктрине и планам национал-социалистического руководства Германии как «расово неполноценных» планировалось уничтожить 18 млн. славян и 11 млн. евреев. Когда удалось остановить этот страшный конвейер смерти, было уничтожено 12 млн. и 6 млн. соответственно. Особенно страшными и бесчеловечными вариантами геноцида по отношению к мирному населению оказались план «Ост», реализовавшийся нацистами на оккупированной части территории СССР, и «холо-

кост» по отношению к евреям. В годы национал-социалистической диктатуры и второй мировой войны Европа покрылась сетью концентрационных лагерей, самыми страшными из которых были Освенцим, Майданек, Трешлинка, Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Равенсбрюк, Маутхаузен [28, 29].

Нашим народам и государствам (и не только нашим) нужен сегодня именно «созидательный патриотизм», сердцевиной, основой которого могут стать патриотические ценности и идеалы тех поколений советского народа, которые победили фашизм и спасли человечество от «коричневой чумы». Патриотизм, основанный на преувеличенных оценках истории Великого княжества Литовского, Белорусской Народной Республики (БНР), коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны, как и патриотизм, основанный на ложных идеалах из советского прошлого, могут оказаться политически, социально и духовно опасными для будущего и настоящего Беларуси. Настоящим патриотизмом, образцом служения Родине и Отечеству стал великий подвиг партизан и подпольщиков, солдат и офицеров Красной (Советской) Армии в годы Великой Отечественной войны в борьбе с германским фашизмом.

Вторая мировая война продемонстрировала мировому сообществу решимость навсегда покончить с фашизмом, национал-социализмом, геноцидом, расизмом и шовинизмом. Сегодня же в числе самых серьезных угроз миру находятся международный терроризм и диктаторские режимы. К сожалению, оказалось, что и фашизм временами способен возрождаться. Поэтому мировое сообщество должно обладать эффективными средствами сдерживания и наказания агрессии. И в этом плане исторические уроки второй мировой войны и поучительны, и уникальны.

С ноября 1945 по октябрь 1946 г. в городе Нюрнберге, где ранее проводились съезды национал-социалистов, состоялся Международный военный трибунал – судебный процесс над лидерами фашистской Германии. К смертной казни было приговорено 12 лиц, признанных военными преступниками, 3 – к пожизненному заключению, 4 – к различным срокам тюремного заключения. Впоследствии оккупационные власти в Германии провели еще ряд судебных процессов и административных расследований. Виновными были признаны около 120 тыс. человек. Большинство из них отделалось денежными штрафами и ограничениями в занятии должностей на государственной службе.

Решения трибунала стали основой международно-правовых норм, устанавливающих ответственность политических лидеров за преступления против человечества. В ноябре 1948 г. в Токио Международный военный трибунал после судебного процесса, продолжавшегося более двух лет, вынес обвинительные приговоры и в отношении организаторов агрессии Японии против народов стран Азии. Всего в Японии были признаны виновными 4200 человек, из них 720 были приговорены к смертельной казни. Во Франции за сотрудничество с оккупантами было привлечено к ответственности 126 тыс. человек, 11 тыс. из них были казнены, 40 тыс. отправлено в тюрьмы. Суды над коллаборационистами и местными фашистами прошли и в других странах Европы.

Были восстановлены национальная независимость и территориальная целостность стран, которые утратили ее в результате агрессии в 1930–1940-х гг. Это такие государства, как Австрия, Чехословакия, Албания, Польша, Югославия, Греция, Эфиопия и другие. Их границы были восстановлены или установлены с учетом ранее принятых союзниками решений. Так, Польше были переданы Силезия, Померания и часть Восточной Пруссии, что компенсировало ее отказ от Западной Украины и Западной Беларуси в пользу Советского Союза. СССР получил большую часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом (Калининградом), Закарпатскую Украину, сохранил территориальные приобретения 1940 г. – Бессарабию, Прибалтийские республики, приграничные районы Финляндии с городом Выборгом.

9 мая 1945 г. московское радио объявило о Великой Победе. В стране был объявлен праздник. Три миллиона москвичей, надев все лучшее, собрались на Красной площади и поблизости [20, с. 841]. Гремел тысячелушечный салют. Это было неистовое ликование с момента торжественного отрезвления и неумной скорби по тем лучшим, кто погиб. Это был знаменательный для советских людей и великого государства день, незабываемый день для России в столетии ее бесконечных переживаний. Люди могли забыть все, но они помнили этот день. И будут помнить, пока живы. 24 июня 1945 г. Г.К. Жуков, восседая на белом коне, принял Парад Победы, которым командовал маршал К.К. Рокоссовский. Когда 200 воинов резко повернули направо и у Мавзолея бросили наземь знамена гитлеровского вермахта, площадь замерла. Лил дождь, но в ту великую минуту триумфа все забыли о ненастье.

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» под председательством главнокомандующего союзными войсками американского генерала Макартура состоялось подписание акта о капитуляции Японии. С капитуляцией Японии закончилась вторая мировая война. Важнейшим итогом войны стал разгром держав, вставших на путь откровенной агрессии, пренебрегших нормами международного права, пытавшихся вернуть человечество к временам варварства, диктата грубой силы. Победа во второй мировой войне способствовала широкому признанию таких ценностей, как гуманизм, свобода и равноправие народов, универсальность единых для всех международно-правовых норм.

Великая коалиция народов СССР, США, Великобритании и Франции после нескольких лет отчаянной борьбы одержала верх над могущественным союзом Германии, Японии и Италии. Обе стороны мобилизовали огромные ресурсы, но антигитлеровская коалиция превзошла своих противников во всех отношениях и, главное, в решимости и готовности пойти на любые жертвы ради защиты собственной национальной свободы и государственного суверенитета. Статистические данные показывают, чей индустриально-научный потенциал оказался выше, чьи ученые и рабочие сумели быстрее и убедительнее создать предпосылки победы в индустриальной войне. Именно на наших территориях и кровью воинов Красной (Советской) Армии была остановлена неудержимая прежде машина вермахта. Восемь из десяти немцев в борьбе с армией Советского Союза вольно или невольно сложили оружие, что признано даже нашими союзниками [20, с. 860]. Именно Вооруженные Силы СССР и советский народ, беззаветно жертвуя собой, приложили те невероятные усилия, которые повергли ниц главную, противостоявшую нашему союзу с Западом, силу – гитлеровскую Германию, привели антигитлеровскую коалицию держав к победе во второй мировой войне и кардинально изменили дальнейшие судьбы Европы и мира.

Ученые подсчитали, что за последние 5,5 тыс. лет прошло 14,5 тыс. войн, т.е. в среднем по 2–3 войны в год. Они унесли примерно 3 млрд. 540 млн. человеческих жизней. В СССР в годы Великой Отечественной войны погибло 28 млн. человек (некоторые исследователи говорят о сорока и более миллионах человек); в Германии за годы второй мировой войны – 11 млн., а по другим данным – до 14 млн. человек, в Китае – 35 млн. человек. В Беларуси за 1941–1944 гг. погиб почти каждый третий житель республики (около 3 млн. человек). В освобожденном Витебске в 1944 г. насчитывалось всего 118 жителей. Лишь 300 лет в истории человечества были спокойными, без войны, а остальные годы люди истребляли друг друга.

Только на войны минувшего XX столетия было затрачено более 4 трлн. долларов. На них можно было бы 50 лет бесплатно кормить все население земного шара и обеспечить благоустроенным жильем свыше половины мил-

лиарда семей. С 1945 по 1992 г. было зарегистрировано более 180 войн, которые унесли жизни, по меньшей мере, 12 миллионов человек [30]. Сегодня все мировое сообщество обязано приложить максимум усилий для того, чтобы подобные факты в мировой истории не фигурировали вообще. Мир без войн – таков вечный идеал человечества, который требует от каждого из нас самой кропотливой и ежедневной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вторая мировая война*. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М., 1997. – С. 8.
2. *Фуллер Дж.* Вторая мировая война. 1939–1945. – М., 1956.
3. *Титпельскирх К.* История второй мировой войны. – М., 1956.
4. *Проблемы истории второй мировой войны.* – М., 1959.
5. *Вторая мировая война 1939–1945 гг.* В 12 т. – М., 1973–1979.
6. *Прозектор Д.М.* Европа – век XX. – М., 1984.
7. *Ржешевский О.А.* Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. – М., 1984;
8. *Прозектор Д.М.* Мировые войны и судьбы человечества. Размышления. – М., 1986.
9. *Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Чельшев И.А.* Правда и ложь о второй мировой войне. – М., 1988.
10. *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. – М., 1990.
11. *Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэла, У. Леш, Д. Эйзенхауэра.* – М., 1990.
12. *Черчилль У.* Вторая мировая война. – Т. 1–3. – М., 1990.
13. *Урланис Б.Ц.* История военных потерь (XVII–XX вв.). – СПб., 1994.
14. *Вторая мировая война: Два взгляда.* – М., 1995.
15. *Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных.* – СПб.–М., 1998.
16. *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980. – М., 1999.
17. *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. – СПб.–М., 1999.
18. *Гренвилл Дж.* История XX века. Люди. События. Факты. – М., 1999.
19. *Новейшая история стран Европы и Америки. XX век*. Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. /Под ред. *А.М. Родригеса, М.В. Пономарева.* – М., 2001. – Ч. 1. 1900–1945.
20. *Уткин А.И.* Вторая мировая война. – М., 2002.
21. *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. – М., 2002. – С. 129.
22. *Дугин А.* Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997.
23. *Генон Р.* Кризис современного мира. – М., 1994.
24. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику: Учебник для вузов. – М., 1998.
25. *Человек. Общество. Государство*: Пособие для абитуриентов вузов / Под ред. *А.И. Авраменко, Ф.В. Пенарского.* – Мн., 2003. – С. 91, 96–97.
26. *История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945–2000 гг.*: Учеб. пособие / Под ред. *Е.Ф. Язькова.* – М., 2001.
27. *Беларуская энцыклапедыя ў 18 тамах.* – Т. 4. – Мн., 1997. – С. 378.
28. *«Совершенно секретно! Только для командования!»*. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. – М., 1967.
29. *Откровения и признания*. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – Смоленск, 2000.
30. *Олтман Й.* О вечной войне / GOETHE – MERKUR. Война и терроризм, 2003, № 1. – С. 34.

S U M M A R Y

The results of World War II, their connection with contemporary history and geopolitics, the system of international relations are considered in the article. The main causes and consequences of such wars and preventive measures that mankind should undertake are analyzed.

Поступила в редакцию 25.02.2005

Н.Г. Балтрушэвіч

Утварэнне Усесаюзнага саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў (УСЕХБ). Далучэнне пяцідзесятнікаў (на прыкладзе БССР)

Утварэнне Усесаюзнага саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў (УСЕХБ) у кастрычніку 1944 г. з'яўляецца адной з цэнтральных падзей у гісторыі пратэстанцкай царквы пасляваеннага перыяду. Паступова пераўтварыўшыся ў буйную цэнтралізаваную арганізацыю, Саюз кардынальна ўплываў на развіццё канфесіі на працягу 40–80-х гг. XX ст.

Сёння гэтай падзеяй цікавяцца як гісторыкі, так і грамадства ўвогуле. Аднак, нягледзячы на адкрытасць і даступнасць архіўных матэрыялаў, гэтая падзея ў гісторыі пратэстантызму, як і многія іншыя, разглядаецца неадназначна і мае шмат супярэчнасцей. Вось чаму мэтазгодна для больш глыбокага асэнсавання пытання разгледзець шматпланавы сам працэс аб'яднання, яго прычыны і наступствы.

Аналіз гісторыі баптызму робіць відавочным той факт, што працэс аб'яднання розных накірункаў пратэстантызму ў 40-я гг. XX ст. не з'яўляўся нечаканым і неспадзяваным. Аднак, пры глыбокім даследаванні перад намі паўстае ўсё ж такі лагічнае пытанне: чаму менавіта ў часы кіравання Сталіна адбылося гэтае аб'яднанне, якое Л.М. Мітрохін назваў у сваім філасофска-сацыялагічным нарысе «шлюбам па-савецку»? [1].

Найменне «евангельскія хрысціяне-баптысты» складалася гістарычна з дзвюх назваў роднасных плыняў: баптыстаў, якія першапачаткова называліся хрысціянамі, ахрышчанымі па веры (рассяліліся ў сярэдзіне XIX стагоддзя на поўдні Расійскай імперыі), і евангельскіх хрысціян, якія з'явіліся некалькі пазней і пераважна пражывалі на поўначы краіны [2]. Саюз баптыстаў быў ліквідаваны яшчэ ў 1935 г., і цэлы рад яго прыхільнікаў быў вымушаны перайсці ў цудам уцалелы Усесаюзны саюз евангельскіх хрысціян (УСЕХ). Пачаткам сумеснай работы баптыстаў і евангельскіх хрысціян можна лічыць стварэнне ў маі 1942 г. часовага Усесаюзнага савета евангельскіх хрысціян і баптыстаў, які звярнуўся з заклікам да паствы выступіць кожнаму супраць фашызму, а таксама арганізаваў збор сродкаў на карысць фронту, садзейнічаў добраахвотнай працы баптыстаў у шпіталях і прытулках [1]. У гэты ж час яго прадстаўнікі ад імя баптысцкага брацтва звярнуліся ва УСЕХ з прапановай прыняць на сябе апеку і клопат пра абшчыны баптыстаў. У кастрычніку 1944 г. на нарадзе прадстаўнікоў двух цэркваў было прынята рашэнне аб аб'яднанні гэтых цэркваў і ўрэгуляванні спрэчных пытанняў. Умовы аб'яднання ў асноўным дубліравалі пагадненне 1920-га года: усе абшчыны па магчымасці павінны мець пасвячонах (у духоўны сан) прэсвітэраў, якія і ажыццяўляюць цырымоніі хрышчэння, хлебапрапамлення і шлюб. Але пры

адсутнасці пастараў падобныя дзеянні можа праводзіць і не пасвячоны член абшчыны, але толькі па даручэнні царквы. Было таксама вырашана, што хрышчэнне і шлюб, якія ажыццяўляюцца як з ускладненнем рук на «крэцаемых і брачующихся», так і без яго, маюць аднолькавую сілу. У тым жа рэчышчы было вырашана пытанне пра хлебапаламленне: «Вечеря Господня, или хлебопреломление может совершаться как путем разламывания хлеба на множество мелких частей, так и путем разламывания на две, три или несколько крупных частей» [1, с. 400].

Такім чынам, афіцыйнае аб'яднанне двух Саюзаў у Царкву евангельскіх хрысціян-баптыстаў, якую ўзначаліў Усесаюзны савет евангельскіх хрысціян-баптыстаў, што знаходзіўся ў Маскве, адбылося. Было выпрацавана Палажэнне Саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў; прынята сістэма ўпаўнаважаных (старшых прэсвітэраў), якія кіравалі і ўзначальвалі абшчыны на месцах. Па Беларускай ССР старшым прэсвітэрам быў прызначаны В.М. Чэчнеў [2, с. 232]. З 1945 г. пачаў выдавацца часопіс «Брацкі веснік».

Менавіта такой выглядае савецкая афіцыйная трактоўка працэсу ўтварэння Саюза. Аднак, вывучаючы гісторыю ўзнікнення УСЕХБ, сёння можна з упэўненасцю сцвярджаць, што аб'яднанне двух накірункаў пратэстантызму насіла штучны характар. Такого пункту погляду прытрымліваецца большасць даследчыкаў, у тым ліку і прызнаны даследчык баптызму Л.М. Мітрохін. Пры гэтым усе адзначаюць, што за падобнае зліццё розных плыняў пратэстанцкай канфесіі паміж сабой і з дзяржавай у пасляваеннае дзесяцігоддзе выступалі як савецкія дзяржаўныя органы ўлады, так і самі веруючыя. Іншая справа, што ў кожнага з бакоў былі свае мэты, а ў веруючых – і вопыт дзяржаўна-царкоўных узаемаадносін мінулых гадоў.

Савецкія ўлады ў час і пасля вайны зрабілі шмат захадаў па пераглядзе і пэўнай лібералізацыі сваіх адносін з канфесіямі, высока ацаніўшы вялікі ўклад веруючых у Перамогу. Нягледзячы на гэта, з аднаго боку, канструктыўны дыялог дзяржава будавала толькі з праваслаўнай царквой, а з другога – савецкае кіраўніцтва пры гэтым не адвяргала, а імкнулася кантраляваць дадзеную сферу дзейнасці грамадства цалкам. Аднак па пастанове СНК Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусь 11.01.1922 г. «Аб аддзяленні царквы ад дзяржавы і школы ад царквы» царкву як сацыяльны інстытут нельга было непасрэдна ўключыць у сістэму савецкай улады, бо:

1. У межах БССР царква ад дзяржавы аддзяляецца.
2. Школа ад царквы аддзяляецца.
3. Навучаць і навучацца рэлігіі могуць толькі прыватным чынам [3].

Аднак з гэтай сітуацыі было знойдзена выйсце. Так, па-першае, дзяржава стварыла пры ўрадзе ў 1943–1944 гг. у якасці кантралюючых органаў Савет па справах Рускай праваслаўнай царквы і Савет па справах рэлігійных культур, якім адводзілася роля пасрэднікаў у адносінах паміж дзяржавай і царквой; а, па-другое, савецкія ўлады прынялі рашэнне аб стварэнні царкоўных структур, якія ўзначальвалі б падатлівыя кіраўнікі, і, выкарыстоўваючы метады «пугі і перніка», паспрабавалі ўздзейнічаць на стан мясцовых царкваў і масавую рэлігійную свядомасць [1, с. 401]. Гэта быў найбольш прымальны для дзяржавы механізм узаемаадносін, бо разглядаўся як сродак нябачнага ўмацавання кантролю за канфесіямі.

Веруючыя, памятаючы пра жорсткія ганенні 1930-х гг., былі вымушаны згаджацца і чымсьці ахвяраваць, каб захаваць і прапаведаваць свае рэлігійныя каштоўнасці. Для іх галоўным станоўчым фактарам у дадзенай сітуацыі з'яўлялася набыццё статусу легальнай (зарэгістраванай) рэлігійнай арганізацыі і магчымасць аднаўлення сваіх разбураных структур. Лідэры евангельскіх хрысціян, якія па сваёй колькасці і згуртаванасці абшчын за-

ўсёды значна саступалі баптыстам, прыкметна ўмацоўвалі ўласныя пазіцыі, бо і старшыня УСЕХБ (Я.І. Жыдкоў) і генеральны сакратар (А.В. Карэў) былі абраны з іх ліку [1, с. 400]. Аднак нельга не ўлічваць, што веруючыя страчвалі пэўныя свабоды ў ажыццяўленні рэлігійнай дзейнасці, прыстасоўваючыся да савецкага заканадаўства.

У 1945 г. да аб'яднанай царквы ЕХБ далучыліся пяцідзсятнікі. На думку баптысцкіх ідэолагаў савецкага перыяду прычынай аб'яднання з'явілася бес-прэцэдэнтная ў гісторыі чалавецтва вайна, яна «расплавіла сэрца веруючых, вымусіла іх забыць усе былыя сваркі з-за найменняў» [4]. Аднак на самай справе прычын, па якім адбылося аб'яднанне, некалькі: вайна, скарачэнне колькасці веруючых, крызіс у саміх рэлігійных арганізацыях і, галоўнае, гэта канфесіянальная палітыка савецкай дзяржавы, якая пачалася яшчэ ў 30-я гг. і працягвалася ў наступныя гады ў адносінах да пратэстантаў, і, у прыватнасці, пяцідзсятнікаў.

Пяцідзсятніцтва ўзнікае напярэдадні XX ст. у Злучаных Штатах Амерыкі з пратэстанцкага фундаменталізму. Уласцівыя пяцідзсятнікам місіянерская агрэсіўнасць і варожасць да іншых хрысціянскіх аб'яднанняў выклікалі ў адказ ад іншых канфесій і свецкай улады ўціск і ганенні, а таму першапачаткова хрысціяне веры евангельскай (іншая назва пяцідзсятнікаў) дзейнічалі скрытна [1, с. 402]. Вельмі істотным з'яўляецца і тое, што з самага пачатку лідэры баптыстаў і евангельскіх хрысціян надта падазрона і варожа сустрэлі дзейнасць пяцідзсятнікаў. Ужо ў 1913 г. лідэр расійскіх пяцідзсятнікаў А. Іваноў і яго паслядоўнікі былі адлучаны ад царквы евангельскіх хрысціян і кваліфікаваліся як «трасуны». У сваю чаргу пяцідзсятнікі падобным чынам ацэньвалі і баптыстаў.

Пяцідзсятнікі, як і баптысты, вераць у трыадзінага Бога, у збавіцельную ахвяру Ісуса Хрыста, у Яго другое прышэсце, а таксама ў замагільнае жыццё, у боганатхненнасць і святасць біблейскіх кніг [5]. Асноўнае адрозненне і галоўная спецыфіка веравызнання пяцідзсятнікаў – гэта вучэнне аб «хрышчэнні Святым Духам» і «гласалалія» (ад грэч. *glossa* – незразумелае слова, *lallin* – гаварыць), што азначае працэс гаварэння на «іных языках» і служыць абавязковым «сімвалам хрышчэння Духам Святым».

Гэтыя асаблівасці богаслужэння вельмі істотныя. І таму адказ ад адной з іх, асабліва ад гласалаліі, азначаў для перакананых пяцідзсятнікаў адказ ад неад'емнай спецыфікі ўласнай царквы, ад самога існавання сваёй веры і звычайных спосабаў яе вырашэння. Да таго ж былі і яшчэ больш дробныя адрозненні ў абраднасці [1, с. 405].

Трэба ўлічваць і той факт, што ў сярэдзіне 1940-х гг. пяцідзсятніцтва выступала як разнашэрсны рэлігійны рух. Яго самыя вялікія разнавіднасці былі прадстаўлены так званымі варанаеўцамі і хрысціянамі ў духу апосталаў, ці смародзінцамі (па прозвішчах заснавальнікаў – І.Е. Варанаева і Н.П. Смародзіна). Акрамя таго, меліся пяцідзсятнікі – сіяністы, шмідтаўцы, лявонцеўцы, мурашкоўцы і інш. Такім чынам, відавочна, што ні дагматычных, ні гістарычных традыцый па аб'яднанні розных пратэстанцкіх накірункаў у 40-я гг. не было.

Вось чаму і сёння вельмі складана да канца зразумець прычыны такога аб'яднання і згоды на яго як аднаго, так і другога бакоў. Што датычыцца УСЕХБ, то, на думку Л.М. Мітрохіна, на яго моцна «нажалі» прадстаўнікі савецкай улады, а ім адмовіць, зразумела, кіраўніцтва евангельскіх хрысціян-баптыстаў не адважылася. Дзяржаўныя інстытуты, якія падтрымалі ідэю аб'яднання, палічылі для сябе лепшым кантраляваць і ўздзейнічаць на стан і свядомасць пяцідзсятнікаў праз легалізацыю іх дзейнасці. Галоўнай умовай аб'яднання пры гэтым з'яўлялася адмова пяцідзсятнікаў ад вызначальных дагматычных прынцыпаў і выкананне савецкага заканадаўства ў галіне рэлігіі.

А чаму ж на гэта пайшлі кіраўнікі хрысціян веры евангельскай, тым больш, што, па сведчанні УСЕХБ, ініцыятыва зыходзіла менавіта ад іх? Па разважаннях таго ж Л.М. Мітрохіна, яны таксама, як і раней баптысты, жадалі атрымаць легальны статус [1, с. 406]. У пасляваенныя годы пяцідзсятнікі не маглі разлічваць на легальнае існаванне і тым больш на рэгістрацыю, бо яны разглядаліся атэістычнай прапагандай як «изуверская секта», якая займаецца антысавецкай дзейнасцю. Таму, выкарыстаўшы значнае пацярпенне ў дзяржаўна-царкоўных адносінах пад час вайны, пяцідзсятнікі згаджаюцца на ўваходжанне ў Саюз ЕХБ. Аднак у архівах сустракаюцца сведчанні пра імкненне пяцідзсятнікаў стварыць на Беларусі асобную цэнтралізаваную рэлігійную арганізацыю задоўга да афіцыйнага аб'яднання. Так, у 1944 г. на тэрыторыі Баранавіцкай вобласці з ведама аблвыканкама для былых кіраўнікоў пяцідзсятнікаў на чале з І. Панько, якія, жадаючы захаваць сваю «самасційнасць», стварылі незалежны цэнтр – «Царкву хрысціян веры евангельскай», былі выраблены круглая пячатка і штамп, а таксама быў намер склікаць з'езд духавенства ў г. Пінску [6]. У красавіку – чэрвені 1945 г. у г. Баранавічы быў арганізаваны цэнтр Духоўнага Епіскапата абшчыны ХВЕ (пяцідзсятнікаў) БССР, Літоўскай ССР і Украінскай ССР, на чале якога стаяў епіскап І. Панько і Генеральны сакратар С. Вашкевіч. Яны мелі сваю пячатку, зацверджаную яшчэ ў 1944 г.

Пасля праверкі дакументаў у красавіку 1945 г. упаўнаважаны па Брэсцкай вобласці канфіскаваў пячатку, штамп і распуціў створаны ў Баранавічах Епіскапат. Там жа ўпаўнаважаны канстатаваў, што рэгістрацыя абшчын ХВЕ не ажыццяўляецца, але на ўліку знаходзяцца 22 абшчыны, у якіх адбываецца богаслужэнне [6, арк. 36].

Гэты факт яшчэ раз даказваў, што толькі саюз з ЕХБ з'яўляўся адзіным спосабам легалізацыі дзейнасці і захавання паствы для пяцідзсятнікаў.

Такім чынам, атрымаўшы згоду ў партыйных структурах і падлічыўшы ўсе «за» і «супраць», у жніўні 1945 г. кіраўнікі хрысціян веры евангельскай з Беларусі І. Панько і С. Вашкевіч, а таксама ўкраінскія пяцідзсятнікі звярнуліся ва УСЕХБ з прапановай абмеркаваць магчымасці і ўмовы ўваходжання ў Саюз ЕХБ. З 19 па 29 жніўня праходзілі нарады, вынікам якіх стаў прыняты 29 жніўня дакумент, вядомы як «Жнівеньскае пагадненне». Пасля яго падпісання ў верасні – лістападзе 1945 г. пачалася кампанія па аб'яднанні. Ужо 23 верасня 1945 г. пры ўдзеле прадстаўнікоў пяцідзсятнікаў упаўнаважаным УСЕХБ па Беларусі В. Чэчневым, яго намеснікам І. Панько і старшым прэсвітэрам С. Вашкевічам была праведзена растлумачальная работа з прэсвітэрам царквы ХВЕ Маладзечанскай вобласці І. Кульбіцім, у выніку якой усе існуючыя абшчыны пяцідзсятнікаў без пярэчання далучыліся да УСЕХБ. Усяго ў выніку праведзенай В. Чэчневым, І. Панько, С. Вашкевічам і прыбыўшым з Масквы прадстаўніком УСЕХБ І. Івановым агітацыйнай работы на тэрыторыі Беларусі далучыліся да УСЕХБ 83 абшчыны пяцідзсятнікаў, з іх: па Маладзечанскай вобласці 17 абшчын, па Баранавіцкай – 39, Пінскай – 19, Брэсцкай – 8 [6, арк. 113–114]. Так, пяцідзсятнікі Маладзечанскай вобласці далучыліся да саюза ЕХБ 23 верасня 1945 г. Упершыню ў вобласці пяцідзсятнікі з'явіліся ў 1924–1925 гг. у Радашковіцкім раёне, арганізатарам чаго з'яўляўся жыхар гэтага раёна Нядзвецкі. Да моманту аб'яднання пяцідзсятнікаў з ЕХБ у 1945 г. па вобласці налічвалася 14 абшчын пяцідзсятнікаў, рост якіх вызначаўся такім чынам:

- у 1925 г. арганізавана 2 абшчыны,
- 1927 г. – 1
- 1928 г. – 2
- 1929 г. – 2
- 1931 г. – 1

1932 г. – 2

1933 г. – 3

1935 г. – 1

Усяго ж – 14, у якіх, па прыкладных дадзеных, на 1.01.1946 г. налічвалася да 882 чал. [6, спр. 5, арк. 2]. У Гродзенскай вобласці аб'яднанне пяцідзсятнікаў да абшчын ЕХБ адбылося на аснове рашэння УСЕХ і Б ад 21.11.1945 г. № 279 [6, спр. 5, арк. 11].

Такім чынам, на Беларусі поўнае аб'яднанне пяцідзсятнікаў з евангельскімі хрысціянамі-баптыстамі было завершана ў кастрычніку 1948 г., пра што паведамлялася на пашыранай нарадзе Савета ЕХБ.

У 1945 г. былі завершаны арганізацыйныя мерапрыемствы на Беларусі. Так, абшчыны ЕХБ, а затым і пяцідзсятнікаў у рэспубліцы пачалі ўзначальваць Віктар Мікалаевіч Чэчнеў і яго намеснік Іван Калінкавіч Панько. Усе-саюзны савет евангельскіх хрысціян-баптыстаў выконваў свае функцыі праз абласных упаўнаважаных – быў створаны інстытут абласных старшых прэсвітэраў, у склад якога ўвайшлі:

1. Па Мінскай вобласці – П.А. Іванчанка.
2. Па Бабруйскай вобласці – Я.М. Анікеенка.
3. Па Баранавіцкай вобласці – І.Г. Шатура.
4. Па Пінскай вобласці – С.І. Вашкевіч.
5. Па Брэсцкай вобласці – А.І. Аляксееў.
6. Па Гродзенскай вобласці – К.І. Сявашка.
7. Па Маладзечанскай вобласці – І.К. Кульбіцкі.

У астатніх 5 абласцях падбор старшых прэсвітэраў працягваўся ў далейшым [6, арк. 287]. Галоўным іх абавязкам быў кантроль за выкананнем баптысцкімі абшчынамі заканадаўства аб культых і сакрэтных інструкцый упаўнаважаных Савета па справах рэлігій. І тым не менш сумесныя мерапрыемствы па ўмацаванні Саюза ЕХБ і пяцідзсятнікаў давалі станоўчыя вынікі. Так, калі ў 1945 г. на Беларусі дзейнічалі 139 абшчын ЕХБ з колькасцю веруючых 8006, абшчын ХВЕ – 93, з колькасцю веруючых 9430, то ўжо на 1.10.1946 г. выяўлена 277 абшчын ЕХБ, якія дзейнічалі ў БССР, з колькасцю веруючых у іх – 17035, з іх 204 зарэгістраваны (13450 веруючых) [6, арк. 283; спр. 5, арк. 67].

В. Чэчнеў інфармаваў аб адсутнасці адкрытых выступленняў супраць зліцця ў адзіны саюз, сцвярджаў, што амаль усе прэсвітэры ахвотна прынялі зацверджанае на пашыранай нарадзе ў Маскве пагадненне і падпісалі ўстаноўленую для іх апытальную анкету [6, арк. 158]. І тым не менш, нягледзячы на значную колькасць далучаных абшчын пяцідзсятнікаў да Саюза, паведамленні кіраўнікоў Саюза пра адсутнасць адкрытых выступленняў, з улічэннем гэтага можна сказаць, што працэс аб'яднання не задаволіў ні адзін, ні другі бок. Вельмі часта сустракаліся выказванні, што далучэнне пяцідзсятнікаў да Саюза УСЕХБ з'яўлялася фармальным з мэтай арганізаваць, аформіць дакументы і пасля патрабаваць стварэння арганізацыі Саюза пяцідзсятнікаў [6, спр. 5, арк. 59]. Галоўным клопатам кіраўнікоў УСЕХБ і ўлад заставалася ў наступныя гады праблема пастаяннага парушэння Жнівёнскага пагаднення ў абшчынах. Менавіта з першых дзён аб'яднання, як гэта ні парадаксальна, пачалі фарміравацца перадумовы да рознагалосся паміж Саюзам ЕХБ і пяцідзсятнікамі і, як вынік, – крызіс і раскол у 1960-я гг.

Такім чынам, у пасляваенныя гады адбылося арганізацыйнае афармленне дзейнасці евангельскіх хрысціян, баптыстаў і пяцідзсятнікаў на тэрыторыі СССР, што садзейнічала легалізацыі і ўнармаванню іх дзейнасці. Пры гэтым веруючыя, прыстасоўваючыся да савецкага заканадаўства, страчвалі пэўныя свабоды ў рэлігійным жыцці. Да УСЕХБ былі далучаны пяцідзсятнікі, што выклікала рознагалоссе: з аднаго боку, імкненне дзяржавы кантраляваць

пяцідзсятнікаў у Саюзе ЕХБ без уліку рэлігійных асаблівасцей баптыстаў і пяцідзсятнікаў, а з другога – злоўжыванні кіраўнікоў ЕХБ у дачыненні да пяцідзсятнікаў, якія не згаджаліся мяняць свае рэлігійныя традыцыі, прывялі да выхаду часткі незадаволеных пяцідзсятнікаў і пераходу да нелегальнай дзейнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Митрохин Л.Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологический очерк). – СПб., 1997. – С. 399.
2. *История евангельских христиан-баптистов в СССР.* – М., 1989. – С. 11.
3. *О религии и церкви:* Сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства / Сост. *А.М. Залесский, Т.Г. Купчеля.* – Мн., 1993. – С. 81.
4. *Баптизм и баптисты* (социологический очерк). – Мн., 1969. – С. 35.
5. *Лиешиц Г.М.* Религия и церковь в истории общества. – Мн., 1980. – С. 304.
6. *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь*, фонд 952, воп. 2, спр. 2, арк. 29.

S U M M A R Y

The article deals with the issue of creation of the All-Union Association of Evangelical Christian-Baptist Churches (AUAECBC), which is considered as a midpoint of the Protestant Church history in the post-war period. The main causes and consequences that called forth the unification of various directions of Protestantism are determined and formulated.

Поступила в редакцию 11.10.2004

УДК 947.6 «1941–1944»

І.У. Нікалаева

Выкарыстанне нямецкімі акупантамі працы жаночага насельніцтва Беларусі ў мясцовай вытворчасці і на прымусовых работах (1941–1944 гг.)

Эксплуатацыя мясцовых працоўных рэсурсаў з'яўлялася адной з галоўных задач нямецка-фашысцкага акупацыйнага рэжыму ў Беларусі. Неад'ёмнай часткай нацысцкай гаспадарчай практыкі на беларускай тэрыторыі стала выкарыстанне працы жаночага насельніцтва рэгіёна ў інтарэсах нямецкай ваеннай эканомікі, акупацыйнай адміністрацыі і часцей вермахта. У прадстаўленым артыкуле зроблена спроба прааналізаваць асноўныя накірункі і этапы германскай працоўнай палітыкі ў дачыненні да жанчын на часова захопленай тэрыторыі Беларусі. Асноўнымі крыніцамі, на якіх грунтуюцца аўтарскія меркаванні, з'яўляюцца апублікаваныя і архіўныя дакументы, а таксама працы айчынных гісторыкаў.

Да эксплуатацыі працы жанчын гітлераўцы прыступілі з першых дзён акупацыі Беларусі. Распараджэннем рэйхсміністра акупаваных усходніх зямель А. Розенберга ад 5.08.1941 г. уведзілася абавязковая працоўная павіннасць для

ўсяго мясцовага насельніцтва ва ўзросце ад 18 да 45 год, у тым ліку і жанчын. Пры гэтым у распараджэнні падкрэслівалася, што рэйхскамісары маглі для пэўных груп жыхарства пашыраць або абмяжоўваць абавязак да працы [1]. У выніку ўзроставаыя рамкі працоўнай павіннасці карэктываліся на месцах і пашыраліся на жанчын ад 15- да 55-гадовага ўзросту [1, спр. 8, арк. 8; 2].

Спецыяльна створаныя аддзелы і біржы працы павінны былі ў кароткі тэрмін правесці статыстычны ўлік усіх жыхароў акупаваных тэрыторый, асобна вылучыўшы іх працаздольную частку. Пры гэтым прадугледжвалася размежаванне катэгорый рабочай сілы па полу. Так, у Вілейцы восенню 1941 г. ўлік працаздольных праводзіўся двума пасрэдніцкімі бюро: мужчынскім і жаночым [3]. З мэтай прадухіліць магчымасць нез'яўлення насельніцтва на рэгістрацыю ўсталёўваліся штрафныя меры пакарання. Планавалася, што ў генеральнай акрузе Беларусь пасля ўсеагульнага ўліку грамадзянскага насельніцтва працаздольныя жанчыны складуць 428 тысяч чалавек ці больш за 60% усіх працаздольных. У гэтыя падлікі не ўваходзілі жанчыны яўрэйскай нацыянальнасці. Па даных бірж працы, у генеральнай акрузе да гэтага часу было 17400 яўрээк, якіх разлічвалася прыцягнуць да работы [4].

Рэгістрацыя жаночага насельніцтва і ўдакладненне папярэдніх даных аб колькасці працаздольных жанчын узмоцнена праводзілася ў 1942 г., калі ва ўмовах зрыву планаў «маланкавай вайны» і складанага ўнутрыэканамічнага становішча ў рэйху кіраўніцтва Германіі вымушана было звярнуцца да больш шырокага выкарыстання працоўных рэсурсаў усходніх акупаваных тэрыторый як у мясцовай, так і германскай вытворчасці. На тэрыторыі Мінскай акругі збор статыстычных даных на пачатку 1942 г. праводзіўся ў некалькі этапаў. Спачатку, з 19.01.1942 г. па 26.01.1942 г., біржы працы павінны былі сабраць звесткі аб беспрацоўных працаздольных мужчынах, пасля чаго неабходна было распачаць рэгістрацыю жанчын, якая павінна была закончыцца да 02.02.1942 г. Жаночая рабочая сіла падлягала ўліку ад 15 да 50 год. У першую чаргу зарэгістравацца павінны былі тыя працаздольныя жанчыны, якія да вайны ўжо працавалі па якой-небудзь спецыяльнасці. Жанчын, якія мелі двое і больш дзяцей да 14-ці год, біржам працы прадлісвалася «пакуль што» не ўлічваць [5]. Заўважым, што рэйхскамісары былі ўпаўнаважаны вызваляць ад абавязку рэгістравацца на біржах цяжарных і адзінокіх жанчын з дзецьмі [5, спр. 503, арк. 505]. Сітуацыя змянілася ў другой палове 1942 г., калі нямецкая акупацыйная адміністрацыя сутыкнулася з цяжкасцямі ў справе забеспячэння мясцовай эканомікі рабочай сілай. Гэта было звязана з распачатай вясной 1942 г. вярбоўкай насельніцтва Беларусі на работы ў рэйх, а таксама інтэнсіўным аднаўленнем мясцовай прамысловай і рамеснай вытворчасці з мэтай уключэння яе ў сістэму эканамічнага забеспячэння Германіі і яе ўзброеных сіл. Так, у кастрычніку 1942 г. на падставе заявак біржам працы ў Генеральным камісарыяце Беларусь была падлічана сярэднямесячная патрэба ў працоўнай сіле, якая складала 31500 чалавек, з іх каля 27% жанчын, а накіравана на работу – толькі 20 тысяч. Пры гэтым незадаволеныя за месяц заяўкі біржам працы на жаночую працоўную сілу склалі 1,5 тысяч [3, спр. 955, арк. 103].

Ва ўмовах кадравага голаду, які ўзнік на акупаванай тэрыторыі, германскія ўлады ўсё больш пачалі схіляцца да пашырэння практыкі выкарыстання працы жаночага насельніцтва ў мясцовай вытворчасці. Так, найбліжэйшы памочнік рэйхсміністра па занятых усходніх абласцях маёр Мюлер, аналізуючы катастрафічную сітуацыю з мясцовай рабочай сілай у аператыўнай зоне «Цэнтр», у справаздачы А. Розенбергу 8.10.1942 г. адзначаў: «Жанчын гэтай

краіны можна разглядаць як паўнацэнную рабочую сілу, таму што яны не толькі прывыклі да цяжкіх мужчынскіх работ, але і больш старанныя за мужчын» [3, спр. 973, арк. 43–44]. У сувязі з гэтым біржамі працы пачалі ўлічвацца жанчыны, «занятыя дзецьмі або хатнімі абавязкамі, якія не падлягалі раней рэгістрацыі» [6].

Аддзелы працоўнага кіравання падзялялі мясцовых жанчын на тых, якія мелі сем'і, і на тых, якія не былі замужам, апошніх можна было лёгка накіроўваць на любыя работы на тэрыторыі Беларусі, а таксама ў Германію. Рэгістрацыя на біржах прадугледжвала абавязковае ўказанне жанчынамі іх спецыяльнасці. У далейшым акупацыйныя ўлады фіксавалі колькасць працаздольнага насельніцтва па прафесійных групах. Да прыкладу, у Мінскай акрузе ўлік працаздольных жанчын ажыццяўляўся ў адпаведнасці з агульнапрынятым спісам груп прафесій для прызначэння на работы, што ўключаў у сябе 28 пунктаў, кожны з якіх утрымліваў пералік канкрэтных спецыяльнасцяў, аб'яднаных у дадзенай групе. Так, сярод спецыялістаў транспарту асобна вылучаліся вагонаважатыя, кандуктары, шафёры, стрэлачніцы і г.д. [5, арк. 247–253; спр. 403, арк. 6]. Такая дэталёвая статыстыка па прафесіях дазваляла аператыўна рэагаваць на запыт гарадскіх (раённых) упраўленняў, нямецкіх воінскіх часцей, разнастайных грамадзянскіх устаноў і арганізацый, а таксама зацікаўленых прадпрыемстваў аб рабочых канкрэтных спецыяльнасцях.

Маштаб, формы і ўмовы скарыстання працы жаночага насельніцтва залежалі ад эканамічнага патэнцыялу канкрэтнага рэгіёна і асаблівасцей нацысцкай палітыкі ў разнастайных зонах акупацыі. Мерапрыемствы акупацыйных улад былі накіраваны на максімальнае выкарыстанне кваліфікаванай працоўнай сілы галоўным чынам на прадпрыемствах ваеннага характару, а таксама ў вытворчасці, арыентаванай на армейскія патрэбы. Аднаўляліся ў першую чаргу такія галіны, як энергетычная гаспадарка, жалеза- і металаапрацоўка, скураная і шкляная індустрыя, хімічная вытворчасць, дрэваапрацоўка і інш. Заўважым, што асноўную частку кваліфікаваных спецыялістаў у гэтым сектары эканомікі заўсёды традыцыйна складалі мужчыны, тады як даваенная структура жаночай занятасці ў БССР характарызавалася перавагай жанчын у сферы абслугоўвання, а таксама культуры і адукацыі. Гэта ў значнай ступені прадвызначыла становішча на рынку працы ва ўмовах акупацыі і прывяло да таго, што менавіта жаночае насельніцтва з'яўлялася тым патэнцыяльным кантынгентам, які ў першую чаргу прыцягваўся да прымусовых работ.

Аналіз архіўных крыніц дазваляе вылучыць наступныя накірункі прымусовых работ, дзе выкарыстоўвалася праца жанчын. Спецыфічнай формай працоўнага прымусу стала прыцягненне жаночага насельніцтва да работ, якія праводзіліся па непасрэдным забеспячэнні баявых дзеянняў вермахта ў прыфрантавой паласе – будаўніцтве ліній умацаванняў і абарончых пазіцый. Пры гэтым нямецкія спецслужбы кіраваліся «ўказаннем» рэйхсфюрэра СС Г. Гімлера, які, выступаючы 4.10.1942 г. перад групай генералаў у Познані, адзначыў: «Ці загіне дзесяць тысяч рускіх баб ад знясілення пад час рыцця процітанкавых равоў, мяне не цікавіць. Для мяне значна толькі адно – калі роў будзе закончаны для Германіі» [7]. У межах працоўнай павіннасці жаночае насельніцтва, нараўне з мужчынскім, шырока прыцягвалася да работ па будаўніцтве і падтрыманні ў рабочым стане сеткі камунікацый у кантралюемых немцамі раёнах, што з узмацненнем партызанскай барацьбы становілася першаснай задачай акупацыйных органаў. Даволі распаўсюджаным было выкарыстанне жанчын на работах па ўборцы памяшканняў, добраўпарадкаванні

і падтрыманні ў чысціні вуліц, у тым ліку ачыстцы іх ад снегу і лёду ў зімні перыяд. Жанчыны, праца якіх цанілася вельмі танна, шырока выкарыстоўваліся ў парадку абавязковай працоўнай павіннасці на прадпрыемствах у якасці чорнарабочых. Асабліва масавым была эксплуатацыя іх працы на торфаздабычы. Абмежавана, галоўным чынам пры адсутнасці дастатковай колькасці мужчынскай рабочай сілы, мясцовае жаночае насельніцтва прыцягвалася таксама да работ у лясной гаспадарцы.

Важнейшым накірункам эксплуатацыі жаночай працоўнай сілы было прыцягненне іх да прымусовай працы ў мясцовай сельскай гаспадарцы. Гэта стала асноўнай формай выкарыстання вясковага жаночага насельніцтва, якое складала пераважную большасць у параўнанні з гарадскім. Па даных на 1940 г., у цэлым у сельскай мясцовасці пражывала 79% насельніцтва Беларусі. На падставе звестак аб працуючых жанчынах Мінскага раёна на 01.12.1942 г. можна скласці ўяўленне аб структуры занятасці гэтай групы насельніцтва. Сярод 7248 працуючых жанчын каля 75% займаліся сельскай гаспадаркай, 6,5% з'яўляліся работнікамі медыцыны, адукацыі і мастацтва, 6% – сферы паслуг, 4,1% працавалі падсобнымі рабочымі, 3,7% былі занятыя ў прамысловай і рамеснай вытворчасці, прычым абсалютная большасць з іх мела спецыяльнасці, звязаныя з пашывам адзення і абутку. Больш за 3% складалі служачыя грамадскіх аб'яднанняў і работнікі сферы гандлю, 0,3% з'яўляліся інжынерна-тэхнічнымі работнікамі [5, спр. 403, арк. 3].

У асабліва цяжкім становішчы апынуліся яўрэйскія жанчыны. Нацысцкая палітыка генацыду, якая праводзілася акупацыйнымі ўладамі ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва, прадугледжвала інтэнсіўнае выкарыстанне працы яўрэяў на самых знясільваючых і нізкааплачваемых работах да «канчатковага вырашэння яўрэйскага пытання», г.зн. татальнага знішчэння яўрэяў. Так, напрыклад, яўрэйскія жанчыны, вязніцы Мінскага гета, прыцягваліся да брукавання двара турмы камянямі, якія трэба было насіць, разбіваць і ўкладваць [8].

Абвешчаная фюрэрам у 1943 г. татальная мабілізацыя ў рэйху матэрыяльных і людскіх рэсурсаў знайшла працяг у палітыцы масавай дэпартацыі працоўнай сілы з акупаваных тэрыторый. У выніку чаго прадпрыемствы, якія дзейнічалі ў Беларусі, пачалі адчуваць востры недахоп рабочых рук. У пошуку новых крыніц папаўнення працоўных рэсурсаў акупацыйная адміністрацыя рэкамендавала кіраўнікам усіх устаноў і прадпрыемстваў прыцягваць жанчын да работ, якія раней выконваліся мужчынамі [9]. У гэтай сувязі германскія ўлады выкарыстоўвалі розныя спосабы для таго, каб задзейнічаць яшчэ не занятых па розных прычынах працаздольных жанчын. Аб'ектам самага пільнага нагляду сталі хатнія гаспадыні, якія мелі на выхаванні дзяцей дашкольнага ўзросту. Значнае распаўсюджванне на гарадскіх прадпрыемствах атрымала практыка задзейнічання жанчын-маці на няпоўным рабочым дні [3, арк. 185]. Згодна з распараджэннямі генеральнага камісара Беларусі В. Кубэ і камандуючага армейскай вобласцю генерала М. Шэнкендорфа ў гарадах для нагляду за дзецьмі, па прычыне наяўнасці якіх працаздольныя жанчыны не маглі быць выкарыстаны на рабоце, рэкамендавалася арганізоўваць дзіцячыя сады і яслі [1, ф. 2074, воп. 13, спр. 2, арк. 74; 5, спр. 1, арк. 145].

Эксплуатацыя жаночай працы ў сувязі з усё больш відавочным недахопам мужчынскай рабочай сілы набыла выключнае значэнне з другой паловы 1943 г., калі Чырвоная Армія, разгортваючы наступленне, наблізілася да тэрыторыі Беларусі, і да поўнага яе вызвалення. Загадам камандавання групы арміі «Цэнтр» усё жаночае насельніцтва ва ўзросце ад 14 да 65 год абязвалася фак-

тычна да неабмежаванага адбывання прымусовых работ на акупантаў [7, с. 92–96]. З мэтай папаўнення працоўных рэсурсаў на акупаванай тэрыторыі выкарыстоўваліся выключныя меры па захопу працаздольнага насельніцтва пад час правядзення карных аперацый супраць партызан. Захопленыя ў ходзе такіх аперацый жанчыны павінны былі накіроўвацца ў якасці працоўнай сілы ў рэйх ці на прымусовыя работы ў межах Беларусі, галоўным чынам у апэратыўным тыле. Так, пад час правядзення летам 1944 г. шэрагу аперацый супраць партызан на тэрыторыі 3-й танкавай арміі групы армій «Цэнтр» з 5015 жанчын, пакінутых для выкарыстання ў якасці працоўнай сілы на акупаванай тэрыторыі, 1710 былі перададзены «Арганізацыі Тодта», 2241 накіраваны на будаўніцтва абарончых рубяжоў, 637 – чыгуначных ліній [7, с. 356].

Такім чынам, германскія ўлады разглядалі жаночае насельніцтва Беларусі ў якасці важнай крыніцы папаўнення працоўных рэсурсаў. У палітыцы акупантаў у сферы выкарыстання працы мясцовых жанчын можна вылучыць некалькі этапаў, звязаных са станам развіцця падзей на савецка-германскім фронце, унутрыэканамічнай сітуацыяй у рэйху і становішчам на рынку працы на акупаванай беларускай тэрыторыі. На першым этапе гэтай палітыкі (1941 – першая палова 1942 г.) жаночай працоўнай сіле адводзілася дапаможная роля ў функцыянаванні ствараемых гаспадарчых структур, якія забяспечвалі патрэбнасці вермахта і таксама мясцовых грамадзянскіх кіраўніцтваў. Другі этап (другая палова 1942 – першая палова 1943 г.) характарызуецца пашырэннем практыкі выкарыстання працы жаночага насельніцтва ў мясцовай вытворчасці і на прымусовых работах. Трэці этап (другая палова 1943–1944 г.) звязаны з максімальнай эксплуатацыяй жаночых працоўных рэсурсаў у інтарэсах ваеннай эканомікі фашысцкай Германіі і яе ўзброеных сіл.

ЛІТАРАТУРА

1. *Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці*, ф. 2290, воп. 1, спр. 105, арк. 29.
2. *Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці*, ф. 859, воп. 1, спр. 3, арк. 6.
3. *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь*, ф. 4683, воп. 3, спр. 978, арк. 170.
4. *Белорусские остарбайтеры*. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 1 (1941–1942). – Мн., 1996. – С. 70–71.
5. *Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці*, ф. 623, воп. 1, спр. 173, арк. 229, 244.
6. *Беларуская газэта*, 1942, 9 жніўня.
7. *Белорусские остарбайтеры*. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы. В 2 кн. Кн. 2 (1943–1944). – Мн., 1997. – С. 234.
8. *Иоффе Э.Г. Белорусские евреи: трагедия и героизм: 1941–1945*. – Мн., 2003. – С. 234.
9. *Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці*, ф. 2733, воп. 1, спр. 59, арк. 11.

S U M M A R Y

The article deals with the issue of using Belarusian female labour resources by German occupation authorities during the years of 1941–1944. The main directions and stages of such exploitation on the temporarily occupied Belarusian territory are analyzed in the article.

Поступила в редакцию 23.11.2004

Ю.И. Венгер

Государственная социальная политика по защите инвалидов в Республике Беларусь

Цивилизованное государство не может нормально функционировать и прогрессивно развиваться, не создавая условий для формирования достаточно развитого гражданского общества, которое характеризуется высоким уровнем развития демократии, разработанностью законодательной базы и активностью граждан во всех сферах жизнедеятельности: экономической, политической, социальной, духовной.

До начала 1990-х годов система социальной защиты инвалидов базировалась на основе Конституции СССР, в соответствии с установками и концепциями того времени. Например, пенсия по инвалидности предусматривалась в качестве единственной формы социального обеспечения этих лиц. А концепция процедуры определения инвалидности была основана исключительно на утрате трудоспособности личности.

В современном мире важной проблемой является комплексная разработка нормативно-правовых актов по социальной защите населения, в первую очередь по отношению к инвалидам: 11 ноября 1991 года Верховным Советом был принят Закон «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь». Данный Закон определял государственную политику в отношении инвалидов и имел целью осуществление эффективных мер по их социальной защите и обеспечению равенства и полноценного участия в жизни общества. С этого времени система социальной защиты инвалидов складывается в стране как социальный институт, который характеризуется совокупностью принципов, социальных норм, учреждений, организаций и действий людей. Ее последующее становление и развитие были обусловлены действием объективных экономических, политических, нравственно-психологических факторов, которые и определяли содержание, направленность, формы и методы.

17 октября 1994 года Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко был подписан Закон «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов». Настоящий Закон определяет государственную политику в области предупреждения инвалидности и реабилитации инвалидов как составной части охраны общественного здоровья в целях гарантий и обеспечения условий для его сохранения, восстановления и компенсации нарушенных или утраченных способностей инвалидов к общественной, профессиональной и бытовой деятельности в соответствии с их интересами и потенциальными возможностями.

В системе центральных органов управления социальной защиты главной структурой является Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, созданное в 1994 году на базе Министерства социального обеспечения. Руководство социальной защитой инвалидов осуществляется также рядом министерств и ведомств исполнительной власти: Министерством здравоохранения, Государственным межведомственным Советом по проблемам инвалидов, Министерством обороны, Министерством внутренних дел.

Следует отметить, что социально-экономические реформы, проводимые в стране, сильно влияют на жизнь общества, в том числе и инвалидов.

С 1991 года органами социального обеспечения проводилась работа по совершенствованию социального обслуживания нетрудоспособных граждан. Вследствие этого активно развивалась служба надомного обслуживания. В Республике Беларусь в середине девяностых функционировали 477 отделений социальной помощи, которыми обслуживалось 44505 инвалидов и пенсионеров. Определенная помощь оказывается не только государством, но и органами социального обеспечения общественного формирования (Советы ветеранов войны и труда, Фонд мира, Фонд милосердия и здоровья, Общество Красного Креста и т.д.).

Так, Фондом милосердия за 1991 год 19977 одиноким нетрудоспособным гражданам оказано различных видов материальной и натуральной помощи (денежная помощь, доплаты к пенсиям, оплата жилья, путевок, приобретение одежды и постельных принадлежностей, ремонт квартир...) на сумму 866,04 тысячи рублей.

В г. Волковыске при малом предприятии «Прио» открыт магазин, где можно купить по более низким ценам одежду и обувь. В 1994 году по спискам горсобеса здесь было реализовано 300 пар дешевой обуви. За средства отдела ежеквартально 200 малообеспеченных инвалидов и пенсионеров получают продуктовые пакеты; также в ноябре 1994 года в г. Минске был открыт магазин по низким ценам «Суполка», за первый год работы там было обслужено 3,5 тысячи человек. В Партизанском районе столицы функционирует центр «Добразычлівасць», сотрудники которого доставляют на дом пособия и пенсии, оказывают юридическую помощь [1, д. 40, л. 132].

В г. Пинске совместно с данным обществом открыт «Дом милосердия», который может обслуживать до 17 инвалидов (все они тяжелобольные люди, которые не могут обходиться без посторонней помощи). При нем действует магазин «Милосердие», который собирает бывшие в употреблении вещи и раздает их нуждающимся инвалидам и пенсионерам. Из года в год количество данных учреждений растет, и в 2000 году в Республике Беларусь насчитывалось 46 салонов «Милосердия». В Брестской области через эти салоны получили одежду, обувь, продовольственные наборы более 12 тысяч нуждающихся, а в Витебской области – 14 тысяч [1, д. 65, л. 19].

В Гродненской области была введена практика закрепления инвалидов и престарелых за предприятиями и организациями, которые им постоянно оказывают разнообразную помощь: материальную, продуктами питания, одеждой. Например, в 1994 году такая помощь была оказана 298 нуждающимся. Данный вид помощи переняли в соседних районах, и к 2000 году таких предприятий насчитывалось 700 только в Витебской области.

Несмотря на экономический кризис, государство выделяло квартиры для инвалидов. Так, в 1992 году инвалиды получили ордера на 328 квартир. Число это увеличивается в среднем на 2,3%, и в 1997 году квартиры предоставлены уже 911 людям. Однако в очереди на получение еще стоит 1828 инвалидов. Государственные органы социальной защиты помогают нуждающимся в ремонте домов и квартир. В 1992 году за счет местного бюджета в Гродненской области было отремонтировано 83 дома, а в 1993 году их число по республике составило 274. Заботится государство и о поддержании здоровья инвалидов. Поэтому в 1998 году путевки на отдых получили 28 тысяч инвалидов и пенсионеров. Но количество их зависит от финансирования из госбюджета. В 2000 году инвалидами и пенсионерами получены 27644 путевки для отдыха и лечения, что на 16% меньше, чем в 1998 году [1, д. 65, л. 59].

Главной проблемой для инвалидов является обеспеченность техническими средствами передвижения. Белорусский протезно-ортопедический восстановительный центр обеспечил протезами верхних и нижних конечностей

11417 человек, изделиями лечебного протезирования – 26629 человек, ортопедической обувью – 45729 человек. Инвалидам в 1998 году выдана 3131 инвалидная коляска, что на 437 больше, чем в 1997 году. А в 1999 году Белорусским протезно-ортопедическим центром поставлено на 6 штук больше инвалидных кресел, чем в 1998 году. Однако нестабильность экономической ситуации влияет на социальную политику. Из-за сокращения финансирования из государственного бюджета (оно было сокращено на 50%) в 2000 году протезным центром недопоставлено управлениям социальной защиты 330 колясок. На сегодняшний момент трудноразрешима проблема с бесплатной выдачей автомобилей «Ока» и «Таврия», поскольку они поступают в нашу страну из России. Так, в 1995 году в очереди на получение автомобиля находилось 9,1 тысячи человек. В 1999 году инвалидам выдано 542 автомобиля с ручным управлением, а в очереди осталось еще 8 тысяч 436 человек. В 2000 году Белорусский протезный центр получил лицензию Министерства здравоохранения на проведение медицинской практики по 25 видам деятельности. Ежегодно медицинские службы оказывают протезно-ортопедическую помощь 80 тысячам инвалидов, и число их возрастает на 0,8% [1, д. 67, л. 30].

Важнейшей задачей в области защиты прав инвалидов является их трудоустройство. Строительство и ввод в действие новых государственных спецпредприятий для инвалидов в 1988–1992 годах практически были прекращены. На 80% предприятий был ликвидирован надомный труд, уволены инвалиды. В новых экономических условиях вопросы профессиональной реабилитации инвалидов становятся более значимыми. В 1994 году в г. Сморгони образовано малое предприятие «Латона», в котором 52% работающих составляют инвалиды, выполняющие работу на дому. На данный период по линии БелОИ зарегистрировано 9 предприятий для инвалидов, из них 5 в Гродно. Но фактически работают только 2 [1, д. 65, л. 202]. Успешно реализуется программа занятости инвалидов в г. Минске. В течение 1994 года из 90 зарегистрированных инвалидов, желающих работать, трудоустроено семьдесят человек [1, д. 71, л. 7]. В 1997 году Германия оказала помощь в переподготовке инвалидов. Экспериментальный центр подготовил 23 человека по специальности «Коммерческая деятельность» [1, д. 72, л. 91].

Таким образом, в 1990-е годы в Республике Беларусь наблюдалось формирование нормативно-правовых актов для укрепления материального и морального положения инвалидов. В процессе усовершенствования системы социального обеспечения сложилась новая структура оказания помощи нуждающимся. Несмотря на кризисные явления и нестабильность в экономике, государство создавало условия для жизнедеятельности инвалидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Текущий архив Министерства труда и социальной защиты, ф. 102, д. 64, л. 34.

S U M M A R Y

The national social policy concerning the handicapped makes up the object of the article. Social policy is based on the legislation of the Republic of Belarus and consists in undertaking measures to improve living conditions of this category of population.

Поступила в редакцию 30.08.2004

В.И. Орлов

Категориальное пространство современной теории предпринимательской деятельности

Различные теории предпринимательской деятельности отличаются не только исходными теоретико-мировоззренческими предпосылками, но и системой базисных категорий. В качестве последней автор взял систему из пяти категорий: «капитал», «капитализм», «рынок», «предприниматель» и «потребитель». Такой выбор обусловлен тем, что, на наш взгляд, именно данные категории являются центральными, системообразующими в теории предпринимательской деятельности. Все остальные категории – производные и могут быть выведены путем философского анализа из исходных. Рассмотрение системы этих категорий мы начнем с понятия «капитал».

Современная наука выделяет несколько форм капитала: *денежный*, или экономический; *культурный*, или человеческий; *социальный*, или общественный; *символический* и др. **Денежный**, или экономический, капитал – это накопленное богатство, реализованное в средствах производства либо способное их создать или приобрести. Капитал не обязательно должен быть в денежной форме. Однако в условиях свободного рынка любые другие виды экономического капитала имеют свой денежный эквивалент. «Капитал представляет собой сумму денежных эквивалентов всех активов минус сумма денежных эквивалентов всех обязательств, зафиксированных на определенную дату производственной деятельности определенного предприятия. Не имеет значения, из чего состоят эти активы, являются ли они земельными участками, зданиями, оборудованием, инструментами, товарами любого рода и порядка, дебиторской задолженностью или чем-то другим» [1]. Особенно важно то, что в данном определении подчеркивается надличностный характер капитала, откуда следует, что капиталистический обмен осуществляется анонимными, исключаящими элемент субъективности, нивелирующими человеческие индивидуальности деньгами.

Одной из форм человеческого капитала является **социальный**, или общественный, капитал. Ф. Фукуяма определяет, что «общественный капитал – это возможности, возникающие из наличия доверия в обществе или его частях. Он может существовать в мельчайшей и основной социальной ячейке, в семье, или же на уровне предельно большого коллектива – всего народа, равно как и в рамках какой-либо из промежуточных групп... Приобретение общественного капитала ... требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность» [2]. Социальный капитал, в отличие от денежного, служит в первую очередь групповым или общественным интере-

сам. Он зависит от общения и взаимодействия между людьми, и поэтому его значимость заключается в постоянном общении.

Социальный капитал в условиях переходной экономики является важнейшей формой капитала. При наличии нужных связей и знакомств необходимость в денежном капитале могла быть очень незначительной или вообще свестись к нулю. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в СССР существовала возможность нажить огромное состояние, обладая только социальным капиталом. Вся продукция отпускалась покупателям без предварительной оплаты. После отгрузки продавец выставлял покупателю через банк платежное требование, которое оплачивалось в течение нескольких дней. Покупатель же, в свою очередь, перепродавал дефицитный товар по предварительной оплате. Таким образом, он мог иметь на расчетном счете деньги еще до того, как получит товар. При такой схеме денежный капитал не требовался вовсе. Требовался только доступ к дефицитным ресурсам. Этот доступ обеспечивался знакомствами и родственными связями, или при помощи взяток. При реализации приобретенных ресурсов конечная цена продукции возрастала в десятки раз. Таким образом, социальный капитал конвертировался в денежный. Безусловно, подобного рода конвертация существует и в странах с развитой системой капиталистических отношений. Вот почему наиболее престижные западные вузы привлекают к себе будущих студентов не только уровнем знаний, который они могут им дать, но и возможностью уже на студенческой скамье наладить неформальные взаимоотношения с будущими политиками, бизнесменами и т.д.

Социальный капитал «создается и передается посредством культурных механизмов – через религию, традиции и обычаи» [2, с. 134]. Необходимо отметить, что и сами элементы культуры могут являться капиталом. В современных условиях капиталом является не столько земля, заводы, оборудование, сколько знания и квалификация людей, которые составляют человеческий капитал. Такие элементы культуры, как знания, квалификация, способности, моральные ценности, ответственность, являются одной из форм капитала. **Культурный, или человеческий, капитал**, так же как денежный и социальный, способствует достижению поставленных целей. Он может служить в качестве инвестиций и приносить прибыль. Авторы работы «Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании» Л. Эдвинссон и М. Мэлоун считают, что человеческий капитал – это «совокупность знаний, практических навыков и творческих способностей служащих компании, приложенная к выполнению задач. Другими его составляющими являются моральные ценности компании, культура труда и общий подход к делу» [3]. По мнению авторов, человеческий капитал не может быть собственностью компании. Таким образом, человеческий капитал – это не только квалификация и знания, но также и способность людей к общению, играющая важную роль в хозяйственной и общественной жизни.

Денежный, социальный и культурный капиталы конвертируются в **символический капитал**, то есть *право быть символом успеха*. На Западе богатство и капитал являются символом не только успеха, но и самого бытия. Люди, добившиеся успеха, гордятся этим и считаются национальными героями (например, Ли Якока, спасший фирму «Крайслер» от краха). На уровне обычного понимания капитал как символ выразился в США в американской мечте о достижении богатства с помощью только своих сил, не надеясь на помощь государства. Отметим, что, по мнению Пьера Бурдьё, символический капитал является самой универсальной формой капитала, в которую конвертируются все остальные. Согласно этой точке зрения, в обществе существует

стремление не только к экономическим, но и к символическим преимуществам. Символический капитал является мощным средством господства. Поддержка в обществе укрепляет и стабилизирует денежный, социальный и культурный капиталы [4]. Желаемая символика насаждается с помощью манипулирования общественным мнением. «Во всех долгоживущих обществах, – отмечает Л. Туроу, – экономическая и политическая власть шли рука об руку... Не случайно капиталистические общества устроили политические системы, где экономическое богатство может переходить в политическую власть..., большинство из ста сенаторов США – миллионеры. Не случайно Америка построила систему, где люди с политической властью, но без богатства имеют «возможность» превращать свою политическую власть в богатство» [5]. Обычно, достигнув определенного уровня материального богатства, люди стремятся уже не к увеличению потребления, а к власти. «Власть – это высший потребительский продукт. Это почти единственное, чего можно желать и что можно потреблять в неограниченном количестве. В некоторой мере, но не полностью, власть политического деятеля может возместить ему недостаток денег, а экономическая власть бизнесмена может возместить ему недостаток политической власти» [5, с. 293].

Само слово «капитализм», как ни странно, впервые можно встретить лишь в работе Ж.-Б. Ришара «Новые богатства французского языка», изданной в 1842 году. Понятный же смысл этому слову впервые придал Луи Блан в полемике с Фредериком Бастиа, назвав в 1860 году «капитализмом» присвоение капитала одними с исключением других. Затем данное понятие стало широко применяться, к началу XX века, в политических дискуссиях как антоним слова «социализм», но только после появления книги В. Зомбарта «Современный капитализм» в 1902 г. оно приобрело макросоциологический смысл.

К. Маркс и вся западная научная мысль до М. Вебера признавали существование лишь единственного варианта капитализма, возникшего в XVI веке в Европе. В отличие от них, М. Вебер стал рассматривать капитализм в качестве универсально-исторического феномена с трехтысячелетней историей и создал социологическую концепцию капитализма в его широком культурно-историческом значении. Особенно важным нам представляется то, что он показал роль внеэкономических факторов в построении капиталистического общества. Капитализм не в качестве отдельных элементов, существовавших в той или иной пропорции в экономике многих обществ на протяжении последних трех тысячелетий, а в качестве господствующего способа производства, возникает, согласно М. Веберу, не тогда, когда для этого созреют экономические предпосылки (такова точка зрения К. Маркса), а тогда, когда произойдет определенная революция в сознании достаточного числа активных членов общества. Преодолев исторически ограниченные рамки марксовской теории, М. Вебер сумел придать капитализму широкое историческое и социокультурное значение. По его мнению, капитализм в аспекте социальной психологии «тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрождающейся прибыли, к рентабельности» [6].

Отметим, что если в марксовом понимании капитализма ключевое место занимает частная собственность, то М. Вебер делает упор на социокультурные и психологические аспекты. Данный подход, на наш взгляд, особенно продуктивен в современных условиях, когда институт частной собственности, являвшийся стержнем классического капитализма, претерпел существенные изменения. Вот почему Э. Фромм, выделяя четыре общих черты капитализма, вообще не указывает частную собственность, а сводит их к следующему:

«1) существование политически и юридически свободных людей; 2) продажа этими свободными людьми (рабочими и служащими) своей рабочей силы на рынке труда владельцу капитала – по контракту; 3) наличие товарного рынка как механизма, определяющего цены и регулирующего обмен общественного продукта; 4) принцип, согласно которому каждый индивид действует, стремясь добиться пользы для себя лично; при этом предполагается, что конкуренция многих должна приносить максимальную выгоду всем» [7].

Некоторые авторы считают капитализм скорее психолого-мировоззренческим, чем экономическим феноменом. Так, например, с подобной точки зрения дает определение капитализма Л. Мизес: «Капитализм – это система, которая побуждает наиболее сообразительные и подвижные умы к максимальному проявлению своих способностей с целью повышения благосостояния неповоротливого и медлительного большинства» [1, с. 575]. К этому определению Л. Мизес добавляет еще одну характеристику. «Понятие капитализма является неизменным, – утверждает он, – если оно что-то обозначает, то оно обозначает рыночную экономику» [1, с. 255]. Автор не придерживается такой односторонней точки зрения, однако согласен с утверждением о том, что рыночная экономика является основным инвариантом любого типа капиталистических отношений.

Под рыночной экономикой понимается общественная система разделения труда в условиях частной собственности. Действия каждого из участников направлены не только на удовлетворение собственных нужд, но и на удовлетворение нужд других людей. Эта система управляется рынком, который направляет действия индивидов таким образом, чтобы они наилучшим образом отвечали желаниям окружающих. Существует точка зрения, рассматривающая рынок как инструмент для формирования представлений об изначально заданных целях. Согласно другой точке зрения, рынок является механизмом для открытия и установления возможных целей.

Отмечая характер действий рыночных агентов, В.В. Радаев выделяет три логики рыночных действий: эгоистическую, утилитаристскую, деонтологическую. *Эгоистическая логика* предполагает следование собственному экономическому интересу независимо от норм и долгосрочных последствий. Решающей силой, корректирующей поведение, является внешнее принуждение, а нравственные побуждения считаются «дефицитным ресурсом» и не принимаются в расчет. *Утилитаристская логика* предполагает выход за рамки эгоистичных установок в плоскость нормативного индивидуализма. Она нацелена на максимизацию выгоды или минимизацию издержек, ориентирована на более длительную перспективу и включает заботу о личной репутации. *Деонтологическая логика* исходит из существования кодексов поведения, которые не сводятся к экономическому интересу и не нуждаются во внешнем принуждении. Участники рынка подчиняются моральным императивам, опирающимся на традиции или являющимся продуктом идеологических воздействий [8]. Эгоистическая логика описывает тип «дозэкономического человека». Действия эгоиста могут привести к потере выгоды или к дополнительным издержкам. Утилитаристская логика представляет «экономического» человека. Деонтологическая логика характеризует «экономико-социологического» человека.

Эгоистическая, утилитаристская и деонтологическая логики могут воплощаться как в рациональной, так и в чувственной формах. Что касается России, то там, по мнению В.В. Радаева, «при высокой нормативно-статусной неопределенности эгоистическая логика переживает резкий взлет» [8, с. 35]. Это присуще не только России, но и всему постсоветскому пространству. Сторонники эгоистической логики видят два пути преобразования «дикого рынка».

Первый путь: закрепление эффективных деловых норм в результате стихийного естественного отбора форм поведения. Это вариант *радикального эволюционизма*. Второй: целенаправленное обуздание действий эгоистов посредством применения материальных стимулов и принудительных средств со стороны партнеров, общественных институтов и государства. Это вариант *радикального консерватизма*. Первый путь требует нескольких десятилетий. Второй путь уже реализуется активно как в России, так и в бывших республиках СССР.

Глубинная сущность категории «**предприниматель**», на наш взгляд, может быть выражена феноменологически, через то дело, которым занимаются предприниматели, то есть через предпринимательство. Последнее можно рассматривать как деятельность по созданию социальных связей или социальных структур там, где их раньше не существовало. Преобразование социальной структуры и классовобразование являются достаточно длительными процессами, по крайней мере, по сравнению с трансформацией политической системы (например, для трансформации советской системы на постсоветском пространстве потребовалось всего 5–10 лет). Новый класс и новая социальная структура общества формируются гораздо дольше. На заре предпринимательства, по мнению французского историка Люсьена Февра, торговлей «занимались люди новые, лишенные корней – по большей части сельские жители... У этих людей не было начального капитала: разве могло быть иначе? Их величайший, их единственный капитал – это ум, это, говоря точнее, коммерческая хватка, активность, практическая сметка» [9]. Если в ту эпоху не было регламентаций сдерживающего и запрещающего характера, то позже они появились и «новые люди должны были употреблять свои таланты на то, чтобы обходить препятствия, которые ставились городскими регламентациями и церковными запретами на пути к быстрому и непомерному обогащению» [9, с. 197].

Обратим внимание на то, что эти люди в основной своей массе являлись не аморальными личностями (хотя встречались и такие), а были носителями новой, нетрадиционной для данного общества морали. Затем, когда капиталистическое мировоззрение стало господствующим в обществе, выдающиеся предприниматели все равно были людьми, непохожими на большинство других. Но теперь их непохожесть носила не идеологический, а интеллектуальный характер. Современный капитализм тоже «был делом рук выскочек, новых людей, «сделавших себя собственными руками»: Ротшильда, Круппа, Шнайдера, Пежо, Кокрелла, Лаффита – все они начинали с нуля, имея в качестве капитала свой ум: особого рода ум, не тот что у интеллектуалов, чей ум может не иметь ничего общего с таковым у капиталиста; ум полностью практический, особое и изощренное чувство выгоды, умение пользоваться случаем и идти на хорошо рассчитанный риск» [9, с. 199]. В конце XX века такими выскочками явились Дж. Сорос и Б. Гейтс. На постсоветском пространстве к ним можно отнести российских магнатов О. Дерипаску, К. Бендুকидзе, Б. Березовского.

Современный капитализм превратил социальные низы, которые в предыдущие эпохи составляли толпы рабов и крепостных, бедняков и нищих, в покупателей, ради которых старается предприниматель. На эту особенность капитализма обращает внимание Й. Шумпетер: «Капиталистический механизм, – это прежде всего механизм массового потребления, что означает производство для масс» [10]. Вот почему в настоящее время новые товары становятся прибыльными только при условии их массового производства и поэтому рассчитаны для широкого потребления. Предприниматели, предвосхитившие желания потребителей, получают прибыль, в то время как менее дальновидные их конкуренты терпят убытки. Предпринимательские ошибки

приводят к убыткам неспособных предпринимателей, что уравнивается прибылью способных. Борьба за потребителей является смыслом деятельности и условием успеха бизнесменов.

Эта борьба породила неизвестный классическому капитализму феномен. Если раньше право собственности на приобретенную вещь возникало до пользования ею, то теперь все изменилось. Появление кредита позволило перейти от цивилизации «захватнической» к цивилизации пользовательской. Сегодня вещи появляются у потребителя еще не будучи заработанными. Обладание вещью предваряет собой воплощенную в ней сумму трудовых усилий. Потребление опережает производство. В традиционном хозяйстве, основанном на понятиях наследства и постоянного дохода, потребление никогда не шло впереди производства. Люди, стараясь жить по средствам, оказались на более низком уровне жизни, чем позволяли их средства [11]. «Ныне, – утверждает Ж. Бодрийяр, – родилась новая мораль: мораль опережающего потребления по отношению к накоплению, мораль убегания вперед, форсированного инвестирования, ускоренного потребления и хронической инфляции (копить деньги становится бессмысленно); отсюда берет начало вся современная система, где вещь сначала покупают, а затем уже выкупают своим трудом» [11, с. 173]. Действует иллюзия: общество кредитует потребителя ценной формальной свободой, а на деле потребитель кредитует общество, отчуждая в его пользу свое будущее. В каждом человеке, по мнению Ж. Бодрийяра, уживаются потребитель, сообщник строя производства, и никак не связанный с ним производитель – жертва этого строя. Эта разобщенность производителя и потребителя составляет главную силу интеграции: все делается для того, чтобы она ни в коем случае не приняла формы противоречия. Система кредита доводит до предела безответственность человека перед самим собой: покупатель отчуждает плательщика, и хотя фактически это один и тот же человек, система, разводя их во времени, делает так, что это остается им не осознано. «Там, – пишет Ж. Бодрийяр, – где кредит доходит до своего абсурдного предела (когда, например, из-за платежей за машину не остается денег на бензин, чтобы на ней ездить), там проявляется основополагающая истина нынешнего строя: вещи здесь предназначены вовсе не для того, чтобы ими владели и пользовались, но лишь для того, чтобы их производили и покупали. Иными словами, они не структурируются в интересах наших потребностей или же для более рациональной организации мира, а систематизируются исключительно в интересах определенного строя производства и идеологической интеграции» [11, с. 176–177].

Для понимания специфики современной предпринимательской деятельности большое значение имеет классификация потребителей. Среди всех разнообразных подходов к подобного рода классификации отметим подход, разработанный в программе «Ценности и образ жизни» (VALS) А. Митчелом в 1983 г. в калифорнийской фирме SRI, консультирующей менеджеров. Система VALS подразделяет всех потребителей на четыре основных категории, используя различные комбинации из девяти исходных стилей жизни. В результате А. Митчел получил четыре базовые категории потребителей, соответствующих определенному сочетанию потребительских ценностей и образов жизни: *Движимые нуждой*, *Ориентированные на внешний мир*, *Ориентированные на внутренний мир*, *Целостные* [12]. Кроме программы VALS, существует программа VALS 2, а также одна из альтернатив VALS – «Перечень ценностей» (LOV), разработанная учеными Мичиганского университета.

Обратим внимание на то, что все эти классификации порождены чисто практическими потребностями маркетинга. Дело в том, что попытки удовле-

творить нужды всех без исключения потребителей заранее обречены на провал. Предприятие, которое решает работать на каком-то определенном рынке, обычно очень быстро приходит к пониманию, что не может обслуживать всех клиентов на этом рынке совершенно одинаково. Вот почему в практике маркетинга возникла потребность подразделять потребителей на различные типы и классы. В зависимости от того, насколько учитывают специалисты по маркетингу результаты этой классификации, можно выделить три стадии развития маркетинга: 1) *массовый маркетинг*, при котором продавец массово производит, массово распространяет и массово пропагандирует один вид продукции всем покупателям; 2) *маркетинг с дифференциацией товаров*: продавец представляет несколько видов продукции, отличающихся характеристиками, качеством, сортами, размером и т.п.; 3) *целевой маркетинг*: продавец разрабатывает товары, ориентированные на отдельный сегмент рынка [12, с. 15]. Методика ориентирования товаров и услуг на определенные целевые группы приобретает все большее влияние после 1945 г. В условиях улучшения уровня жизни традиционные ценности и вкусы меняются, потребности растут, а требования покупателей становятся все более дифференцированными, что привело к необходимости появления новых товаров, предназначенных для конкретных рынков или рыночных сегментов.

На постсоветском пространстве большинство потребителей в реформируемых обществах относятся к категории *движимых нуждой*, причем значительную часть в ней составляют *борцы за выживание*, а, следовательно, предприниматели вынуждены в большей степени ориентироваться на эти слои населения. Практика показала, что легальный бизнес с подобного рода ориентацией малоэффективен. Выживать большинству населения на этом пространстве помогает теневая экономика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мизес Л.* Человеческая деятельность. – М., 2000. – С. 248.
2. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 134–135.
3. *Эдвинсон Л., Мэлоун М.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – С. 434.
4. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practica. – Cambridge University Press, 1977. – P. 183.
5. *Туроу Л.* Будущее капитализма. – Новосибирск, 1999. – С. 297–298.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 48.
7. *Фромм Э.* Мужчина и женщина. – М., 1998. – С. 202.
8. *Радаев В.В.* Рынок как объект социологического исследования // Социологические исследования, 1999, № 3. – С. 34–35.
9. *Февр Л.* Бои за историю. – М., 1991. – С. 193.
10. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995. – С. 109.
11. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. – М., 2001. – С. 172.
12. *Гантер Б., Фернхам А.* Типы потребителей. – СПб., 2001. – С. 124.

S U M M A R Y

The article deals with such basic fundamental categories of modern theory of business activity as capital, capitalism, market, employer and consumer.

Поступила в редакцию 3.08.2004

Л.А. Платонова, Г.А. Веденин

Конкурентоспособность страны. Изучение опыта ряда стран мира

Мировой опыт прошлого века дает многочисленные примеры различных (как минимум трех) типов промышленной политики: экспортно ориентированной (создание условий для роста экспорта определенных видов продукции), внутренне ориентированной (защита внутреннего рынка и обеспечение экономической самодостаточности) и стратегической промышленной политики (менее распространённой и не столь явно выраженной модели), направленной на ограничения использования собственных естественных и не воспроизводимых ресурсов (нефть, лес, экология и т.п.).

Примерами первого типа могут служить Корея 1960–1980-х годов и другие «тигры» ЮВА, Китай 80–90-х годов, отчасти Япония, Индия 1990-х гг., Чили 1970-х и 1980-х. Ко второму типу относятся Индия 1960–1980-х годов, Франция 1950–1970-х, Япония, Китай, США (в части политики в сельском хозяйстве), СССР и в определенной степени Россия. Примерами третьего типа промышленной политики могут служить действия США, стран ОПЕК.

Безусловно, страна не всегда использует тот или иной тип стратегии в «чистом» виде, возможно сочетание стратегий. В любом случае исходной предпосылкой любой промышленной политики является выбор приоритетов, связанных с конкурентоспособностью экономики страны, хозяйствующих субъектов и их товаров. В целях повышения конкурентоспособности используются различные инструменты промышленной политики.

Первая группа механизмов традиционно являлась доминантой государственной промышленной политики в большинстве промышленно развитых стран. Она включает такие инструменты, как селективная отраслевая поддержка определенных производств через государственный бюджет (дотации, кредиты, целевые налоговые льготы, отраслевые инвестиционные программы); содействие малым и средним предприятиям; финансирование и организация НИОКР; передача новых технологий промышленным компаниям; фонды промышленного развития; индикативное планирование; стимулирование зон, отстающих в промышленном развитии; механизм ускоренной амортизации; содействие промышленному экспорту; регулирование импорта промышленных товаров; патентное регулирование и стандартизация продукции промышленности. Вторая группа механизмов по линии воздействия на макроэкономическую среду промышленности (ей отдавалось предпочтение в таких странах, как США) приобретает в последнее время новое значение и все большую важность как средство формирования благоприятной национальной и региональной среды для повышения конкурентоспособности промышленных компаний в условиях глобализации и либерализации рынков. Сюда можно отнести, в частности, финансово-кредитную, валютную, инфраструктурную (транспортные, информационные сети), образовательную политики и другие формы воздействия государства на экономику.

Промышленная политика по схеме разработки и реализации похожа на крупный инвестиционный проект: определение цели, оценка альтернативных способов ее реализации с точки зрения имеющихся ресурсов и эффективности, разработка конкретных механизмов использования ресурсов для реализации. Речь

идет о ресурсах, имеющихся в распоряжении государства. Эти ресурсы можно условно разбить на четыре группы: налогово-тарифные; денежно-кредитные; инфраструктурные; административно-политические (организационные).

К первой группе относятся: льготные режимы налогов, амортизационная политика, таможенная политика (например, снижение или отмена пошлин на ввоз технологий), тарифная политика (цены естественных монополий), т.е. это те меры, которые, хотя и не требуют непосредственно затрат, так или иначе уменьшают в краткосрочный период доходы государства. Эти меры позволяют приоритетным секторам сокращать издержки и повышать свою ценовую конкурентоспособность, накапливать собственные средства для развития и расширения, привлекать сторонние средства (инвестиции).

Вторая группа инструментов включает: прямое кредитование государством некоторых видов деятельности по льготным ставкам, субсидирование процентных ставок по коммерческим кредитам, государственные кредитные гарантии, государственную поддержку лизинга, прямые государственные инвестиции и другие меры, прямо требующие значительных затрат из бюджета или других государственных источников.

Третья группа инструментов включает государственные затраты не непосредственно в приоритетном секторе, но в смежных областях, что позволяет бизнесу экономить собственные ресурсы. Примерами таких мер являются подготовка кадров за государственный счет по определенным специальностям, проведение НИОКР и передача результатов в частный сектор на льготных условиях, вложения в создание производственно-технологической инфраструктуры (транспортной, коммуникационной).

Последняя группа инструментов наиболее неоднородна и многообразна. Прежде всего, к инструментам этого типа относятся меры по снятию (или, наоборот, введению) административных и регуляторных барьеров входа на рынок и выхода из него (регистрация, лицензирование, стандартизация), антимонопольное законодательство, барьеры для слияния и поглощения и т.д., организационно-политическая поддержка интересов экспортеров на рынках других стран. Антимонопольное законодательство Российской Федерации состоит из Конституции Российской Федерации, Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», издаваемых в соответствии с ним федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации. Основным законодательным актом, регулирующим конкурентные отношения в Российской Федерации, является Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», целью которого является определение организационных и правовых основ предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и тем самым обеспечение условий для создания и эффективного функционирования товарных рынков. К нормативным актам, регулирующим конкурентные отношения в России, также можно отнести: Приказ Государственного комитета РФ по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур (1994), Постановление Правительства РФ «О создании условий для привлечения инвестиций в инновационную сферу» (1998), Постановление Правительства РФ «О некоторых мерах, направленных на совершенствование систем обеспечения качества продукции и услуг» (1998), Закон РФ «О стандартизации» (1995), Закон РФ «О сертификации продукции и услуг» (1995) и другие нормативные акты.

В Беларуси антимонопольная политика проводится в соответствии с Законом «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Закон определяет организационные и правовые основы предупреждения

дения, ограничения и пресечения монополистической деятельности. Он направлен на обеспечение условий для развития добросовестной конкуренции, для создания и эффективного функционирования товарных рынков и защиты прав потребителей. На антимонопольную политику Содружества Независимых Государств непосредственное влияние оказывает Договор о проведении согласованной антимонопольной политики. Договор направлен на создание правовых и организационных основ сотрудничества Сторон по проведению согласованной антимонопольной политики и развитию конкуренции, а также устранение отрицательных для торговли и экономического развития факторов и недопущения действий, наносящих ущерб экономическим интересам государств-участников вследствие монополистической деятельности и/или недобросовестной конкуренции.

По общему рейтингу конкурентоспособности экономики Всемирного экономического форума Россия в 2000 г. занимала 55 место из 59 стран, включенных в рейтинг. По данным Международного института развития менеджмента – почетные 44–47 места (по различным критериям) из списка в 47 стран [1]. Такие рейтинги не слишком информативны и отражают скорее представления об инвестиционном климате, чем об экономической конкурентоспособности конкретных секторов и отраслей. На основе исследований Всемирного экономического форума ученые ИМЭМО РАН провели сопоставление России и шести стран из 59, представляющих различные модели и фазы экономического развития по индексу и основным факторам конкурентоспособности [1].

Анализ показателей национальной конкурентоспособности России в 1990-е годы, как подчеркивают ученые Академии наук, свидетельствует о резком ослаблении конкурентных позиций на мировом рынке за годы реформ. По большинству главных экономических показателей Россия в 1999 г. занимала последние места в списке 59 стран. Однако, по некоторым субфакторам, входящим в состав конкурентоспособности, позиции России приближаются к странам среднего уровня, т.е. 30-го места. [1]. Конкурентоспособность современных высокоразвитых стран опирается, главным образом, на технологические преимущества, тогда как в остальных странах конкурентоспособность основана в большей степени на ресурсных.

Сегодня к ведущим экспортерам высокотехнологичных товаров можно отнести США, Японию, Германию, Великобританию, Сингапур, Францию, Республику Корею, Нидерланды, Малайзию, Китай и др. Таким образом, лидируют не только крупные развитые страны.

Одним из показателей, характеризующим потенциал трудовых ресурсов, сегодня является индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). По данным Доклада о развитии человека, Беларусь в 2001 г. не только имела достаточно высокий показатель, но и несколько опережала Россию [2–3].

Традиционно считается, что на мировом рынке наиболее конкурентоспособными странами в области производства промышленной продукции и в области высоких технологий являются Япония и США, химической и автомобильной промышленности – Германия, в области дизайна (легкая промышленность, мебель) – Италия, в инженерных разработках – Великобритания [4]. Практика стран с развитыми рыночными отношениями выработала свои критерии в регулировании конкуренции и ограничении монополизации с целью создания гибкой рыночной структуры. Так, в США в 1988 г. Конгрессом принят закон о торговле и конкурентоспособности. В 1988 г. сформирован Национальный совет по конкурентоспособности при Президенте США, в 1988–1994 гг. при Президенте и Правительстве США созданы различные структуры, отвечающие за повышение конкурентоспособности. Это и Национальный совет по науке и технологиям, Национальный экономический совет, программы «Передовые технологии», «Партнерство в

расширении производства», Администрация по технологиям Министерства Торговли США, Коммерческая служба и другие структуры и программы. В 1993 г. была принята Федеральная программа «Технологии для экономического роста Америки: новый курс на создание экономической мощи». В 1994 г. администрация Президента США приняла Стратегию национальной безопасности США, в которой первый из семи разделов посвящен повышению конкурентоспособности страны. В 1995 г. администрацией Президента США принята Федеральная программа до 2015 г. «Инвестиции в человека», в соответствии с которой затраты из госбюджета в образование, здравоохранение и социальную сферу за 20 лет увеличатся на 56%. По этим расходам США находятся на первом месте, опережая Россию более чем в 100 раз [5]. В качестве критерия демонаполизации рынка и создания условий для конкуренции в США используется индекс Харфиндела-Хиршмана (ИХХ).

Рынок считается нормальным для конкуренции, если $ИХХ < 1000$. В пределах значений индекса разрешается слияние фирм [5].

Существующие в разных странах антимонопольные законодательства чрезвычайно разнообразны. Однако каждое из них в большей или меньшей степени принадлежит к одной из двух основных систем: запретительной или регулятивной.

Запретительная система антимонопольного законодательства предполагает полный запрет монополий. Наиболее типичным представителем этой системы являются США, антитрестовское законодательство которых исходит из принципа несовместимости монополии и конкуренции. К запретительной системе можно также отнести и антимонопольное законодательство Японии, при разработке которого широко использован опыт США.

Вторая известная в мировой практике система – регулятивная. К ней тяготеет антимонопольное законодательство большинства европейских стран. Эта система направлена не против монополии как таковой, а против злоупотребления ею.

В целом, следует отметить, что основной принцип антимонопольного законодательства, которому следуют зарубежные законодательства, признак монополии – не большая величина контролируемого ею рынка, а наличие у компании монополистических намерений и достаточной рыночной власти для их осуществления. Сегодня важно изучать опыт разных стран мира по проблемам конкуренции и конкурентоспособности, так как он позволит наиболее эффективно подойти к выработке собственной стратегии по повышению конкурентоспособности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Яндиев М.И.** Аналитический обзор «Конкурентоспособность российского производства» / <http://humanities.edu.ru/db/msg/33597>
2. **Ванкевич Е.В.** Новые контуры социальной ответственности в условиях глобализации (Доклад о развитии человека за 2003 год) // БЭЖ, 2003, № 3. – С. 129–139.
3. **Экономика стран СНГ** (по материалам Статкомитета СНГ) // Вопросы статистики, 2001, № 4.
4. **Дементьева А.Г.** Конкурентоспособность международных компаний // Маркетинг, 2000, № 3. – С. 64–67.
5. **Млотов Е.** Принципы маркетингового исследования конкуренции на рынке / <http://www.marketing.spb.ru/read/m3/index.htm>

S U M M A R Y

The peculiar characteristics of antitrust policy of different countries are considered in the article. The competitiveness level of a number of countries is shown on the basis of the researches carried out by the organizations in Belarus and abroad. The description of the prohibitive and regulative systems of antitrust legislation is given.

Поступила в редакцию 3.09.2004

УДК 930.9 «1919 – 1920»

П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев

Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания первой мировой войны

Исторический опыт свидетельствует, что при проведении международного суда над военными преступниками необходимо неукоснительно соблюдать принцип равенства прав всех сторон в период проведения подготовительной работы к трибуналу и в ходе самого процесса. Серьезные нарушения законных прав тех или иных лиц (или всего народа в целом) могут привести к значительному росту противоречий в мире, непредсказуемым последствиям для всего человечества.

Одним из примеров, подтверждающих данный тезис, может служить попытка проведения суда над военными преступниками в 1919–1920 годах.

После окончания первой мировой войны страны, принимавшие в ней участие, оказались разделенными на победителей (блок Антанты) и проигравших (Тройственный союз). Последствия военных действий заставили содрогнуться весь «цивилизованный» мир. Победители заявили о нарушении в период 1914–1918 гг. международных договоров конца XIX – начала XX века, касавшихся средств и способов ведения войны. Они потребовали проведения широкомасштабного судебного процесса над виновными. Это была одна из первых попыток подобного рода в истории человечества. Как известно она окончилась неудачей и стала одной из многих причин, приведшей к началу второй мировой войны.

С первых же шагов проведения переговоров о заключении мира (конец 1918 – начало 1919 г.) проявилось нежелание стран-победительниц поставить себя в равные условия с побежденными. Члены Тройственного союза, развязавшие войну в 1914 году, были признаны виновниками. Вследствие этого относительно них ограничивалось или усиливалось действие отдельных из 14 пунктов нового устройства послевоенного мира, предложенных президентом США В. Вильсоном 8 января 1918 года. В одностороннем порядке страны, проигравшие войну, должны были как можно более полно провести сокращение своих Вооруженных Сил (предполагалось, что этим будет достигнута цель принципа № 4 о «сокращении национальных вооружений»). Их представителям было отказано в праве «свободного урегулирования колониальных вопросов» (вопреки предложениям принципа № 5), полного осуществления принципов «свободы морей», «свободы торговли» и т.д.

Военная делегация Германии в ноябре 1918 года начала переговоры с командованием стран Антанты в Спа. Они проходили крайне тяжело из-за слишком жесткой неуступчивой позиции французской стороны. Генерал В. Хаммерштайн в своем докладе кабинету министров в феврале 1919 года отмечал огромное количество неурегулированных вопросов [1].

Большую обеспокоенность у немецкой стороны вызвала проблема присоединения к Франции Эльзаса и Лотарингии. Это было вызвано тем, что на этих территориях проживало значительное количество немцев, а эффективная работа промышленности данных районов имела большое значение для немецкой экономики. Вопрос о новом гражданстве эльзасцев решался с большими затруднениями. Текст договора, подготовленный французскими представителями, был составлен следующим образом: «1) все лица, кто родился в данной земле до 20 мая 1871 г., принадлежат к французским гражданам, несмотря на потерю данного гражданства через принятие Франкфуртского мира; 2) те лица, которые родились на данных землях после 20 мая 1871 г., чьи матери и отцы получают гражданство Франции по первому пункту, также автоматически считаются гражданами Французской республики; 3) все лица, рожденные в Эльзасе и Лотарингии от неизвестных родителей, также могут быть признаны гражданами Франции» [1].

После такого решения вопроса о гражданстве эльзасцев французские власти начали проводить депортацию тех лиц, которым было отказано в его получении (на основании вышеуказанных условий). Многие из оставшихся немцев подверглись прямым репрессиям со стороны новой власти. Мужское население, призывавшееся в годы войны в немецкую армию, могло быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии с французским уголовным законодательством. В силу этого, данная категория граждан не была подсудна готовившемуся международному трибуналу [2]. Нарушения, допускавшиеся в ходе депортации и вынесения приговоров французскими судами, вызывали возмущение немецкой стороны. Информация о них использовалась правой прессой Германии с целью вызвать у немцев недовольство властью и привести к срыву переговорного процесса, свержению республиканского правительства.

Члены немецкого правительства и Национального собрания неоднозначно оценили предложение стран Антанты о проведении международного суда над военными преступниками. Правые партии крайне негативно отнеслись к подобному предложению. Группа депутатов, состоявшая из членов Социал-демократической партии (далее СДПГ), партии Центра (далее Центр) и Немецкой демократической партии (далее НДП) – Г. Готхайн, О. Бауэр, Г. Прейс, И. Белл, И. Гисбертс, Э. Давид, заявила, что нужно способствовать проведению честного судебного процесса [3].

На заседании 27 марта 1919 года канцлер Филипп Шейдеман обрушился в своей речи на тех немецких генералов, которые всячески препятствовали подготовке и заключению мирного договора [4]. Поскольку одним из препятствий для его подписания были вопросы создания и деятельности трибунала, то это привело к серьезным противоречиям между правительственным кабинетом и верхушкой армии. Возникшее противостояние, между представителями рейхсвера и правительством, явилось одной из причин, которые привели значительную часть офицерского корпуса в лагерь оппозиции. Ведущие лидеры правящей коалиции партий (СДПГ, Центр и НДП) выступали за принятие всех условий, предлагаемых странами Антанты, во избежание начала новых боевых действий и полной оккупации страны. Генералитет армии стал на сторону тех сил, которые выступали за соблюдение принципа равноправия сторон в переговорном процессе и заключения мира на более выгодных условиях.

Представители офицерского корпуса даже были готовы осуществить вооруженное выступление против неравноправного договора. Попытки сорвать насильственным путем проведение судебного процесса, обещавшего стать судилищем только для немцев, были предприняты уже в июне-августе 1919 года [5]. Они вылились в «уличные акции» (пикетирование, демонстрации, попытки подорвать общественный порядок) населения у стен парламента.

Версальский договор ущемлял основные интересы и права Германии. Всеобщее недовольство среди немцев (сторонников как правительства, так и армейского командования) вызвали его пункты, касавшиеся процедуры проведения международного суда над военными преступниками.

Деятельность международного трибунала регламентировали статьи договора 227–231 [2]. В статье 227 говорилось: «Государства Антанты и их союзники предъявляют Вильгельму II Гогенцоллерну, бывшему императору Германии, открытое обвинение в грубейшем нарушении международного законодательства и святости договоров» [2]. В ней указывалось, что «будет создан особый суд для того, чтобы подсудимый при поручительстве существующего права на защиту был привлечен к суду» [2].

Далее статья определяла состав трибунала: «Суд будет состоять из пяти судей, из которых каждый будет назначен из пяти следующих государств, а именно: Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Франция, Япония и Италия» [2]. В данном составе этот суд, как определяла статья, «будет проводить свои заседания, уделяя внимание утвержденным принципам международной политики. Инструкция для него должна будет уделять внимание торжественным и международным обязательствам, таюже как и международному праву» [2].

Поскольку Вильгельм II в указанное время находился в эмиграции в Нидерландах, то статья определяла следующее: «Страны Антанты и их союзники направят запрос правительству Нидерландов о выдаче бывшего кайзера с целью вынесения ему приговора» [2].

Статьи 228–230 определяли порядок проведения процесса над иными лицами, обвинявшимися в военных преступлениях. В них заявлялось, что «немецкое правительство предоставляет странам Антанты и их союзникам право привлекать к их [т.е. указанных стран – Авт.] военным судам лиц, обвиняемых в нарушении способов ведения военных действий. В случае установления их [т.е. подсудимых – Авт.] вины применять к ним предусмотренные законом уголовные наказания. Эти положения выполняются без учета возможности процесса или преследования их [т.е. преступников – Авт.] немецкими судами или их [т.е. Германии – Авт.] союзниками» (статья 228) [2].

Определялось, что «немецкое правительство обязано предоставить странам Антанты и их союзникам, или какому-либо одному государству, которое сделает соответствующий запрос, тех лиц, которые будут обозначены в запросе как нарушители законов и способов ведения войны, будь то по своей воле, будь то при исполнении своих служебных обязанностей или иным способом» (статья 228) [2].

Статья 229 указывала, что «в случае совершения уголовного преступления против гражданина какого-либо из государств Антанты или союзного ей государства преступник должен предстать перед его военным судом» [2]. «Если же преступление было совершено против граждан нескольких государств Антанты или их союзников, то преступник предстает перед тем военным судом, который предоставляет право совместного долевого участия представителей военных судов заинтересованных государств» [2]. При этом указывалось, что «в любом случае подсудимому предоставляется свободное право выбора адвоката» [2].

Статья 230 определяла, что «немецкое правительство обязуется поставлять документы и материалы любого вида, которые будут необходимы для полного разъяснения рассматриваемых дел, выяснения вины и исчерпывающей оценки вопроса о виновности» [2].

Основанием для такого подхода со стороны стран Антанты к проблеме проведения международного трибунала служила статья 231, возлагавшая всю вину за развязывание войны на Германию. Она гласила: «Правительства

стран Антанты и их союзников провозглашают, и Германия признает, что Германия и ее союзники являются виновниками убытков и расходов, которые понесли правительства стран Антанты и ее союзников, их граждане вследствие войны, которая была им навязана вследствие нападения на них Германии и ее союзников» [2].

Немцы и республиканское правительство Ф. Шейдемана, возмущенные неравноправным договором, старались либо изменить его условия, сделав более выгодными для себя, либо отказаться от его подписания. В результате возникшего острого политического кризиса первый кабинет Веймарской республики был вынужден уйти в отставку 20 июня 1919 года [5]. Накануне этого дня, как указывает немецкий исследователь А. Голеки, «за 100 часов перед этим», страны Антанты предъявили ультиматум о том, что в случае отказа от подписания условий мира они возобновляют боевые действия против Германии [5].

Правительство осознавало, что «как в случае подписания данных условий, так и в случае отказа от этого, страна окажется в хаосе гражданской войны» [5]. Поскольку «в любом случае сторонники или противники заключения мира начнут проводить свои незаконные выступления» [5]. В условиях оккупации отдельных районов Германии проявления правового нигилизма могут привести к кровопролитию, напоминающему революционные события конца 1918 – начала 1919 г. Беспристрастные наблюдатели неоднократно заявляли, что «после «непримиримого» кабинета Ф. Шейдемана должен прийти к власти какой-то «кабинет подписания», который подчинится условиям мира» [5]. Таким стал кабинет Густава Бауэра.

Нестабильность ситуации привела к серьезным трудностям при создании нового правительства, возглавленного членом СДПГ Г. Бауэром. Новый канцлер вынужден был выступить в Национальном собрании с речью, в которой постарался обосновать причину подписания правительством «статей позора»: «Мы исходим не из партийных интересов, и еще меньше... – из честолюбия... Мы исходим из чувства долга, из осознания, что наш осуждаемый долг – спасти то, что можно спасти» [5].

Немецкая сторона, признав вину Германии в развязывании войны, согласившись на проведение суда, сумела добиться от стран Антанты некоторых уступок. Они позволили не выдавать «преступников» другим государствам, проводить судебный процесс на месте – в рейхе, судить их на основе немецкого уголовного законодательства. Для обоснования законности данной просьбы Национальное собрание приняло два законодательных акта от 18 декабря 1919 г. и 24 марта 1920 г. [6].

В конечном итоге страны Антанты согласились на проведение заседаний Трибунала в Лейпциге под руководством немецких государственных судей. Представители от всех заинтересованных государств должны были присутствовать на заседаниях трибунала в качестве наблюдателей и свидетелей.

По решению Версальской конференции к военным преступникам были отнесены лица, нарушавшие в период 1914–1918 гг. нормы международного права: участвовавшие в расстрелах заложников, убийствах раненых, истязании пленных, сожжении населенных пунктов и т.д. Все это касалось только немцев. На запросы Национального собрания и правительств Ф. Шейдемана и Г. Бауэра привлечь к суду офицеров стран Антанты был дан решительный отказ. Каждая из воевавших против Германии стран подала списки лиц, которых она считала военными преступниками. В них оказался включенным практически весь прежний кайзеровский генералитет и большое число немецких офицеров, вплоть до лейтенантского состава.

Многие из включенных в списки были знаменитыми на всю Германию людьми, награждены орденами и медалями рейха за боевые заслуги, погибли смер-

тью храбрых на полях сражений, пользовались огромной популярностью и авторитетом [6]. Поэтому обнародование этих документов вызвало бурю возмущения среди немцев, создало благодатную почву для роста влияния правых и ультраправых сил, способствовало снижению авторитета и влияния правящей демократической коалиции и привело к правительственным кризисам.

Во время проведения заседаний суда, начавшегося весной 1920 г., представители Англии демонстрировали свою лояльность к происходящему. Они заявляли, что это первый опыт подобного рода. Поэтому англичане отнеслись с глубоким пониманием к трудностям немецких судей при проведении процесса. В то время как другие государства открыто обвиняли немецкую сторону в предвзятом отношении к преступникам, французские уполномоченные практически сразу же поссорились с немецкой защитой. Они покинули заседания и отказались от дальнейшего участия в них. В свою очередь, бельгийцы вовсе не послали свою делегацию в Лейпциг, заявив о своем непризнании данного Трибунала, требуя проведения его на территории Франции или Бельгии [6].

Вместе с тем, в стенах Национального собрания постоянно происходили выступления некоторых депутатов против «статей позора». Министры правительства Иоханнес Белл и Вильгельм Майер выступали против своего участия в правительстве, выполняющем эти условия [6].

9 ноября 1919 в Национальном собрании выступил министр Герман Мюллер с заявлением о том, что поскольку в Польше происходит преследование немцев, объявленных военными преступниками, то польское правительство обязано ратифицировать Немецко-Польский договор, разрешающий деятельность на территории Польши немецких судебных органов. Поскольку ратификация договора затягивается, он предложил односторонним актом продлить срок действия немецких судей до 31 марта 1920 года [7].

17 января 1920 года министр внутренних дел Э. Кох в своем выступлении перед депутатами Национального собрания заявил о том, что ордонансы, издаваемые странами Антанты для занятой ими Рейнской зоны противоречат немецкой конституции и нарушают статьи Версальского договора. Дело в том, что по конституции на территории Германии должны были действовать только немецкие законы, а, в соответствии с текстом договора, «Рейнская область провозглашалась независимым территориальным образованием, на которое распространялось действие немецких законов» [7]. «Такое безграничное утверждение иностранного суверенитета можно считать нарушением мирного договора, господством силы, которое культурный народ не может вынести», – заявил он [7]. Одновременно критиковалась и попытка представителей временных властей стран Антанты проводить судебные процессы на «занятой» территории (так называлась Рейнская область в немецких источниках) против немцев, считавшихся подданными рейха.

Последовавший весной 1920 г. военный путч Каппа-Лютовца сделал страны Антанты более уступчивыми в вопросах проведения международного трибунала. Деятельность суда постепенно была прекращена. Она не привела ни к какому положительному результату. Процесс, таким образом, был прерван, не достигнув своих целей. Никто из преступников не понес наказания, кайзер не был привлечен к уголовной ответственности.

Негативным последствием попытки его проведения было большое возмущение немцев по поводу позиции своего правительства и стран Антанты. Как можно заключить из всего вышесказанного, названные недостатки при организации судебного процесса стали одной из причин, приведших Германию к военному путчу весны 1920 года, росту настроений правового нигилизма в немецком обществе, усилению влияния ультраправых организаций и реваншистских настроений среди немцев.

Основной вывод, который напрашивается из данных исторических событий, касается того, что процессы подобного уровня должны проводиться совместно всеми заинтересованными сторонами, при широком участии наблюдателей от других стран, к мнению которых необходимо внимательно прислушиваться. При его проведении должны неукоснительно соблюдаться права и равенство сторон, к суду должны привлекаться не только преступники из лагеря побежденных, но и из стран-победительниц. Международный трибунал должен в любом случае быть доведенным до конца и продемонстрировать всему миру торжество принципа неотвратимости наказания за злодеяния против человечества. В случае, когда преступники избегают ответственности, а судебная инстанция оказывается неспособной вынести им заслуженный приговор, у обвиняемой стороны может возникнуть чувство вседозволенности, эйфория от успеха. Это может стать одной из причин попытки повторения ими своих прежних преступных акций в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Das Kabinett Scheidemann*: 13. Februar 1919 bis 20. Juni 1919. Boppard am Rhein, 1971. – S. 24–26.
2. *Deutsche Geschichte seit 1918 in Dokumenten*. – Leipzig, 1935. – S. 34–36.
3. *Verhandlungen der Verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung*. Stenographische Berichte. – Berlin, 1920. – Bd. 327. – S. 808.
4. *Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit*. – Berlin, o.j. – Bd. 4. – S. 2050–2062.
5. *Das Kabinett Bauer*. 21. Juni 1919 bis 27. März 1920 / Bearb. von A. Golecki. Boppard am Rhein: Boldt, 1980. – S. XX–XXVI.
6. *Ebermayer L.* Fünfzig Jahre Dienst am Recht // *Deutsche Geschichte seit 1918 in Dokumenten*. – Leipzig, 1935. – S. 37–38.
7. *Die Deutsche Nationalversammlung im Jahre 1919 in ihrer Arbeit*. – Berlin, o.j. – Bd. 9. – S. 25.

S U M M A R Y

The unsuccessful attempt of the international trial against war criminals after World War I is considered in the article. The author states that such legal proceedings should be held openly and with strict observance of international law standards.

Поступила в редакцию 10.01.2005

УДК 340

Д.Н. Николичев

Правовой аспект формирования гражданского общества

Проблема гражданского общества имеет глубокие социальные, экономические и исторические корни. Отдельные его элементы возникли уже в глубокой древности, в догосударственных формах общежития. При этом, на каждом этапе исторического развития, такие отношения принимали ту или иную форму, подвергающуюся социальному, экономическому, правовому регулированию. Исследование гражданского общества с методологической точки зрения требует, прежде всего, конкретно исторического подхода.

Понятие гражданского общества приобретает категориальный статус лишь в социально-политической мысли нового времени. Хотя оно возникает в недрах феодального строя как отрицание сословного общества подданных. Однако говорить о гражданском обществе в собственном смысле этого слова можно только с утверждением буржуазных отношений, когда появилось понятие граждан.

В трудах буржуазных мыслителей Г. Гроция, Н. Макиавелли, Дж. Локка находит место идея соответствия гражданскому обществу не всех, «а лишь прогрессивных, по их мнению, форм государственного устройства» [1]. Разработки ученых этого периода, связанные с категорией гражданского общества, базировались на теории естественного права, общественного договора, народного суверенитета. Теория естественного права явилась классическим воплощением нового мировоззрения. В этой теории мыслители нового времени хотели раскрыть природу и страсти человека, потребности и интересы личности. В дальнейшем искомые теории, связанные со становлением взглядов на гражданское общество, получили свое развитие в трудах Ш. Монтескье, В. фон Гумбольдта, Ж.-Ж. Руссо и др.

Так, Ж.-Ж. Руссо, развивая теоретическое направление идей естественного договора, обосновывает гражданское общество в рамках концепции народного суверенитета. Он определял возможность «всеобщей воли» (общества, народа) самому определять развитие гражданского общества и воздействовать на государство. Согласно взглядам Ж.-Ж. Руссо, основой самоуправления гражданского общества является принцип народного суверенитета, верховенства и полновластия народа в государстве. Реализация этого принципа, по мнению мыслителя, есть залог существования свободного и независимого народа, создания общности свободных и равноправных граждан. Ж.-Ж. Руссо пытается найти такую форму объединения людей, которая «защищает и ограждает всею общей силой личность и имущество каждого из членов ассоциаций и, благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [2]. Следует отметить, что идеи гражданского общества опираются на глубокие философские, правовые мысли древности. Уже в Древней Греции и Риме ученые-юристы пытались выяснить роль права в организации общественной жизни. В «Законах» Платона мы находим ценные суждения, касающиеся совершенствования права, и обстоятельств, определяющих его действительную силу. Платон писал, что «творцам права следует соблюдать два условия: первое – законы должны быть «установлены на основе долгого опыта и доброжелательных мнений советников, всякий раз убеждавших народ в необходимости принять эти законы; второе – «ни в коем случае никогда не позволять нарушать их кому-либо одному, ни толпе» [3].

Римские юристы внесли неоценимый вклад в развитие теории и практики социально-правовой жизни общества: глубокое проникновение в сущность частно-правовых и публично-правовых отношений позволило им обосновать множество правовых институтов, сформулировать правовые принципы, формулы, являющиеся универсальными юридическими средствами.

Однако следует признать, что исходные категории гражданского общества «*politia*» (греч.) и «*societas civilis*» (лат.) были заимствованы из институтов Древней Греции и Рима – но самого этого явления в античном мире еще не было. «Полития» представляла собой нерасчленимое слитное существование общества и государства, гражданина и политики. Не знало этой категории и феодальное общество с его синтезной концепцией общества и государства, выступающей за целостность социума. Вместе с тем в недрах общества уже объективно вызревали такие важные на тот период структурные элементы

гражданского общества, как самоуправляющиеся города-коммуны, купеческие гильдии, ремесленные корпорации и т.д.

Прогрессивные идеи буржуазных революций, утвердившие принципиально новую систему экономических, социальных и соответствующих им правовых отношений потребовали коренного пересмотра отношений между личностью, обществом и государством. Так, в своей работе «Опыт установления границ в деятельности человека, личности с государством» В. фон Гумбольдт проводит различие между государством и гражданским обществом. Главное внимание автор уделяет трем основным различиям и выделяет: «Во-первых, систему национальных общественных учреждений, формируемых «снизу» (т.е. институтов гражданского общества) самими индивидуумами, и систему государственных институтов; во-вторых, «естественное, общее право» и позитивное право, санкционируемое государством; в-третьих, «человека» и «гражданина» [4]. В итоге он приходит к умозаключению, что «... государственный строй не есть сама цель, он лишь средство для развития человека» [4].

Свой дифференцированный подход к определению гражданского общества, его системы образующих мы находим в «Философии права» Г. Гегеля. Основными моментами гражданского общества в интерпретации Гегеля являются: система потребностей; правосудие; полиция и корпорация. Гражданское общество, говоря словами философа, есть господство нужды и рассудка. И как следствие, оно не может находиться на своей собственной основе и поэтому лишено самостоятельности. Оно предполагает в качестве предпосылки своего существования государство. Гражданское общество – это система всеобщей зависимости всех от всех, где пропитание и блага единичного лица и его правовое существование переплетены с пропитанием, благом и правом всех. Это общество собственников, где собственность – средство свободы, личной воли индивида. Таким образом, важной проблемой гражданского общества является обеспечение единства, целостности разнородных частных и возможно враждебных интересов индивидуумов. Выход Г. Гегель видит в объединении интересов гражданского общества под властью государства в интересах и во имя общего блага. Проблема формирования гражданского общества решается через «снятие» как диалектический процесс, в ходе которого то, что преодолевается (отрицается) не исчезает, а становится этапом более высокой ступени развития государства. Само гражданское общество как совокупность интересов и потребностей частных индивидов никуда не исчезает и функционирует не само по себе, а в составе целого, материализованного в государстве. «Правовым основанием гражданского общества, – отмечает Гегель, – является равенство людей, их юридическая свобода, индивидуальная частная собственность, незабываемость договоров, охрана прав от нарушений, а также упорядоченный законодательством авторитетный суд» [5].

Накопленный историей потенциал взглядов на теорию становления гражданского общества, как феномен западной цивилизации, позволяет сделать определенные выводы, характеризующие данное состояние общественной жизни. Гражданское общество – это явление, которое соответствует определенному достижению (состоянию) общественной жизнедеятельности людей, отражая их интересы и потребности; совокупность определенных социальных институтов частно-правовой сферы, которые еще не получили четкой дифференциации, обособления, от государства; состояние, которое в теоретических взглядах идеологов того времени предполагает такое положение, когда гражданское общество не противопоставляется государству, а по существу они отождествляются и даже сливаются («этатистское государство» Гегеля).

С точки зрения периодизации исследуемого явления можно выделить несколько этапов (состояний) гражданского общества: период древности – когда

самого понятия в его современном значении нет, но деятельность людей и сферы (элементы) общественной жизни отвечают будущим составляющим гражданского общества; этап зарождения, становления и правового закрепления институтов гражданского общества; современное состояние.

Огромный интерес к исследованию гражданского общества, его формированию вызван объективными потребностями общественного развития. Это отказ от сверхцентрализованной государственной власти, как следствие – изменение отношений между личностью, обществом и государством, закрепление прав частной собственности, формирование основ местного самоуправления, развитие общественных организаций, переоценка роли права и правового регулирования.

Так, В.Е. Гулиев высказывает мнение, что «подлинно-правовым государство может стать только вместе со становлением гражданского общества. Правовое государство – это продукт, гарант, ипостась, «исток» или бытие гражданского общества. Одно без другого невозможно» [6]. Аналогичной точки зрения придерживается и Г.Н. Манов. Отождествляя гражданское общество и правовое государство, он пишет: «Правовое государство по сути дела – политическая ипостась гражданского общества» [7].

В.В. Лазарев характеризует гражданское общество как «общество с развитыми политическими, экономическими, культурными и правовыми отношениями между его членами и созданными ими организациями, независимыми от государства, но взаимодействующими с ним. Это общество цивилизованных граждан с определенным правовым статусом» [8].

По нашему мнению, гражданское общество в современном состоянии – это исторически обусловленное, многоуровневое явление, для которого характерна совокупность определяющих его элементов и свойственных им черт. Гражданское общество включает в себя значительную часть негосударственных общественных отношений, которые представлены определенными сферами жизнедеятельности, такими, как экономическая, политическая, отношения по местному самоуправлению, формированию культуры и т.д. При этом каждая сфера характеризуется определенными чертами. Так, отношения экономического характера свойственно наличие таких основополагающих факторов, как многообразие и равенство всех форм собственности, свобода предпринимательской деятельности, развитие рыночных отношений. Отношениям политического характера присущи такие признаки, как народовластие, политический плюрализм, свободное функционирование различных общественных образований политической и социальной направленности, возможность взаимовыгодного сотрудничества и взаимоконтроля власти и представителей общества. Характерными чертами местного самоуправления является возможность граждан самостоятельно и под свою ответственность осуществлять переданные им государственные функции на местном уровне, а также разрешать вопросы местного значения, что предусматривает статья третья Европейской Хартии местного самоуправления.

Одновременно гражданскому обществу как целостному явлению присущи и общие, характеризующие его, признаки: возможность и предпосылки к самоорганизации, наличие институциональной основы, реализация частных интересов, взаимообусловленность гражданского общества и правового государства. Данные черты, раскрывающие жизнеспособность гражданского общества, должны выступать определяющими, при формировании действующей правовой системы.

Дифференциация общественных отношений, социально-экономические и политические преобразования, происходящие в обществе, неизбежно влияют на правовую систему. Как следствие, возрастает роль права, изменяются це-

ли и задачи правового регулирования. Парадокс проблемы состоит в том, что, несмотря на самоорганизацию и самоуправляемость, гражданское общество на современном этапе может эффективно функционировать только при наличии детально разработанных правовых средств.

Проблема правового регулирования, средств воздействия на общественные отношения не нова для юридической науки. Ведь традиционно право признается средством, инструментом, служащим достижению различных социально значимых целей. Несомненно, можно выделить множество научных трудов, специально посвященных исследованию регулятивной и функциональной роли отдельных юридических средств: правовых норм, субъективных прав и обязанностей, правоотношений, мер ответственности и др. При этом различные школы и направления по своему раскрывают сущность и назначение юридических средств в регулятивном процессе.

Несмотря на то, что право издавна понималось как орудие, средство, данный инструментальный аспект стал разрабатываться лишь в конце XIX – начале XX века. Это направление в изучении права получило название социологического подхода или социологической юриспруденции. Оно связано с такими известными учеными, как О. Конт, Л. Дюги, М. Ориу, Е. Эрлих, Р. Паунд и др. Для социологической юриспруденции характерно акцентирование главного внимания не на том, что есть право, а на том, как оно действует и какими социальными факторами оно обусловлено.

Ярким представителем данного направления выступал Р. Паунд, сущность подхода которого состояла в инструментально-прагматическом изучении права, причем, само право стало восприниматься преимущественно как инструмент социального контроля для достижения социальных целей, поиска компромисса и солидарности.

По мнению П.А. Сорокина, право возникло благодаря общественной жизни людей. «Из этого следует, что судьбы права неразрывно связаны с судьбами общества. Первое одновременно является и продуктом общества, выражением установившегося в обществе обязательного порядка и средством установления последнего» [9].

Проблеме правовых средств посвящена монография Б.И. Пугинского, где они определяются как «сочетания (комбинации) юридически значимых действий, совершаемых субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей (интересов), не противоречащих законодательству и интересам общества» [10]. При этом, речь идет о гражданско-правовых средствах, регулирующих частно-правовые отношения. Он выделяет такие их виды, как договор, внедоговорное обязательство, средства обеспечения реализации прав и юридических обязанностей и т.д.

Исследуя роль общих дозволений и общих запретов в праве, С.С. Алексеев определяет их как многофункциональные, самостоятельные явления правовой и социальной действительности. Он считает, что «общие дозволения и общие запреты относятся к глубинным правовым явлениям, причем социальный и юридический статус их таков, что нередко именно с ними связан центральный пункт, фокус решения социально-правовых проблем» [11]. Правовые средства определяются С.С. Алексеевым как «юридические установления и формы, действие которых выражает, реализует возможности права, его силу и приводит к наступлению реального, фактического социально-экономического результата, дает эффект в социальной жизни» [12]. Рассматривая норму права как главный и единственный инструмент преобразования действительности, В.В. Лазарев отмечает, что «нормативное понимание права самое пригодное для отражения его инструментальной роли» [13].

Различные подходы показывают многоаспектность и сложность проблемы, разнообразие позиций авторов. С одной стороны, правовые средства представлены как субстанциональные элементы (нормы права, правоотношения, субъективные права и юридические обязанности). С другой – как действие, фактическое использование субъектами права субстанциональных элементов для достижения своих целей и интересов.

Для понимания вопроса следует выделить основные правовые средства. Основными правовыми средствами, которые влияют на формирование правовой среды элементов гражданского общества, являются типы правового регулирования. Типы правового регулирования занимают промежуточное положение между способами и режимами правового воздействия. Почему именно типы правового регулирования, наряду с другими субстанциональными правовыми явлениями, такими, как элементы механизма правового регулирования, методы, принципы права и др., выступают основными правовыми средствами? Типы правового регулирования – это наиболее существенное явление в социальной и юридической специфике правового регулирования, которое затрагивает наиболее глубокий слой права, юридического воздействия – порядок воздействия, его построение и направленность. Разрешительный и дозвольтельный порядок правового регулирования полно определяет его направленность, учет свойств и признаков регулируемой среды. При этом динамика правоотношений, связей и явлений людей не может быть охарактеризована одной какой-то отраслевой принадлежностью, хотя не исключено и такое правоотношение. Как правило, правоотношение может начаться, возникнуть в режиме одного правового типа (отрасли), найти свое продолжение в другой отраслевой принадлежности, а может одновременно сочетать интересы субъектов в межотраслевой совокупности. Вследствие чего проявление типов правового регулирования в праве дает возможность законодателю и правоприменителю универсальный и гибкий инструмент регулирования и квалификации одних отношений и жесткой регламентации других.

Адекватность юридических норм и регулируемых ими отношений проявляется именно в выборе типа правового регулирования, посредством исходных юридических начал построения нормативного материала. Как отметил С.С. Алексеев, общие дозволения и запреты выступают в нормах права не в виде прямо закрепленных в тексте юридических конструкций, а сообразно их социально-правовой природе в виде исходных юридических начал. В последнем проявляется их связь с регулируемой средой, без учета которой формируемые в дальнейшем правовые средства последующего порядка не будут работать. А если они недостаточно полно отражают свойства регулируемой среды, то это неизбежно приведет к сбою в правоприменительной практике.

Выбирая тип правового регулирования, следует учитывать фактор среды воздействия (приложение того или иного средства). Эта обусловленность связана с тем, что отдельным средствам противостоит или может противостоять определенная регулятивная среда, в которой могут быть обнаружены тенденции, отражающие направленность социального регулирования на разрешительный или дозвольтельный порядок действия.

Подводя итог, следует сказать, что выбор правовых средств (типов) правового регулирования должен носить комплексный характер и включать в себя: учет характера регулируемых отношений; определенность свойств регулируемого предмета; волю лица, осуществляющего выбор типа правового регулирования; сложившуюся концепцию правопонимания, эффективность достижения поставленной цели. Только совокупность всех названных факторов позволит создать действительный правовой механизм регулирования отношений гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Локк Дж.* Два трактата о проявлении. Соч. в 3 т. – Т. 3. – М., 1988. – С. 312.
2. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. – М., 1969. – С. 160.
3. *Платон.* Законы. Соч. в 3 т. – Т. 3, 4. – М., 1972. – С. 714.
4. *История политических и правовых учений XVII–XVIII вв.* – М., 1989. – С. 189.
5. *Гегель Г.* Философия права. – М., 1990. – С. 364.
6. *Гулиев В.Е.* Гражданское общество, правовое государство // Государство и право, 2001, № 1. – С. 14.
7. *Манов Г.Н.* Гражданское общество и правовое государство: предпосылки формирования. – М., 1996. – С. 16.
8. *Лазарев В.В.* Теория государства и права. – М., 2000. – С. 160.
9. *Сорокин П.А.* Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. – Ярославль, 1919. – С. 94.
10. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М., 1984. – С. 73.
11. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в социалистическом праве. – М., 1989. – С. 114.
12. *Алексеев С.С.* Проблемы теории государства и права. – М., 1987. – С. 104, 240.
13. *Лазарев В.В.* Общая теория права и государства / Под ред. *В.В. Лазарева.* – М., 1997. – С. 101.

S U M M A R Y

The stages of civil society formation, its structure and role of the main legal means in this process are considered in the article on the basis of historical approach. The author determines the features that are typical of civil society, analyses views of a number of researchers of the past and present. The correlation between social processes and legal means is studied and regarded as an essential condition for forming civil society.

Поступила в редакцию 21.02.2005

УДК 371.037.1

В.Г. Шпак

Параметры физической нагрузки при выполнении упражнений на тренажерах для юношей 16–17 лет

Современные требования общества к уровню физической подготовленности молодежи определяют необходимость всестороннего развития физических качеств, что является одним из основных направлений процесса физического воспитания школьников и в значительной степени способствует формированию умений и двигательных навыков, необходимых в различных жизненных ситуациях.

Известно, что у многих школьников, не занимающихся спортом, после 16 лет прирост результатов почти всех показателей физической подготовленности значительно уменьшается, а некоторые из них стабилизируются или даже регрессируют [1–5]. При этом возрастные особенности организма юношей не препятствуют всестороннему развитию физических качеств, а, напротив, создают благоприятные предпосылки к их эффективному совершенствованию.

Наблюдения за развитием физических качеств учащихся в динамике показали, что существующая методика организации и проведения урока физкультуры не обеспечивает высоких темпов прироста развития силы, быстроты и выносливости.

Именно поэтому интенсификация учебного процесса по физическому воспитанию, его основной формы – урока, в настоящее время имеет первостепенное значение и требует поиска и внедрения новых средств и методов, способствующих повышению его эффективности.

Опыт, накопленный в спортивной тренировке и массовой физической культуре показывает, что применение тренажерных устройств способствует повышению интенсивности и направленности педагогического процесса. Вероятно, поэтому многие учителя физической культуры стали активно внедрять в учебный процесс разнообразные тренажеры и тренировочные устройства.

Результаты анализа литературных источников показали, что ряд вопросов, относящихся к методике использования тренажерных устройств в физическом воспитании школьников, не получили должного внимания со стороны исследователей. В частности, недостаточно отражены рекомендации, касающиеся выбора режима применения упражнений на тренажерных устройствах для развития физических качеств у юношей старших классов на уроках физической культуры, что обусловило выбор направления исследования.

Изучение мышечных нагрузок, оказывающих воздействие на организм учащихся, базировалось на результатах исследований А.Н. Крестовникова, 1951; В.С. Фарфеля, 1973; Б.В. Сермеева, 1984; В.Д. Моногарова, 1986, 1992, о фазовом характере физической работоспособности и чередовании процессов утомления и восстановления.

Критериями эффективности при определении параметров нагрузки служили следующие:

- субъективные и объективные (потливость, покраснение или побледнение кожных покровов лица, нарушение координации движений, повышение или понижение ЧСС) признаки утомления;
- общее или локальное утомление, сопровождающееся снижением частоты и продолжительности выполнения упражнений на 5–10% скоростной и силовой направленности и на 10–15% – в упражнениях на выносливость;
- результаты модельных экспериментов по направленному развитию отдельных физических качеств;
- изменение ЧСС во время выполнения упражнений.

Определение параметров нагрузки, направленной на развитие быстроты. Параметры нагрузки при выполнении упражнений, направленных на развитие быстроты, определялись на примере педалирования в максимальном темпе на велотренажере «Здоровье».

Среднее время удержания максимальной интенсивности (до начала снижения частоты движений) составило 10 с и определило длительность одного повторения.

В дальнейшем выявлялось количество повторений в серии через различные интервалы отдыха: 10, 20, 30 и 40 с.

Выполнение педалирования проводилось по методу стандартно-повторного упражнения с максимально возможной частотой в каждой попытке.

При повторном выполнении упражнения с интервалом отдыха в 10 с наблюдалось снижение частоты движений на 10,51% от максимальной в четвертой попытке. При выполнении упражнения через 20, 30 и 40 с достаточное утомление наступало соответственно в шестой, седьмой и восьмой попытках.

Для определения количества повторений и интервалов отдыха, оказывающих наибольшее влияние на развитие быстроты движений у юношей, были сформированы четыре экспериментальные группы по 15 человек в каждой, имеющие свои варианты при выполнении упражнений на быстроту (табл. 1).

Таблица 1

Варианты нагрузки для развития быстроты в экспериментальных группах

Экспериментальные группы	Кол-во повторений	Длительность повторения, с	Интервал отдыха между повторениями, с	Количество серий	Время выполнения упражнений, с
1	4	10	10	1	70
2	6	10	20	1	160
3	7	10	30	1	250
4	8	10	40	1	360

Критерием оценки тренированности являлось улучшение величины прироста результата (увеличение количества оборотов за 10 с) за восемь недель занятий.

Выполнение упражнения по предложенным вариантам проводилось три раза в неделю на уроках физической культуры. Было установлено, что прирост результата в педалировании на велотренажере «Здоровье» за 10 с в первой группе составил 0,53, во второй – 0,59, в третьей – 0,73 и в четвертой 0,41 оборота. Достоверных различий между группами в приросте результатов обнаружено не было ($\alpha > 0,05$).

Таким образом, прирост результатов во всех группах был примерно равен, но достигнут он был при различных затратах времени урока. Поэтому для развития быстроты на тренажерных устройствах рекомендовалось выполне-

ние упражнений с укороченными интервалами отдыха между повторениями (10 с), так как это позволяет экономить время урока.

Определение параметров нагрузки, направленной на развитие силовых качеств. Для развития силовых качеств нами использовался стандартно-повторный метод. Величина отягощения рассчитывалась индивидуально в достижимом количестве повторений для каждого из заданных упражнений таким образом, чтобы испытуемый мог выполнить упражнение 10 раз в одной серии.

Определение числа серий и длительности интервалов отдыха осуществлялось на примере жима штанги неопредельного веса (тренажер «Фигурная штанга»). Серийное выполнение упражнения осуществлялось с интервалами отдыха в 30, 60 и 90 с.

Выполнение жима штанги через интервалы отдыха в 30 с вело к значительному снижению результата во второй серии (на 35,4%), что можно объяснить недостаточным восстановлением. Поэтому выполнение упражнения в данном режиме было прекращено.

Выполнение упражнения с интервалом отдыха в 60 с вело к снижению количества повторений во второй серии на 5,4%, в третьей – на 12,7%. В четвертой серии количество выполненных повторений резко снизилось на 38,2% по отношению к первой серии.

При интервалах отдыха в 90 с количество повторений снизилось во второй серии на 5,6%, в третьей – на 11,8%. В четвертой серии отмечалось резкое снижение количества повторений (на 35,4%) по отношению к первой серии.

В дальнейшем изучалась эффективность использования двух вариантов серийного выполнения упражнений путем сравнительного эксперимента. Для этого были подобраны две группы по 16 учащихся в каждой, которые в течение восьми недель на уроках физической культуры выполняли жим штанги в трех сериях. Отличие занятий состояло в том, что учащиеся первой группы выполняли упражнения через 60 с, а учащиеся второй – через 90 с.

При сопоставлении данных контрольных испытаний оказалось, что наиболее высокий прирост результата наблюдался в первой группе, учащиеся которой смогли выжать начальный вес в среднем 14,1 раза. Учащиеся второй группы показали средний результат в жиме, равный 13,6 раза. Различия прироста статистически недостоверны ($\alpha > 0,05$).

Таким образом, при создании экспериментальной методики предпочтение отдавалось первому варианту с более короткими интервалами отдыха, так как при нем отмечен больший положительный кумулятивный тренировочный эффект.

Аналогично определялись параметры нагрузки при выполнении силовых упражнений на других тренажерных устройствах. Разработанные параметры нагрузки на остальных тренажерных устройствах соответствовали параметрам, разработанным для тренажера «Фигурная штанга». Однако на тренажерах, предназначенных для тренировки мышц ног, выявлено, что количество серий выполнения упражнений равняется четырем при 60-секундных интервалах отдыха между ними.

Определение параметров нагрузки, направленной на развитие выносливости. Исследования показывают, что регулярное выполнение циклических упражнений, во время которых ЧСС достигает 150–175 уд/мин, наилучшим образом способствует развитию аэробно-анаэробных возможностей организма и соответственно различным сторонам выносливости, а наиболее эффективно работа при пульсе 170–180 уд/мин. Величина пульса 155–175 уд/мин соответствует выполнению нагрузок в зоне большой интенсивности (около 70% от максимальной).

Исходя из этого, была определена интенсивность выполнения упражнений для развития выносливости, составляющая 70% от максимальной. Выполнение упражнений проводилось интервальным методом.

Длительность одного повторения регламентировалась временем достижения ЧСС 170–180 уд/мин. После этого нагрузка прекращалась, так как дальнейшая работа проводилась бы в анаэробных условиях, что не входило в нашу задачу.

Интенсивность нагрузки 70% от максимальной была рассчитана от лучшего результата в педалировании, которая определялась по количеству оборотов, совершенных одной ногой за 10 с.

В исследовании приняли участие 30 юношей. Длительность выполнения упражнений в пульсовом режиме 150–175 уд/мин составила в среднем 120 с.

В дальнейшем исследовалась динамика частоты педалирования в течение 120 с при различных интервалах отдыха между повторениями: 60, 90 и 120 с.

При интервале отдыха между повторениями в 60 с средний результат в первой попытке составил 103,7 оборотов/мин. Во второй попытке результат ухудшился на 10,3%. Последующие попытки не проводились ввиду усталости испытуемых и отказа от продолжения работы.

При интервале отдыха между повторениями в 90 с средний результат во второй попытке снизился на 7,5%, в третьей – на 13,9% по отношению к первой попытке.

При выполнении упражнения с интервалом отдыха в 120 с испытуемые смогли выполнить четыре повторения. В четвертом повторении результат снизился на 12,3%.

Таким образом, результаты этих исследований позволили установить несколько вариантов интервальной работы при развитии выносливости (табл. 2).

Таблица 2

Варианты нагрузок для развития выносливости на тренажерных устройствах для юношей 16–17 лет

Экспериментальная группа	Длительность повторений, с	Кол-во повторений	Интервал отдыха между повторениями, с	Время выполнения упражнения, с
1	120	2	60	300
2	120	3	90	540
3	120	4	120	840

Эффективность использования трех вариантов повторного выполнения упражнения определена путем сравнительного эксперимента. Для этого были подобраны три однородные группы испытуемых по 12 человек в каждой, которые в течение восьми недель на уроках физической культуры выполняли упражнения по предложенным вариантам. При сопоставлении данных контрольных испытаний оказалось, что наиболее высокий прирост результатов (максимальное время удержания нагрузки 70%-ной интенсивности) наблюдался в третьей группе – 70,8 с, во второй группе прирост составлял 66,4 с, а в первой – 16,4 с.

Во второй и третьей группах произошло достоверное улучшение результата относительно исходного ($\alpha < 0,05$). Однако статистически значимых различий между этими группами обнаружено не было ($\alpha > 0,05$).

Таким образом, наиболее выраженный кумулятивный тренировочный эффект выявлен во второй и третьей группах. Но поскольку прирост результатов в этих группах был примерно равен, то для дальнейших исследований предложен вариант, который занимает меньше учебного времени.

В результате проведенных исследований были определены упражнения и оптимальные параметры физической нагрузки на тренажерных устройствах для юношей старших классов, которые рекомендуются к использованию на уроках физической культуры (табл. 3).

Таблица 3

Параметры нагрузки выполнения упражнений на тренажерных устройствах, направленных на воспитание основных физических качеств у юношей 16–17 лет на уроках физической культуры

№	Упражнения	Используемые тренажерные устройства	Темп выполнения	Число повторений в одной серии	Интервалы отдыха между повторениями, (с)	Число серий	Интервалы отдыха между сериями, (с)	Время выполнения (мин., с)
Быстрота								
1.	Имитация бега	Беговая дорожка-массажер «Копибри»	Максим.	4	10	1	–	1 мин 10 с
2.	Педалирование	Велотренажер «Здоровье»	Максим.	4	10	1	–	1 мин 10 с
Силовые упражнения								
3.	Жим лежа различным хватом	Фигурная штанга	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
4.	Упражнения для мышц	Тренажер «Баттерфляй», скамейка с изменяющимся углом наклона	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
5.	Упражнение для двуглавой мышцы плеча	Тренажер «Пюпитр», гимнастический комплекс «Здоровье»	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
6.	Упражнения для трицепса и широчайшей мышцы спины	Устройство «Рычаг», тренажер для развития широчайшей мышцы спины и трицепса, гимнастический комплекс «Здоровье»	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
7.	Упражнения для мышц брюшного пресса	Приспособление для развития средн. мышц брюшного пресса, гимнастический комплекс «Здоровье»	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
8.	Упражнения для развития туловища	Приспособление для развития средн. мышц спины, устройство «Рычаг», гимнастический комплекс «Здоровье»	Средн.	10	непрерывно	3	60	2,5–3 мин
9.	Упражнения для мышц ног	Тренажеры для развития мышц ног	Средн.	10	непрерывно	4	60	2,5–3 мин
Упражнения на выносливость								
10.	Педалирование	Велотренажер «Здоровье»	70% от максим.	1	непрерывно	3	90	9 мин

Таким образом, исходя из проведенных исследований, необходимый срочный и кумулятивный тренировочный эффект в урочной форме занятий обеспечивают следующие параметры физической нагрузки:

- для развития быстроты движений упражнения выполняются в максимальном темпе, в одной серии, состоящей из четырех повторений длительностью в 10 с каждое и интервалом отдыха между ними в 10 с;
- для развития силовых качеств выполняются упражнения с внешним отягощением, включающие три серии для мышц верхних конечностей, туловища, а четыре – для мышц нижних конечностей, по 10 повторений в серии и интервалом отдыха между сериями в 60 с;
- для развития выносливости выполняются упражнения циклического характера в три серии, длительность одной серии 120 с, интервал отдыха между сериями 90 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Моногаров В.Д.** Утомление в спорте. – Киев, 1986. – 120 с.
2. **Сермеев Б.В.** Методика диагностирования стадий утомления // Мышечная деятельность в норме и патологии: Проблемный сборник. – Горький, 1974. – С. 3–8.
3. **Фарфель В.С.** Признаки утомления во время напряженной мышечной работы // Физиология труда. – М., 1973. – С. 3–359.
4. **Шлак В.Г.** Физическая подготовка юношей 16–17 лет с использованием тренажерных средств в урочной форме занятий. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1991. – 24 с.
5. **Шлак В.Г., Гончаров Б.Г.** Физическая подготовка юношей старших классов на уроках с использованием тренажеров и тренировочных установок // Фізична культура і здоров'я, 2002, № 3. – С. 12–24.

S U M M A R Y

The methods of determination and substantiation of physical stress parameters at trainer facilities in class for the youths of 16-17 are considered in the article.

Поступила в редакцию 18.02.2004

УДК 796.012

П.К. Гулидин, В.В. Федоров

Новые подходы к скоростно-силовой подготовке школьников на уроках физической культуры

Скоростно-силовая подготовка учащихся младших классов средних школ является ведущей составляющей педагогического процесса по физическому воспитанию. Эффективность ее влияния обусловлена разнообразием двигательной деятельности скоростно-силового характера при решении задач, стоящих на уроках физической культуры.

Вместе с тем, формирование у младших школьников самих скоростно-силовых качеств отличается неравномерностью [1]. При этом интенсивность неравномерности в развитии скоростно-силовых качеств в значительной степени зависит от индивидуальных темпов формирования организма школьников [2].

Можно ли, учитывая данные факты, оптимизировать и практически реализовать эффективное воспитание скоростно-силовых качеств у младших школьников на уроках физической культуры в школе? Это и легло в основу гипотезы и цели создания программы оптимизации развития скоростно-силовых качеств у школьников с учетом особенностей их биологического возраста и направленности педагогических воздействий.

При создании нашей программы оптимизации скоростно-силовой подготовки младших школьников на уроках физической культуры мы выявили возможность использования нескольких особенностей в решении поставленной задачи.

Первая – необходимость подразделять учащихся на три учебные подгруппы в зависимости от индивидуальных темпов формирования организма (с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма) для того, чтобы на основе полученных результатов о чувствительных периодах в развитии скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц осуществлять педагогические воздействия в каждой подгруппе. Проводя исследования, мы пришли к выводу, что можно рекомендовать следующий объем педагогических воздействий для развития скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц на уроках физической культуры: 25% – для мышечных групп, обладающих периодами высокой чувствительности; 50% – средней чувствительности; 100% – периодами низкой чувствительности. Процент рассчитывался от общего объема уроков физической культуры, где учебными планами предусматривается развитие данных физических качеств. Такое распределение объемов педагогических воздействий компенсирует более низкий уровень естественного развития физических качеств отдельных групп мышц и дает возможность получить более гармоничное соотношение топографического «рисунка» скоростно-силовых качеств у младших школьников. Таким образом, сто процентов от объема педагогических воздействий на развитие скоростно-силовых качеств должно планироваться у школьников с ускоренными темпами формирования организма для следующих групп мышц: сгибателей предплечья, сгибателей плеча, подошвенных сгибателей стопы; у школьников со средними темпами формирования организма – у разгибателей предплечья, разгибателей бедра; у школьников с замедленными темпами формирования организма – у сгибателей плеча, разгибателей плеча, сгибателей туловища, разгибателей туловища, сгибателей бедра, сгибателей голени. Пятьдесят процентов объема педагогических воздействий на скоростно-силовые качества должно быть направлено на мышцы сгибателей бедра, сгибателей туловища у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма; сгибателей предплечья, сгибателей плеча, разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей голени, подошвенных сгибателей стопы у мальчиков со средними темпами формирования организма; сгибателей предплечья, разгибателей предплечья, разгибателей бедра, разгибателей голени у мальчиков с замедленными темпами формирования организма. На всех уроках, где планируется развитие скоростно-силовых качеств, двадцать пять процентов объема педагогических воздействий должно быть направлено на скоростно-силовые качества у мальчиков с ускоренными темпами формирования организма на мышцы разгибателей плеча, разгибателей туловища, сгибателей голени, разгибателей голени; у мальчиков со средними темпами формирования организма – сгибателей туловища, сгибателей бедра; у школьников с замедленными темпами формирования организма только на мышцы подошвенных сгибателей стопы.

Вторая особенность нашей программы заключается в учете положительного влияния уровня развития скоростно-силовых качеств мышц антагонистов (сгибателей на разгибатели, и наоборот). Педагогические наблюдения, анализ литературы и школьных программ показывают, что в практике физического воспитания школьников при развитии скоростно-силовых качеств абсолютное большинство средств и методов предусматривают воздействие упражнений только регионального характера, которые направлены в основном на группы мышц разгибателей. В.П. Филин указывает, что в связи с неравномерным развитием силовых характеристик мышц-сгибателей и разгибателей в детском возрасте необходимо систематически воздействовать на те группы мышц, которые без применения физических упражнений менее всего развиваются в повседневной жизни [3]. Экспериментальные исследования Т.П. Юшкевича доказывают эффективность педагогических воздействий на группы мышц сгибателей, повышение уровня которых положительно влияет на развитие их антагонистов [4]. Работы же А.И. Кузнецова, Г.Б. Шацкого показывают, что локальная скоростно-силовая работа по данным электромиографии вызывает, по сравнению с региональными упражнениями, большую мышечную активность [5, 6]. Поэтому при разработке представленной программы оптимизации развития скоростно-силовых качеств младших школьников мы уделили особое внимание подбору локальных упражнений для всех изучаемых групп мышц, как сгибателей, так и разгибателей. Необходимость воздействия на все основные группы мышц подтверждается результатами наших исследований, которые показывают, что возраст 7–11 лет для развития скоростно-силовых качеств является одним из самых благоприятных, так как почти для всех групп мышц в этом возрасте скоростно-силовые характеристики не согласуются с субкритическими периодами. Для разгибателей и сгибателей плеча, предплечья, туловища, бедра, голени, стопы были разработаны учебные задания по развитию скоростно-силовых качеств на тренировочном устройстве «качалка» и с набивными мячами.

Третья особенность – решение задачи о чередовании педагогических воздействий на отдельные группы мышц. Для этого в предварительном эксперименте были проведены исследования по изучению реакции сердечно-сосудистой системы на скоростно-силовую нагрузку. Результаты данного исследования показали (табл.), что локальная скоростно-силовая нагрузка (время – 20 с, темп – одно повторение в 2 с, отягощение – 30% от максимальной силы) на примере мальчиков 10–11 лет с ускоренными, средними и замедленными темпами формирования организма не влияет отрицательно на сердечно-сосудистую систему.

Таблица

Изменение частоты сердечных сокращений и артериального давления крови под влиянием локальной и региональной скоростно-силовой нагрузки у мальчиков 10–11 лет ($x \pm Sx$)

Вид нагрузки	Показатель	Группы мальчиков		
		УТФО	СТФО	ЗТФО
Локальная на РБ	1	88±2,1	86±2,9	83±1,5
	2	125±3,9	120±3,4	114±2,1
	3	115±2,4	98±2,8	96±1,7
	4	99±2,5	91±3,1	88±1,8
	5	90±2,3	87±2,7	85±1,6
	6	103±3,6	97±3,0	99±2,7
	7	111±3,1	104±3,2	105±2,9
	8	66±1,7	62±1,8	63±1,2
	9	64±1,5	61±2,0	60±1,4

Вид нагрузки	Показатель	Группы мальчиков		
		УТФО	СТФО	ЗТФО
Локальная на РПР	1	92±3,6	84±2,1	87±1,9
	2	110±2,7	118±3,1	103±2,5
	3	96±3,3	97±2,6	94±2,3
	4	93±3,1	91±2,7	89±2,1
	5	92±3,2	88±2,4	87±2,0
	6	104±2,4	101±2,6	98±2,1
	7	106±2,2	105±2,7	102±2,6
	8	65±1,2	62±1,5	60±1,7
	9	65±1,3	61±1,5	60±1,3
Региональная «Прыжки вверх с места»	1	91±3,3	85±2,9	81±2,3
	2	175±4,3	157±2,5	148±3,1
	3	151±3,8	139±2,7	131±3,4
	4	132±3,4	121±2,8	115±2,9
	5	115±3,6	103±2,7	95±2,6
	6	105±2,9	99±2,6	97±3,0
	7	127±3,7	120±2,8	123±3,3
	8	67±1,8	64±2,4	61±1,9
	9	62±2,1	61±2,2	57±2,5

Примечание: 1 – исходные данные ЧСС(уд/мин); 2 – ЧСС(уд/мин) после нагрузки; 3 – ЧСС(уд/мин) – через 30 с восстановления; 4 – ЧСС(уд/мин) – через 60 с восстановления; 5 – ЧСС(уд/мин) – через 90 с восстановления; 6 – систолическое давление(мм рт. ст.) до нагрузки; 7 – диастолическое давление (мм рт. ст.) после нагрузки; 8 – диастолическое давление (мм рт. ст.) до нагрузки; 9 – диастолическое давление(мм рт. ст.) после нагрузки.

Что касается региональной нагрузки скоростно-силового характера (время 20 с, 10 прыжков максимальной высоты), то необходимо очень осторожно дозировать нагрузку, особенно для детей с ускоренными темпами формирования организма, так как у них выше реакция на нагрузку, а восстановление происходит более длительное время, чем у детей других групп. В процессе урока физической культуры контроль за состоянием сердечно-сосудистой системы не всегда можно провести своевременно и для всех детей. Данные о реакции сердечно-сосудистой системы помогли установить, что чередование упражнений локального и регионального характера с ординарными интервалами отдыха в 15–20 с позволяет выполнять скоростно-силовую работу, поддерживая высокую моторную плотность урока.

Четвертой особенностью программы является применение методов скоростно-силовой подготовки. Из педагогических наблюдений известно, что наиболее часто применяются повторный и повторно-прогрессивный методы. А литературные данные о развитии скоростно-силовых качеств у детей, занимающихся спортом, показывают эффективность ударного и изокинетического метода. Ю.В. Верхошанский, анализируя методы скоростно-силовой подготовки, выявил, что каждый метод имеет свое особое воздействие на конечный результат развития скоростно-силовых качеств [7]. Поэтому в своих исследованиях мы предприняли попытку использовать повторный метод в определенной комбинации с ударным и изокинетическим методами. Данное сочетание методов обеспечивает применение разработанного нами тренировочного устройства «качалка».

Пятая особенность программы заключается в возможности применения дополнительных, индивидуальных учебных заданий на отстающие группы мышц у детей младшего школьного возраста, в зависимости от показателей уровня скоростно-силовой подготовки у каждого ученика.

Таким образом, на основании учета индивидуальных темпов формирования организма, критических периодов развития скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц, реакции сердечно-сосудистой системы школьников на нагрузку нами была разработана программа оптимизации скоростно-силовой подготовки детей младшего школьного возраста на уроках физической культуры, которая предусматривает использование разработанных нами тренировочных средств и комплексов, и подтверждена ее эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гулидин П.К.* Возрастное развитие скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц у мальчиков в период от 7 до 17 лет // *Вестник ВДУ*, 2001, № 1(19). – С. 95–103.
2. *Семкин А.А., Гулидин П.К.* Особенности развития скоростно-силовых качеств отдельных групп мышц у мальчиков 10–11 лет с учетом индивидуальных темпов формирования организма // *Ученые записки: Сб. науч. трудов.* / Гл. ред. *М.Е. Кобринский.* – Мн., 2002. – Вып. 5. – С. 311–315.
3. *Филин В.П.* Воспитание физических качеств у юных спортсменов. – М., 1974. – 231 с.
4. *Юшкевич Т.П.* Научно-методические основы многолетней тренировки в скоростно-силовых видах спорта циклического характера: Автореф. дис. ...доктора пед. наук: 13.00.04. – М., 1991. – 41 с.
5. *Кузнецов А.И.* Пути использования избирательно-направленных мышечных нагрузок локального характера при развитии и совершенствовании двигательной функции: Автореф. дис. ...доктора пед. наук: 13.00.04. ИФК. – Л., 1974. – 42 с.
6. *Шацкий Г.Б.* Использование регионального упражнения и упражнения локального воздействия с ударной стимуляцией мышц в специальной силовой подготовке юношей-спринтеров: Дис. ...канд. пед. наук: 13.00.04. – Мн., 1996. – 135 с.
7. *Верхошанский Ю.В.* Основы специальной физической подготовки спортсменов. – М., 1988. – 331 с.

S U M M A R Y

The optimization of speed and strength training of schoolchildren is possible when taking into consideration their biological age, their particular features of the organism and sensitive periods of speed-strength abilities development.

Поступила в редакцию 28.04.2004

УДК 37.018 (37.034 + 371.388.6)

Т.М. Царенко

Реализация аксиологического подхода в научно-исследовательской деятельности учащихся внешкольных учреждений

Современная образовательная парадигма ориентирована на развитие творческого потенциала каждой личности, способной к освоению и преобразованию постоянно изменяющегося мира. В связи с этим важнейшим условием развития и реализации образовательной политики, ее стратегических ориентиров, основанных на гуманистических ценностях, происходит осуществле-

ние новых методологических подходов. Наряду с системным, личностным, деятельностным, полисубъектным, культурологическим, этнопедагогическим и антропологическим подходами в современном образовании важное место занимает и аксиологический подход. Аксиологический, или ценностный, подход выступает связующим звеном между практическим и теоретическим уровнями познания и отношениями личности к окружающему миру [1].

Известный исследователь философии образования Р. Питерс выделил в качестве главного критерия образования – ценности, подчеркивая, что образовательный процесс – это передача знаний, обладающих определенной ценностью. Именно ценностный характер отличает образование от обучения [2].

Научно-исследовательская работа является интерактивным методом, в котором главный акцент делается на самостоятельность учащихся и развитие таких важнейших качеств, как умение общаться, оперировать понятиями, разбираться в сути изучаемых явлений, реализовывать личностные и общественно значимые черты индивида. Важным при этом является желание учащегося получить знания об объекте или явлении, «открыть» новое, неизведанное путем собственного интеллектуального труда, в поиске и в усилиях. Учащийся при исследовательской работе социализируется и выступает в разных ролях: лидера, исполнителя, эксперта, докладчика, исследователя. Умение педагога эффективно применить метод научного исследования – это показатель его высшей квалификации, прогрессивной технологии в образовательном процессе. Такие технологии относят к технологиям XXI века, позволяющим адаптироваться к условиям жизни человека постиндустриального общества [3].

Исследовательский метод также важен для формирования социально значимых компетенций личности: политических и социальных, компетенций общения и жизни в поликультурном обществе, способности и желания учиться всю жизнь, владения новыми информационными технологиями. Практическое воплощение исследовательского метода требует выполнения ряда условий: необходимость четко обозначенных целей, хорошо продуманной структуры, актуальности предмета исследования, знания методов экспериментальной работы и форм обработки результатов. Такая работа совпадает с логикой подлинного научного исследования и под силу далеко не каждому школьнику и не каждому педагогу. В этой связи следует констатировать, что исследовательскую работу чаще выбирают одаренные дети, которые стремятся применить свои способности за рамками традиционных уроков и занятий. Признанным фактом является наличие у одаренных детей ряда проблем. Не все одаренные дети выявляются педагогами, чаще замечают лишь тех, кто отлично успевает в школе. Как правило, за рамками внимания школьных учителей остаются дети, одаренные в какой-то одной области знаний. Интеллектуально развитые дети с более глубокими интересами, чем у сверстников, могут не «вписаться» в коллектив класса, не всегда находят товарищей, могут конфликтовать с учителями. Иногда одаренный и способный ребенок не может себя проявить, замыкается и не реализовывает себя как личность с положительной социальной характеристикой [4]. Выявлению одаренных детей способствуют исследовательские проекты разной направленности: естественнонаучные, экологические, химические, физические, математические и т.д. Участие в проектах исследовательского характера не только раскрывает способности ребенка, но и позволяет ему самоутвердиться и получить признание среди сверстников, адаптироваться в окружающем мире, положительно социализировать себя.

Анализ многолетней работы учреждения образования «Витебское государственное областное объединение по организации внешкольной работы с детьми и подростками» позволил нам проследить реализацию аксиологического подхода в процессе научно-исследовательской деятельности учащихся

по биологии. Основой исследования явились конкурсные работы учащихся школ Витебской области и г. Витебска, представленные на итоговых областных конференциях в период 1998–2004 гг., выступления учащихся, опросы и беседы с ними и их научными руководителями.

УО «Витебское государственное областное объединение по организации внешкольной работы с детьми и подростками» выполняет функцию открытого образовательного пространства (ООП). В нем происходит развитие творческих способностей учащихся школ области, которые принимают участие в исследовательской деятельности биологической направленности. В работе объединения как ООП идет процесс самоактуализации личности в исследовательской, творческой деятельности, направленной на научный поиск. Аксиологический подход позволяет ориентировать на «ценностные характеристики, свойства образования», которые отражают «стратегию его дальнейшего развития» и оказывают «существенное влияние на совершенствование общественных и государственных процессов, формирование личности» [2].

Важным аспектом деятельности ООП с позиции ценностного отношения к миру является включение учащихся в конкретные социокультурные отношения, формирование при этом целостного восприятия взаимоотношений и взаимосвязей окружающего социума и природы, а также социализация личности.

Научно-исследовательская деятельность учащихся строится на основе следующих принципов.

1. Принцип признания права ребенка на свободное самоопределение и самореализацию. Он отражает приоритетное право учащегося на выбор темы исследования с учетом своих интересов и склонностей. Многие ребята выбирают темы экологического содержания. Так, например, учащиеся СШ №17 г. Орши избрали темой исследования возможные варианты благоустройства Кутеенской местности. Они разработали план ее реконструкции и благоустройства, согласовали его с главным архитектором города и приступили к его выполнению. А ученики школ г. Новополоцка наводят порядок в окрестностях города, организуют патрули в лесопарковой зоне, охраняя представителей дикой флоры и фауны от истребления. Многие из них пишут статьи в местную печать, призывая население последовать их примеру. Выбор темы, интерес и значимость проблемы часто высвечивают гражданскую позицию юных исследователей и их научных руководителей.

2. Принцип единства и целостности образования. В этом принципе на основе базовых знаний о предметах и явлениях формируется новая информация об изучаемых объектах. При этом методы научного исследования базируются на умениях и навыках работы с приборами и реактивами, на выявленных характеристиках объектов живой природы и процессов, протекающих в ней. В этом плане показательны работы учащихся Домжерецкого лицея, которые изучали биологию редких растений и животных Березинского заповедника. Школьники с опорой на знания по ботанике и зоологии изучали сезонное развитие растений, биологические особенности животных. Например, ученица лицея Н. Лукашук исследовала особенности размножения «северной орхидеи» – «венерина башмачка». Фотографии, таблицы с результатами за несколько лет наблюдений, данные с анализом условий произрастания, ответы на вопросы показали понимание как общих, так и специфических черт биологии венерина башмачка.

3. Принцип системности управления исследовательской деятельностью. Осуществление этого принципа требует интегративного характера взаимодействия участников, представляющих педагогический коллектив научно-

исследовательской деятельности (руководителей работ, методистов ООП, членов жюри, научных консультантов в лице ученых вузов). Ежегодное участие в конкурсах проектов является для руководителей не только хорошим стимулом в работе, но и возможностью найти новые подходы при реализации исследовательских программ. Члены жюри выступают не только с оценками работ учащих, но и с анализом достижений, стараясь максимально доброжелательно и объективно отметить позитивные стороны каждой работы. За последние годы значительно активизировалась научно-исследовательская деятельность в области: в более 1000 объединениях занимаются 12000 школьников. Представители объединения в 2004 году стали призерами и заняли первые места на Международной экологической олимпиаде в Санкт-Петербурге, на республиканской Сахаровской олимпиаде, награждены грамотами и премиями Президента Республики Беларусь.

4. Принцип исторической и социокультурной изменчивости образовательных ценностей. В частности, в истории развития Витебского областного объединения по внешкольной работе можно проследить изменения ценностных доминант образования. От ценности накопления информации произошел переход к ценностям самореализации и саморазвития, образованность понимается не как просвещенность, а как умение использовать свои знания в деятельности. Современные юные исследователи выбирают путь научного поиска, выдвигают научную гипотезу, ищут доказательства или опровержения, представляют свои результаты на иностранном языке, вступают в диалог, отстаивают свое мнение перед компетентными оппонентами. Так, дипломант областного конкурса 2002 года Е. Пряхина представляла нашу республику на Международной экологической олимпиаде в Турции, где завоевала бронзовую медаль.

5. Принцип взаимосвязи социокультурных и образовательных ценностей. При выполнении научно-исследовательских работ учащиеся, как правило, обращаются к ценностям исторического опыта, культурным традициям народа, чтобы создать на их базе новые ценности современного общества. Так, в качестве примера можно назвать формирование экологической культуры на основе традиций народной культуры, на обычаях прошлого Беларуси, где всегда существовало уважительное отношение к источникам, родникам, многие из которых считались «святыми», охранялись и почитались. Учащиеся Должанской СШ Витебского района провели учет родников и исследование растительности на территории Лосвидского лесничества. Они провели работы по очистке и защите родников, установили навесы и сделали удобные подходы к родникам, также подготовив сообщения об истории отдельных родников.

6. Принцип соотношения общественных и личностных ценностей.

Анализ многих работ учащихся показал, что мотивация выбора темы большинством участников обусловлена общественной значимостью. Личная заинтересованность исследователей проявляется в вопросах к товарищам о значимости, актуальности темы. Большое место среди работ занимают темы экологического содержания, а также природоохранные темы: биоиндикация воздуха населенных пунктов, анализ чистоты воды в реках и источниках, влияние производственных предприятий на экологию населенных пунктов и т.п. Гражданская позиция участников исследовательской работы является одной из важнейших и основополагающих ценностей мировосприятия [5].

7. Принцип интеграции традиционных и инновационных ценностей.

Осуществление этого принципа четко прослеживается в течение последних лет. Конкурсанты представляют не только традиционные доклады, но и инновационные (компьютерные презентации, современные научные приборы,

Интернет). В 2003 году компьютерную презентацию докладов представили только два участника конкурса проектов, в 2004 г. – их было вдвое больше. Ожидается, что число подобных работ будет расти. Таковы реалии сегодняшнего дня, и они радуют и настраивают всех участников на прогрессивные модели творчества, на самосовершенствование личности через творческую деятельность.

Таким образом, УО «Витебское государственное областное объединение по организации внешкольной работы с детьми и подростками» выступает как ООП и является центрообразующим фактором по консолидации усилий школы, семьи, общества в выполнении задач современной педагогической политики. Открытость ООП детерминируется условием совместных усилий всех субъектов научно-исследовательской деятельности. При этом осуществляется развитие творческих способностей личности и формирование ее духовного здоровья.

Функционирование объединения как ООП ведет к изменению внутренней среды школы (организационная культура, образовательные технологии, уровень квалификации кадров). Открытость деятельности внешкольного объединения позволяет:

- более своевременно и адекватно реагировать на изменение образовательных потребностей общества;
- привлечь более широкий круг партнеров (в лице ученых, научных сотрудников, опытных специалистов народного хозяйства) для реализации проектов;
- формировать социально активную позицию личности учащегося с максимальным учетом его интересов и способностей;
- реально обеспечить права и свободы субъектов деятельности;
- создать предпосылки для формирования механизмов общественного управления качеством образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жук О.Л.* Педагогика. УМК. – Мн., 2003. – С. 61–62.
2. *Сластенин В.А., Чижикова Г.И.* Введение в педагогическую аксиологию. – М., 2003. – 192 с.
3. *Новые педагогические и информационные технологии в системе образования* / Под ред. *Е.С. Полат.* – М., 1994. – 272 с.
4. *Одаренные дети:* пер. с англ. / Под общ. ред. *Г.В. Бурменской, В.М. Слуцкого.* – М., 1991. – 376 с.
5. *Царенко Т.М.* Научно-исследовательская работа учащихся и формирование нравственных ценностей и гражданской активности личности // Формирование гражданской культуры молодежи в условиях интеграции Республики Беларусь в европейское образовательное пространство: Материалы международной научной конференции, Витебск, 8–9 декабря 2004 г. – Витебск, 2004. – С. 329–330.

S U M M A R Y

The realization of the major principles of the value approach in pupils' research activity in the frame of the out-of-school associations of the city of Vitebsk and Vitebsk region is analyzed in the article.

Поступила в редакцию 7.02.2005

С.Л. Богомаз

Самоанализ: подходы, тенденции, возможности и ограничения

Всегда считалось, что «познать себя» не только полезно, но и возможно. Достижению этого может способствовать самоанализ. Проблема самоанализа была поставлена И.М. Сеченовым. В очерке о развитии самосознания в онтогенезе он писал: «Из детского самочувствия родится в зрелом возрасте самосознание, дающее человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т.е. отделять все свое внутреннее от всего происходящего извне, анализировать его и сопоставлять (сравнивать) с внешним, – словом, изучать акт собственного сознания» [1]. И.М. Сеченов показывает, как происходит переход от отделения своих действий от себя к образованию мнений о собственном «Я», как образовавшаяся рефлексия нередко перевертывает действительные отношения, когда человек исходит от своего «Я» как от причины свершившегося случая, как образуются «внутренние голоса», голоса совести.

Л.С. Выготский также подчеркивал важность самоанализа в произвольной регуляции поведения [2].

Особенно большое внимание самоанализу как ключевому процессу самосознания уделял Б.Г. Ананьев. В работе «К постановке проблемы детского самосознания» Б.Г. Ананьев прослеживает формирование сознания ребенка о самом себе и осознание им собственных индивидуальных особенностей. Процессуальными механизмами этого являются схватывание сходства и различия качеств другого с собственными, сравнение образа своего «Я» с образом другого, перенос на себя выделенных качеств другого. Эти же процессы лежат в основе подражания литературному герою или внутреннего следования идеалу. Внутреннее подражание основывается не только на анализе героя, но и на самоанализе, развивая тем самым самоанализ [3]. Б.Г. Ананьев отмечает, что русская классическая литература исследовала тонкие взаимосвязи самосознания и совести. Внутренние монологи героев Л.Н. Толстого позволили Б.Г. Ананьеву увидеть во внутренней речи специфические механизмы самосознания. «Именно внутренние монологи и мысленные диалоги в самосознании выступают словесно-логическим механизмом самосознания» [3].

Особое место в изучении самоанализа как процесса раскрытия своего внутреннего мира и самооценки занимает работа А.Р. Лурия [4]. В главе «Самоанализ и самосознание» показано, как испытуемые, характеризующиеся определенным уровнем приобщения к грамотности, культуре и степени участия в новых социальных преобразованиях в ряде районов Узбекистана 1931–1932 гг., выявляли у себя положительные черты и недостатки. Оказалось, что неграмотные и малограмотные, живущие изолированно и в условиях ограниченного общения, люди не способны анализировать свой внутренний мир. Они не могли выделить в себе какие-то положительные или отрицательные качества. Вместо этого испытуемые отмечали некоторые материальные условия. Отдельные элементы самоанализа проявились в повторении собственной характеристики со слов других.

И только молодые, активно участвовавшие в социальных преобразованиях и приобщившиеся к первоначальной грамотности, могли выделять некоторые особенности своей личности. Оценка собственной деятельности давалась в

результате сопоставления индивидом своего поведения с общими нормами. Особенно важно подчеркнуть то, что самоанализ был тесно связан с оценкой их отношения к требованиям, предъявляемым новыми условиями жизни и деятельности.

В работе А.И. Липкиной и Л.А. Рыбака [5] убедительно показана непосредственная зависимость самооценки от способности анализировать результат своей учебной работы. Учащиеся старших классов дневной и вечерней школ рецензировали собственные письменные работы по литературе. Их задачей было самостоятельно обнаружить, разобрать и оценить достоинства и недостатки написанных ими сочинений. Из 63 девятиклассников более трети переоценили свою работу. Они не усвоили требований, предъявляемых к сочинению и сформулированных в розданной им инструкции, и обнаружили неумение анализировать собственную работу. Свои неудачи объяснили нехваткой времени и случайной неподготовленностью. Учащиеся судят о своей учебной деятельности не по достигнутым результатам, а по тому, что вложено ими в эту работу (затраченные усилия: «Я учил», «Я готовилась»). Они отделяют требования к работе от требований к себе. Признавая недостатки в работе, ищут оправдания для себя, оценивают не работу, а себя. Причем школьники отмечают только лень и неорганизованность. И только 9 из 63 учащихся, из группы колеблющихся, строго и справедливо, аргументированно и в соответствии с предъявленными требованиями проанализировали причины достоинств и недостатков выполненного учебного задания. Строгость к себе, скромность, стремление к истине – таковы показатели высокого уровня критической самооценки, характерной для этих учащихся. В основе этой самооценки лежит развернутый самоанализ.

Нельзя думать, что невосприимчивость к объективным требованиям учебного задания и оправдания характерны только для школьников. Значительная часть взрослых так же анализирует и оценивает качество своей работы. Об этом красноречиво свидетельствуют данные американского исследователя М. Бухмана [6], испытуемыми которого были учителя со стажем работы от 3 до 29 лет. Они оправдывали свой выбор учебных действий и приемов, используемых ими в обучении. Оказалось, что те учителя (11 из 20), которые ссылаются при объяснении выбора своих действий на ролевые требования профессии, на использование критериев коллектива учителей, касающихся результатов учения, на свою ответственность, работают значительно эффективнее. Те же учителя, которые оправдывают свой выбор ссылками на личный опыт, на чувства, на негативные особенности учащихся, оказываются в плену устойчивых стереотипов, серьезно препятствующих их профессиональному росту. Оправдание выбора учебных приемов не основано на критическом самоанализе.

В системе процессов самосознания рядом с самоанализом находится рефлексия. В настоящее время это понятие широко представлено в психологической науке. В узком смысле слова оно обозначает мысленное действие, направленное на анализ собственных мыслей, собственного размышления. В.В. Давыдов пишет, что «выполнение действий контроля и оценки предполагает обращение внимания школьников к содержанию собственных действий, к рассмотрению их оснований с точки зрения соответствия требуемому задаче результату. Такое рассмотрение школьниками оснований собственных действий, называемое рефлексией, служит существенным условием правильности их построения и измерения. Учебная деятельность и отдельные ее компоненты (в частности, контроль и оценка) осуществляется благодаря такому основополагающему качеству человеческого сознания, как рефлексия» [7].

В более же широком смысле слова понятие «рефлексия» обозначает один из видов мышления (рефлексивное мышление). Б.Г. Ананьев выделяет реф-

лексивные свойства характера [8]. Многими психологами понятие «рефлексия» привлекается в качестве объяснительного принципа для раскрытия психологического содержания различных конкретных предметов психологического изучения: мышления, сознания, общения и т.п.

Таким образом, рефлексия оказывается близкой самоанализу, скорее, его разновидностью. Рефлексия, как и самоанализ, являются выражением потребности личности разобраться в своем поведении и в качестве результатов своего труда. Процессы критического анализа, оценивания и проектирования новых, более эффективных действий составляют содержание самоанализа и рефлексии.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд теоретических утверждений и предположений по проблеме самоанализа.

Попытки конструктивного самоанализа имеют большое значение прежде всего для самого человека. Они дают ему возможность самореализации, под которой понимается не только развитие определенных способностей, которые никак не используются, но и развитие его потенциальных возможностей. Каждый человек может и обязан полностью реализовать свои потенции. Помогая это осуществить, самоанализ не может избавить личность от неприятностей, но он может прояснить истоки слабостей и уязвленных сторон, причиной и следствием которых являются эти неприятности.

Самоанализ протекает быстрее и эффективнее при «сотрудничестве» со стороны человека. Указывая на «сотрудничество», мы имеем в виду и вежливое принятие всего, что предлагает психолог, и сознательное желание личности рассказать о себе. Под «сотрудничеством» мы понимаем способ самовыражения личности, который не подчинен сознательному контролю. Личность, несмотря на все ее желания сотрудничать, становится непродуктивной, как только ее усилия наталкиваются на определенное сопротивление. Но чем чаще периоды, когда она способна выражать себя, чем больше она способна работать над решением своих проблем, тем большее значение имеет самоанализ.

Если личность способна самостоятельно работать над решением своих проблем, то можно ли использовать эту способность целенаправленным образом? Может ли критически мыслящий человек самостоятельно анализировать и оценивать данные самонаблюдения и свои размышления при этом?

Обычно функции между психологом и личностью, осуществляющей самоанализ, разделяются. Человек в основном дает возможность проявиться своим мыслям, чувствам, действиям, а психолог использует свое критическое мышление, чтобы понять логику рассуждений. Он подвергает сомнению обоснованность высказываний человека, сопоставляет факты и т.д. Нельзя ли побудить человека не только заниматься вдумчивым и тщательным самонаблюдением, но также попытаться достичь и определенного проникновения в глубь своих проблем, т.е. можно ли анализировать самого себя?

Во многих исследованиях предполагается, что познать себя – дело относительно простое, но это иллюзия. Личность, которая ступает на такую дорогу, либо приобретает ложное чувство самодовольства, полагая, что она о себе все знает, либо разочаровывается, столкнувшись с серьезными трудностями. Ничего подобного не происходит, если человек знает, что самоанализ – это тяжелый, постоянный, постепенный, временами болезненный и неприятный процесс, требующий всегда конструктивной деятельности.

Опытный психолог-экспериментатор никогда не поддается такому оптимизму, так как ему знакома тяжелая и неблагодарная деятельность, которую личность может прекратить еще до того, как окажется способной взглянуть на свои проблемы. Он может выдвинуть довод о том, что человек избавится от своих трудностей только тогда, когда решимость его будет достаточно силь-

на, чтобы позволить ему самостоятельно преодолевать препятствия, стоящие на пути к самопознанию.

Постановка позитивной цели имеет реальную ценность лишь тогда, когда у личности имеется стимул, достаточно сильный, чтобы на него можно было рассчитывать, — развитые имеющиеся способности, реализовать свои потенциальные возможности, серьезно взяться за разрешение своих проблем, несмотря на все трудности, которые ему приходится при этом выдерживать. Даже если допустить, что имеется достаточный стимул к самоанализу, по-прежнему остается открытым вопрос, может ли самоанализ быть проделан «дилетантом», у которого нет нужных знаний, подготовки и опыта. Разумеется, обученный человек будет действовать быстрее и эффективнее, чем необученный. Но дистанцию между обученным человеком и необученным часто считают большей, чем есть на самом деле.

Чтобы прийти к верной оценке возможностей самоанализа, необходимо представлять себе, чем может и должен быть оснащен профессиональный психолог. Во-первых, анализ других людей требует обширных психологических знаний (особенно проблем личности и самопознания). Во-вторых, самоанализ требует определяемых навыков, которые должны развиваться путем накопления опыта в работе с собственным «Я». В-третьих, анализ других людей требует тщательного самопознания. Работая с человеком, психологу приходится проецировать себя в особый мир. И здесь имеется значительная опасность того, что он что-то неправильно истолкует, ошибется, нанесет определенный вред. Это происходит не по злой воле, а по невнимательности, по неведению или вследствие самонадеятельности. Поэтому психолог не только должен исчерпывающе знать и владеть своим профессиональным инструментарием, но и быть в ладах с самим собой и другими.

Эти требования нельзя автоматически относить к самоанализу, поскольку анализ себя в определенных моментах отличается от анализа других. Основное различие заключается в том, что мир, который каждый из нас представляет, не является для нас незнакомым; по существу, это единственный мир, который мы достаточно хорошо знаем. Всегда есть опасность, что человек воспринимает в себе определенную систему важных факторов как нечто само собой разумеющееся. Однако установленным фактом остается то, что это его мир, все знания об этом мире находятся в нем самом и ему нужно только наблюдать и размышлять, а затем использовать эти феномены, чтобы получить к нему доступ. Если личность заинтересована в нахождении причин своих проблем, если она способна справиться со своим сопротивлением и осознать его, то в определенных отношениях она может наблюдать себя лучше, чем посторонний человек. Психолог безусловно располагает лучшими методами для наблюдения и более готовыми позициями, с которых он может вести наблюдение и делать выводы, но личность всегда имеет возможности для более широких наблюдений и выводов на этой основе.

Этот факт составляет важное преимущество самоанализа. Действительно, он ослабляет первое требование к профессиональному психологу и устраняет второе: при самоанализе не нужно иметь столь глубоких психологических знаний, как при анализе другого человека, и совсем не надо умения выстраивать стратегию поведения, которое необходимо в работе с другими людьми. Основная трудность самоанализа связана не с этой областью, а с эмоциональными факторами, то, что основная трудность связана скорее с эмоциями, а не с интересом, подтверждается исследованиями К. Хорни. Она установила, что психологи, анализирующие себя, не имеют большого преимущества перед дилетантами, как можно было бы предположить [9].

Это свидетельствует о том, что с теоретических позиций нет весомых причин, по которым самоанализ был бы невозможен. Признавая, что многие люди слишком глубоко вовлечены в свои жизненные проблемы, чтобы быть способными анализировать себя; признавая, что самоанализ не может сравниться по скорости и точности с работой, проводимой в этой области специалистом-психологом; признавая, что существуют определенные трудности, которые можно преодолеть лишь с посторонней помощью – все же необходимо отметить, что все это не является доказательством того, что такая работа невозможна.

Однако, вопрос о самоанализе обсуждается нами не только с теоретических посылок, но и на основании результатов экспериментальной работы, проведенной как самим автором, так и данных, полученных в других исследованиях. Исследование показало, что самоанализ возможен, но при одном важном условии: личность, прежде чем решиться анализировать себя самостоятельно, поработала с профессиональным психологом. Это значит, что она была знакома с механизмами и навыками, и по опыту знала, что при самоанализе ничто не может помочь, кроме правды по отношению к себе. Возможен ли самоанализ без такого предварительного опыта – вопрос пока остается открытым. И все же есть обстоятельства, которые вселяют оптимизм – многие люди достигают глубокого понимания проблемы своего «Я» еще до работы с психологом. Естественно, это понимание недостаточно, но важен сам факт, что оно было достигнуто без предшествующего опыта работы. Таковы возможности самоанализа при условии, что человек вообще способен анализировать себя.

Признав, что самоанализ возможен, необходимо ответить и на вопрос: а нужен ли он? Не является ли анализ себя слишком опасным инструментом. Проанализируем возможные опасности при самоанализе.

Во-первых, многие считают, что самоанализ может усилить нездоровую склонность к «самопониманию». Неодобрение, выраженное в опасениях, как бы самоанализ не сделал человека «обращенным внутрь», возникло из определенной жизненной философии, в которой не остается места индивидуальности человека. Важно только, чтобы он был приспособлен к внешнему миру, полезен для общества и выполнял свои обязанности. Однако ему следует держать под контролем все возникающие у него индивидуальные проявления. Самодисциплина является высшим критерием. С другой стороны, люди обладающие навыками самоанализа, подрывают не только ответственность человека перед другими, но также и перед самим собой. Поэтому они всегда говорят о том, что человек имеет право на достижение личного счастья, включая и его право серьезно относиться к развитию у себя внутренней свободы. Любая личность должна определиться для себя, какая из этих двух жизненных философий ее устраивает.

Личность, убеждения которой отвечают другой философии, возможно и не будет считать, что интроспекция как таковая заслуживает порицания. Для нее понимание себя так же важно, как и понимание внешнего мира; искать правду о себе так же ценно, как и искать правду в других областях жизни. Основной вопрос, который обычно ее интересует: эта интроспекция конструктивна или бесполезна? Нами установлено, что она конструктивна, если это ответственная попытка понять и изменить себя. Если же она является самоцелью, т.е. если ею занимаются лишь из абстрактного интереса к установлению психологических связей, то она легко вырождается. Она также бесполезна, если состоит из самолюбования или жалости к себе, из бесплодных размышлений о самой себе и пустых самообвинений.

Исходя из этого может возникнуть проблема: не вырождается ли самоанализ именно такого рода в бесцельную деятельность? Наше исследование показало, что эта опасность не настолько распространена, как можно предпо-

жить. Только та личность подвергается опасности, которая склонна постоянно заходить в тупик подобного рода, но даже в этом случае самоанализ едва ли нанесет вред, так как не он является причиной бесплодных раздумий. Такой человек еще до того, как впервые прибегнет к самоанализу, подолгу размышляет о том, что было им или по отношению к нему неправильно сделано. Он пользуется самоанализом как оправданием непрекращающегося движения по замкнутому кругу, при этом анализ создает иллюзию, что подобное движение является тщательным исследованием себя, но это скорее ограничения, а не опасности самоанализа.

При анализе возможных опасностей самоанализа возникает вопрос: не содержит ли он риск нанесения определенного вреда индивиду? В нашем исследовании в случаях самоанализа подобных неблагоприятных последствий не возникало, но эти наблюдения пока слишком ограничены, чтобы привести статистические данные. Однако есть основания считать, что такая опасность возникает очень редко. Наблюдения показывают, что люди прекрасно умеют защищаться от инсайтов, поэтому естественно предположить, что эти силы самозащиты будут действовать и при самоанализе. Личность, предпринявшая попытку самоанализа, просто не сможет сделать таких самонаблюдений, которые привели бы к инсайтам, выдержать которые она не способна. Им она просто попытается быстро и поверхностно скорректировать мысль, заставившую ее задуматься, как ошибочную, и, следовательно, избежать ее дальнейшего исследования. Поэтому при самоанализе реальная опасность будет малой, поскольку личность интуитивно знает, чего ей избегать; опасность, скорее, заключается в бесполезности самоанализа из-за чрезмерного уклонения от проблем, нежели в причинении какого-либо вреда.

Даже если личность достигает определенного инсайта, то имеется ряд посылок, на которые можно положиться. Первая – это то, что столкновение с правдой вызывает не только волнение и тревогу, оно одновременно обладает и освобождающим свойством. В таком случае немедленно появляется чувство облегчения. Открытие правды о себе означает пробуждающееся осознание способа избавления; даже если он не всегда ясен, то чувствуется интуитивно и, таким образом, придает силы для дальнейшего развития.

Другой фактор, который необходимо учитывать, состоит в следующем: даже если правда глубоко мучает, то этот испуг является здоровым. Если личность обладает достаточным мужеством, чтобы открыть неприятную правду о себе, то можно не сомневаться и в ее решимости быть мужественным в исследовании себя. Уже само то, что она продвинулась так далеко, свидетельствует о ее серьезном желании взяться за себя, что не позволит ей отойти от данной позиции. Но период от начала работы над проблемой до ее разрешения и интеграции при самоанализе может быть продолжительным.

Наконец, в-третьих, если личность сталкивается с неприятным инсайтом самостоятельно, ей ничего не остается, как продолжать бороться с собой. Искушение отбросить этот инсайт, перекладывая ответственность на других, уменьшается; если тенденция возлагать ответственность на других за свои недостатки достаточно сильна, она проявляется и при самоанализе, когда человек осознал свой недостаток, но еще не принял необходимость отвечать за себя.

Таким образом, проблема самоанализа и рефлексии поставлена. Проблема же формирования самоанализа и рефлексии у учащейся молодежи ощущается как острая и неотложная. Многие представители философии, психологии, педагогики и этики подчеркивают необходимость уделять больше внимания вопросам обучения учащихся самоанализу. Так, А.Г. Спиркин и И. Бирич считают, что одной из важнейших целей образования должно быть формирование у школьников «способности к самоанализу и самооценке» [10].

С.Д. Поляков, анализируя материал «Учительской газеты», посвященный педагогике сотрудничества, выделяет среди ряда продуктивных идей идею «обучения самооценке и самоанализу (в том числе коллективному самоанализу)» [11]. Н.А. Садовская подчеркивает, что введение компьютерного обучения в школе изменяет стиль учебной деятельности. «Теперь учащийся должен понимать цель своей деятельности (целеполагание), этапы ее достижения (алгоритмизация процесса), уметь составить и отладить программу (программирование), проанализировать полученный результат» [12].

Учить вниманию к самому себе, понять самого себя, правильно оценивать собственные качества, пристально себя «читать», различать опасности не только извне, но и внутри себя, отчетливо представлять свое «могу» и «не могу», спрашивать с себя, а не ссылаться на кого-то и что-то – все это означает учить самоанализу и рефлексии. Это задачи первостепенной важности [13, 14].

Профессиональное самоопределение неразрывно связано с личностным и социальным самоопределением [15]. По мнению И.С. Кона, «ядро личности и самосознание мальчика-подростка больше всего зависит от его профессионального самоопределения и достижений в избранной сфере деятельности» [16]. Поэтому на развитие процесса самоанализа у старшеклассников в условиях обучающего эксперимента необходимо посмотреть с точки зрения практических результатов, воспитательного воздействия на учащихся и реальных возможностей сельской школы.

О воспитательном воздействии формирующего эксперимента на школьников можно судить по их отношению к различным видам занятий и заданий, означенным в программе, по их вовлеченности в процесс выбора профессий, в непривычный для них процесс «открытия» в себе профессионально значимых качеств, по изменениям в их отношении к учению, себе и жизненным ценностям. Если обнаруживаются определенные позитивные изменения во всех этих параметрах воспитательного воздействия, то можно говорить о влиянии проведенной работы на личностное и социальное самоопределение.

Полученные нами данные позволяют показать воспитательное воздействие на личность учащихся. Так, если в начале проводившейся экспериментальной работы школьники проявляли настороженность и недоверие («Откуда Вы приехали, зачем?»), то затем оно сменялось интересом к новым формам работы («Вообще-то, это ново и интересно. С нами еще такого никто не проводил»). Затем было недоумение, связанное с тем, что по данному вопросу необходимо проводить какую-либо работу («Неужели для этого надо проводить еще специальные занятия?»), и сомнение в том, что работа по предложенной программе может быть эффективной («Я не уверен, что все это поможет мне в выборе профессии»).

Но постепенно (с 3–4 занятия) отношение к проводимой работе начало меняться. Старшеклассники убедились, что с ними ведется серьезный разговор по жизненно важным проблемам, который может принести пользу в будущем. И на смену интересу к новым формам работы пришла заинтересованность содержательной стороной занятий и заданий. Особенно это проявилось в работе с учащимися 9 и 11 классов. Десятиклассники относились к занятиям более сдержанно. Хотя и они проявляли к отдельным занятиям и заданиям повышенный интерес.

Проводившаяся экспериментальная работа оказывала определенное влияние и на изменение отношения к учебе, школе вообще, родителям и их профессиям, себе и своим жизненным целям. Однако имелась группа старшеклассников (12% испытуемых), у которых никаких позитивных изменений не произошло. Как правило, это были учащиеся с низкой успеваемостью, завышенной самооценкой, замкнутые.

В экспериментальных классах сразу реализовали свои профессиональные намерения 58% учащихся против 32% в контрольной группе, еще 28% школьников экспериментальной группы использовали запасной вариант реализации, который также рассматривался экспериментатором с испытуемыми. Следовательно, и его в какой-то мере можно считать осознанным и аргументированным. Лишь 14% испытуемых изменили свои профессиональные намерения, тогда как в контрольной группе каждый второй выпускник изменил свои профессиональные намерения и это произошло всего лишь за период с мая по август месяц. По нашему мнению, это произошло потому, что профессиональные намерения не были осознанными. Кроме того, основным критерием выбора служили профессиональные интересы ученика и советы родителей, знакомых. Значения содержательной стороны профессии, своих физических, психофизиологических и психических особенностей как бы недооцениваются. Вероятно, это связано с тем, что в условиях школьной деятельности (тем более в условиях сельской школы) учитель не имеет достаточной квалификации и возможности для проведения работы по выявлению этих особенностей. Результатом этого является отсутствие реальной базы, на основе которой учитель может сделать обоснованное профессиональное заключение и дать прогноз для ученика. Профессиональные намерения учащихся с высоким уровнем развития процесса самоанализа совпадают с результатами трудоустройства в 86% случаев и лишь в 14% случаев выбирается запасной вариант. Школьники со средним уровнем самоанализа реализовывают свои профессиональные намерения в 55% случаев, 28% старшеклассников прибегают к запасному варианту выбора и 17% – изменяют свои профессиональные намерения. Старшеклассникам с низким уровнем самоанализа удается реализовать свои профессиональные планы на 25%, 50% – прибегают к запасному варианту, а 25% – отказываются от них полностью и выбирают другую профессию.

Таким образом, очевидно проступает тенденция, свидетельствующая о том, что развитие процесса самоанализа как условия профессионального самоопределения и самостоятельный, осознанный и аргументированный выбор профессии находятся в прямо пропорциональной зависимости: чем выше уровень самоанализа в контексте профессионального самоопределения, тем выбор профессии более обоснован и, следовательно, эффективность профориентационной работы школы выше.

С целью определения эффективности экспериментальной работы по параметрам «удовлетворенность трудом или учебой» и «использование приобретенных приемов самоанализа» был проведен диагностирующий срез (спустя шесть месяцев после окончания формирующего эксперимента). Полученные результаты представлены в таблицах 1, 2.

Из приведенных в таблицах результатов видно, что по всем критериям отсроченного контроля количественные показатели учащихся экспериментальной группы выше, чем контрольной. Причем, наиболее высокие показатели имеют школьники с высоким уровнем самоанализа. У учащихся с начальным уровнем развития самоанализа ни удовлетворенности, ни переноса не зафиксировано.

Основная масса учащихся со средним уровнем развития самоанализа удовлетворена своей работой или учебой, переносит приемы самоанализа в свою профессиональную деятельность. Это говорит о том, что большинство учащихся со средним уровнем самоанализа смогли в конкретных условиях проанализировать и оценить свои возможности, разобраться в своих интересах и требованиях осваиваемой профессии.

Школьники же с низким и начальным уровнем самоанализа даже в условиях овладения конкретной профессией не смогли разобраться в себе, в своих желаниях, стремлениях, способностях, потому и не нашли удовлетворения в

избранном виде трудовой деятельности или обучения, не видят своих перспектив и практически оказались перед проблемой смены профессиональной деятельности и поиска новой профессии.

Таблица 1

Удовлетворенность учащихся 11 классов избранной профессией

Характер реализации	Экспериментальная группа, n=40		Контрольная группа, n=28		Расчет статистической значимости			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	χ^2 эмп.	χ^2 эмп.	P
Удовлетворены полностью	6	21	29	77,5	6–29	15,1	10,83	0,1%
Удовлетворены частично	8	29	7	17,5	8–9	–	–	–
Не удовлетворены	14	50	4	10	14–4	5,55	5,41	2%

Примечание: Расчеты показали, что различия в удовлетворенности учащихся 10 классов экспериментальной и контрольной групп избранной профессией статистически значимы при полной удовлетворенности профессией с вероятностью ошибки $p = 0,1\%$ и при отсутствии удовлетворенности с вероятностью ошибки $p = 2\%$. Различия между числом испытуемых, частично удовлетворенных избранной профессией, статистически не значимы.

Таблица 2

Перенос приемов самоанализа в профессиональную деятельность учащимися 11 класса

Характер реализации	Экспериментальная группа, n = 40		Контрольная группа, n = 28		Расчет статистической значимости			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	χ^2 эмп.	χ^2 эмп.	P
Переносят полностью	1	4	14	35	1–14	11,3	10,83	0,1%
Переносят частично	7	25	15	37,5	7–15	2,9	2,71	10%
Не переносят	20	71	11	27,5	20–11	2,61	1,64	20%

Примечание: Расчеты показали, что различия в переносе приемов самоанализа в профессиональную деятельность учащимися 10 классов экспериментальной и контрольной групп статистически значимы с вероятностью ошибки $p = 0,1\%$ при полном переносе, при частичном переносе – $p = 10\%$ и при отсутствии такого переноса – $p = 20\%$.

В ходе проведения отсроченного контроля и анализа его результатов выступила устойчивая взаимосвязь между критериями «удовлетворенность» и «перенос». Обращает внимание, что полученные результаты имеют тенденцию к снижению от критерия «удовлетворенности трудом или учебой» к критерию «перенос приобретенных приемов самоанализа на профессиональную деятельность» (удовлетворены избранным видом труда или местом учебы полностью – 77,5% испытуемых, частично – 17,5% испытуемых; осуществляют перенос приобретенных приемов самоанализа полностью – 35% испытуе-

мых, частично – 37,5% испытуемых). Это свидетельствует о том, что около половины выпускников школы считают работу по развитию процесса самоанализа законченной, когда происходит акт выбора профессии.

Экспериментальная работа по развитию самоанализа у учащихся сельской школы с целью подготовки их к профессиональному самоопределению выявила и целый ряд специфических трудностей. Это прежде всего:

- непривычность для учащихся методов, форм и приемов работы;
- много времени было потрачено на подготовку испытуемых к проведению запланированной работы, так как ряд вопросов анкет, сочинений, инструктивных требований был просто им непонятен; требуется предварительная подготовка сельских школьников для проведения подобной работы;
- общий уровень умственного развития учащихся сказывался на работе;
- на селе школьники медленнее «раскрываются»; преодоление этого психологического барьера требовало поиска новых приемов работы и форм общения;
- у части сельских старшеклассников завышенная самооценка, особенно у слабо- и среднеуспевающих; эти учащиеся были самыми трудными в работе;
- существенным ограничением всей проводимой работы являлась и некоторая ее обособленность от остальной учебно-воспитательной работы; наше стремление заинтересовать учителей с тем, чтобы общими усилиями формировать контрольные и оценочные действия, а, следовательно, и элементы самоанализа, удавались с трудом;
- как показывают исследования, учителя слабо влияют на выбор профессии (особенно юношей), а экспериментатора школьники воспринимали как учителя, возможно, это тоже снижало эффективность работы;
- в связи с полной неизученностью самоанализа в процессах трудовой деятельности и нравственного поведения людей методических материалов вообще не существует; разработка материалов для экспериментальных занятий представляла собой значительную трудность;
- проводившаяся работа требует в основном индивидуального или дифференцированного подхода, что в условиях современной сельской школы затруднительно;
- вся работа по развитию процесса самоанализа должна проводиться в уголках или кабинетах профориентации; они должны соответствовать тем требованиям, которые предъявляются к кабинетам подобного типа; кабинеты и уголки сельских школ, в основной своей массе, не соответствуют этим требованиям, особенно это относится к их методической обеспеченности; ни в одной из экспериментальных школ на начало экспериментальной работы не было банка профессиограмм, учета профессиональных намерений учащихся и т.д.; созданные кабинеты профориентации носят скорее формальный характер, чем являются центрами профориентационной работы школы;
- школы должны тесно сотрудничать с органами по труду и трудоустройству и совместно участвовать на всех этапах организации и осуществления работы по профессиональному самоопределению учащихся с учетом их профессиональной пригодности. Этого на практике не происходит, так как планирование трудоустройства выпускников осуществляется без учета их профессиональных намерений и профпригодности к той или иной профессии. Проиллюстрируем это на примере одной из экспериментальных школ. Так, Прошковскую среднюю школу заканчивало 10 человек. По плановому балансовому расчету трудоустройства выпускников они должны были поступать в вуз – 1, техникум – 2, ПТУ – 5, на работу в народное хозяйство – 2. Профессиональные же намерения выпускников этой школы, с учетом проведенной работы, были следующие: поступать в вуз – 6, техникум – 2,

ПТУ – 1, на работу в народное хозяйство – 1. Результаты реализации профессиональных намерений и трудоустройства: поступили в вуз – 5, техникум – 1, ПТУ – 2, на работу в народное хозяйство пошли 2 человека.

Сопоставление полученных данных свидетельствует, что если бы планирование трудоустройства велось с учетом профессиональных намерений, личностных особенностей школьников и заключений профконсультанта, то оно носило бы более объективный и реалистичный характер.

Тем не менее проведенный эксперимент вписывался в учебно-воспитательный план работы школы. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы, оформленные самими учащимися и оставленные в кабинетах профориентации, принятие школьниками предложенных форм и видов занятий и изменение их отношения как к вопросам выбора профессии, так и к учению.

Таким образом, необходимо отметить, что самоанализ находится в пределах возможного, а опасность того, что он приводит к отрицательным результатам, относительно невелика. Разумеется, у него есть недостатки – от возможной неудачи до затягивания формирования этого процесса; он может потребовать гораздо большего времени для выявления и разрешения проблем.

Личность, способная к самоанализу, получает многие психологические выгоды. Их можно обобщенно представить как возрастание внутренней силы и, следовательно, уверенности в себе. Каждый успешно проведенный самоанализ повышает уверенность личности в себе. Кроме того, происходит освоение личностного пространства исключительно благодаря собственной инициативе и настойчивости. Эффект, достигаемый при самоанализе, проявляется и в других сферах жизни, что свидетельствует о наличии возможности формирования алгоритма самоанализа. Разработка этой проблемы может привести к выявлению механизмов переноса самоанализа (как содержательных, так и процессуальных) из одного вида деятельности в другие.

Развитие процесса самоанализа у учащихся старших классов сельской школы происходит в условиях целенаправленного и систематического обучения. Программа обучения включает систему занятий, направленных на формирование знаний о труде и мире профессий, умений анализировать содержание и требования избираемых школьниками профессий и выявлять профессионально значимые качества. Групповые и индивидуальные занятия строились таким образом, что учащиеся, выполняя предложенные им задания, касающиеся содержания и требований планируемых профессий, обнаруживали те качества, которые свидетельствуют о мере их пригодности к этим профессиям.

Анализ содержания и требований планируемых старшеклассниками профессий и анализ собственных профессионально значимых качеств неотделимы и составляют процесс самоанализа.

Самоанализ является главным новообразованием у учащихся старших классов, их психологической готовности к профессиональному самоопределению. Содержательную сторону самоанализа образуют знания о профессии (ее место в системе народного хозяйства, предмет и орудия труда, его условия, зарплата, функции профессии и ее требования к личности) и знания о себе (интересы, физические данные, моральные качества, умения, способности и свойства психических процессов). Процессуальная сторона самоанализа выражается в логике рассуждения, в ходе которого учащийся обосновывает свой выбор. Система вопросов «Кем быть?», «Почему?», «Смогу ли я быть...?» и др. выступает в роли алгоритмов рассуждения-обоснования выбора профессии или механизмом самоанализа.

Процесс самоанализа имеет несколько уровней развития: высокий, средний, низкий и начальный. Количественное распределение испытуемых по уровням самоанализа в экспериментальной и контрольной группах определяется качеством проводимой профориентационной работы, возрастом и социальными условиями жизни учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. – М., 1947. – 504 с.
2. *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. – М., 1960. – 500 с.
3. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды. В 2 т. – М., 1980. – Т. 2. – С. 124.
4. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. – М., 1974. – 172 с.
5. *Липкина А.И., Рыбак Л.А.* Критичность и самооценка в учебной деятельности. – М., 1968. – 142 с.
6. *Buchtan M.* Role over Person: Justifying Teacher Action and Decisions. Scandinavian J. of Educational Research. Vol. 31, No 1, 1987. Norwegian Univ. Press. – P. 1–19.
7. *Давыдов В.В.* О двух основных путях развития мышления школьников // Материалы IV Всесоюз. съезда о-ва психологов. – Тбилиси, 1971. – С. 686–687.
8. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л., 1970. – С. 314.
9. *Хорни К.* Самоанализ. Психология женщины. Новые пути в психоанализе. – СПб., 2002. – 480 с.
10. *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. – М., 1972. – С. 3.
11. *Поляков С.Д.* Педагогика сотрудничества и педагогическая психология // *Вопр. психологии*, 1987, № 5. – С. 108–109.
12. *Садовская Н.А.* Обзор материалов «круглого стола» по психологическим проблемам развития инициативы и творчества учителей // *Вопросы психологии*, 1989, № 1. – С. 61–62.
13. *Niebrzydowski L.* O poznawaniu i ocenie samego siebie. Nasza Księgarnia. – Warszawa, 1976. – S. 208.
14. *Богомаз С.Л.* Самоанализ как условие профессионального самоопределения сельских старшеклассников: опыт психологического исследования. – Витебск, 1997. – С. 195.
15. *Гинзбург М.Р.* Личностное самоопределение как психологическая проблема // *Вопросы психологии*, 1988, № 2. – С. 19–26.
16. *Кан И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. – М., 1984. – С. 195.

S U M M A R Y

The article deals with the problems of introspection, which has been always considered a possible and useful means to cognize oneself.

Поступила в редакцию 24.01.2005

О.И. Воробьева

Экспрессивность рекламы в аспекте коммуникации

Рекламный текст определяется как законченное речевое произведение с определенной формально-смысловой структурой, которое выступает в качестве коммуникативного сообщения, имеющего прагматическую установку передать адекватную замыслу автора информацию об объекте рекламы с конечной целью побуждения реципиента к активному действию – приобретению товара/услуги [1–4].

Оптимальное функционирование рекламного послания зависит прежде всего от решения проблемы восприятия, понимания и оценки текста рекламы ее получателем (реципиентом) в соответствии с коммуникативной задачей автора. Поэтому лишь коммуникативно-деятельностный подход может стать достаточно эффективным при проникновении в механизм экспрессивности рекламного сообщения. С позиций теории речевой деятельности экспрессивность является обязательным условием прагма-коммуникативного существования рекламного текста, его сущностной характеристикой и одной из ведущих концептуальных категорий. Это динамическое свойство рекламы, которое может быть представлено как некоторая совокупность отобранных автором предметных ситуаций, облеченных в форму языковых и невербальных средств, пропущенных сквозь призму сознания авторов рекламы (заказчика и исполнителя рекламного обращения). Их личность, намерения непременно взаимодействуют с сознанием и личностью реципиента (получателя рекламы).

Коммуникативно-деятельностный подход дает возможность исследовать рекламу как динамический процесс с учетом участников события, ситуации общения и определяет направление изучения рекламного сообщения от выявления его экстралингвистической специфики до обнаружения особенностей «тела» текста.

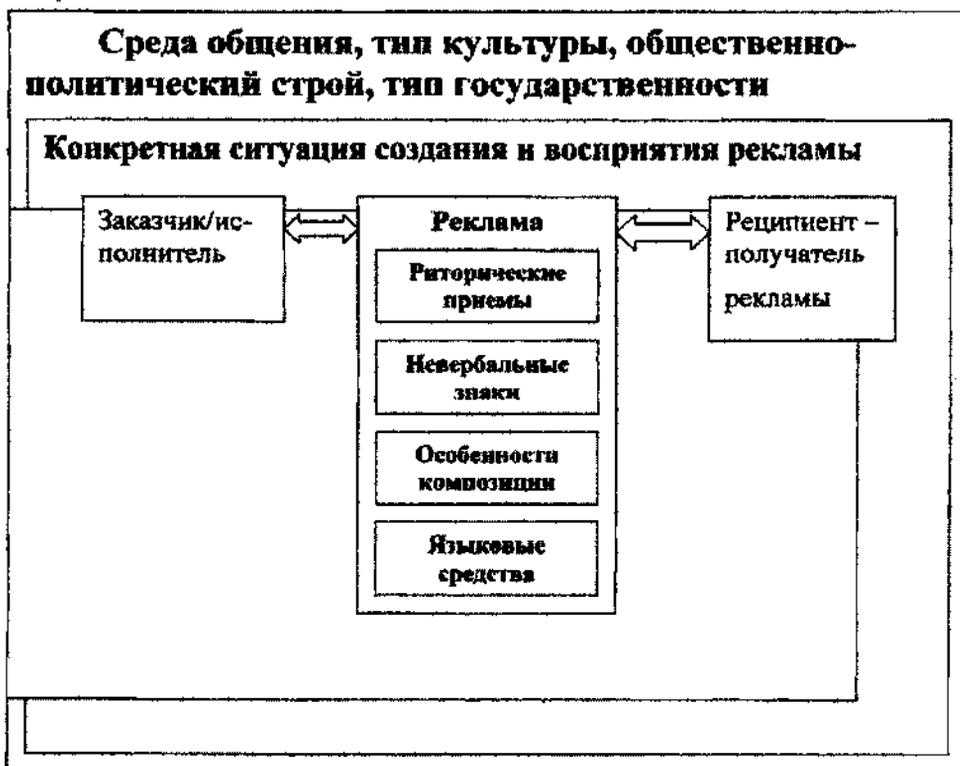
Общепризнанной функциональной формулой эффективной рекламы является AIDA, в настоящее время широко используемая в модифицированном виде как AIDMA – attention – внимание, I – interest – интерес, D – desire – желание, M – motive – мотив, A – action – действие. При успешном декодировании реципиентом рекламной информации у последнего формируются убеждения, желания и установки к целенаправленному действию – покупке рекламируемого товара.

Данная формула рассчитана на потребителя и не может быть использована в применении к коммуникативно-деятельностному подходу к рекламе: в ней не учитывается личность заказчика/исполнителя, не учитывается реальная ситуация и среда общения.

Мы считаем, что коммуникативное пространство рекламы образуется пятью основными слагаемыми: 1. Спецификой Автора (Заказчика и Исполнителя), с одной стороны, и Получателя рекламы, с другой: их интенциями, кругозором, знанием языка, культурных норм и стереотипов и т.д. 2. Спецификой коммуникативной задачи рекламы. 3. Знанием и правильным использованием кодов – языкового, семиотического, культурного. 4. Спецификой самого

«тела» рекламного текста – совокупностью структурно-композиционных, языковых и невербальных особенностей. 5. Естественной средой общения, или рамкой, которую образуют: общественно-политический строй, тип государственности, историко-культурная традиция и т.д.

Мы утверждаем, что экспрессивная функция рекламы реализуется лишь при ее включении в процесс коммуникации. Следовательно, нужно учитывать связь рекламы с внешними явлениями, психологической и социальной реальностью, с функционированием рекламы в этой реальности. Сказанное можно схематически изобразить в виде следующих отношений:

Из схемы видно, что текст рекламы вступает по меньшей мере в пять видов отношений: 1) реклама – среда общения, 2) реклама – конкретная ситуация создания и восприятия, 3) реклама – заказчик/исполнитель, 4) реклама-реципиент и 5) реклама – ее вербальная и невербальная репрезентация. Эта схема весьма условно и довольно грубо описывает реальную «жизнь» рекламы, в действительности же возникает много других видов отношений, например, реклама – другие рекламы, заказчик – реципиент и т.д.

Вид отношений «реклама – ее вербальная и невербальная репрезентация» реализуется в тексте через коммуникативную организацию рекламы, ее структуру и композицию, модальность, прагматическую направленность. Во всяком рекламном тексте сосуществуют самые разнообразные языковые средства, рисунки и графические приемы, которые порождают экспрессивное многоголосие, сливающееся в хорошей рекламе в своеобразную мелодию.

Текст рекламы – это средство коммуникативного взаимодействия автора и реципиента. Это строгая система, цементирующей силой которой является интенция заказчика, замысел исполнителя, которые не просто скрепляют

языковые средства, но и определяют их статус в общем наборе языковых и невербальных средств.

Устройство и функционирование рекламной коммуникации можно описать в терминах коммуникативно-деятельностной модели, обозначив следующие основные компоненты: а) субъекты: автор – реципиент; б) действия (процессы); в) результаты.

А. Субъекты: автор – реципиент. Автором выступает фирма-производитель рекламируемого товара или услуги (заказчик), рекламное агентство, рекламный отдел редакции СМИ (исполнитель). Реципиентом выступает неопределенное лицо, являющееся индивидуумом в смысле восприятия определенного текста в данный момент и в данном пространстве. Имея в виду предназначение рекламного текста для целевой группы, нужно говорить о коллективном реципиенте.

Б. Действия (процессы). Прагматическая и логико-смысловая направленность рекламы имеет своим итоговым содержанием установку на конкретное действие со стороны участника коммуникативного акта – партнеров по коммуникации.

Рассмотрение системы «адресант (автор – текст – адресат (реципиент)» требует обращения к таким аспектам ситуативного контекста создания и восприятия рекламы, как: а) односторонняя направленность рекламного обращения от адресанта к адресату при отсутствии отношений субординации между ними; б) опосредованность (через канал распространения рекламы) связи между участниками коммуникации; в) восприятие и оценка текста реципиентом осуществляется в условиях минимума внимания и сосредоточенности, частичности анализа, фрагментарности восприятия и нехранимости содержания реципиентом.

Действия автора направлены на решение двух групп задач: первая – организация общения (привлечение и удержание внимания, создание атмосферы, благоприятной для восприятия сообщения), вторая – оказание собственно воздействия: побуждение объекта воздействия к некоторой деятельности.

Коммуникативная компетентность автора, т.е. наличие коммуникативного опыта, предполагает наличие представлений о стратегии и тактике, а также о репертуаре вербальных и невербальных средств, допустимых и «выгодных» в данной речевой ситуации, и способах их использования.

Коммуникативная стратегия в рекламе – это эффективные гибкие способы достижения основной цели рекламной коммуникации (рекламная идея, концепция), определяющие стиль рекламного текста. Она может быть аргументирующей, рационалистической, нацеленной на эмоциональное воздействие.

Коммуникативная тактика – это конкретная реализация стратегии, это совокупность действий, выполняемых в той или иной последовательности в соответствии с теми или иными правилами.

Понятие языковой (коммуникативной) компетенции – центральное понятие коммуникативного взаимодействия.

Коммуникативная компетенция автора предполагает языковую (владение языком, умение пользоваться его ресурсами тривиальным и нетривиальным способом, способность варьировать способ языкового представления) и культурную (знание национальных, культурных традиций) компетенции.

Языковая компетенция реципиента означает умение извлекать из сказанного на данном языке смысл, отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных.

Интерпретируя получаемую информацию, человек как бы производит ее измерение относительно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, т.е. соотносит ее с уже имеющимися у него знаниями и порождает новые смыслы.

Набор прагматических пресуппозиций является общим для отправителя и получателя сообщения и связан с культурно-этическими и социальными особенностями данного общества.

Пресуппозиции – это знания, предшествующие ситуации общения (ведь адекватное восприятие авторской интенции, реализация прагматического содержания высказывания становится возможным при идентичной пресуппозиционной емкости знаний автора и реципиента, способности к релевантным импликациям).

Возможность общения автора и адресата обусловлена, таким образом, общностью информационного тезауруса, единством социальной и национальной сущности, а также знанием языкового кода и умением его передавать в процессе коммуникации по каналам связи.

Коммуникативно-прагматический фактор влияет на структурно-композиционные особенности текста и на специфику отбора и функционирования в нем лингвистических и несобственно лингвистических средств.

Сознательный выбор автором языковых средств и приемов, предназначенных для воздействия на партнера по коммуникации, а также привлечение в текст элементов различных семиотических систем создают неоднозначный и многомерный рекламный образ, требующий от реципиента творческого прочтения.

В. Результаты. Реализация посткоммуникативного эффекта рекламы обусловлена тем, насколько точно рекламодатель определил задачи и адресовал рекламу, т.е. учел потребности предполагаемого адресата, правильно подобрал и аргументировал мотивацию. Эффект рекламы можно считать достигнутым, если ей удалось привлечь внимание реципиента, актуализировать потребность, возбудить интерес, создать благоприятный образ товара, внушить доверие, внедрить в память коммерческие аргументы, создать устойчивые ассоциации.

Таким образом, с позиций теории речевой деятельности экспрессивность является обязательным условием прагма-коммуникативного существования рекламного текста, его сущностной характеристикой. Экспрессивная функция рекламы реализуется при ее включении в процесс коммуникации, т.е. при наличии реципиента, способного воспринять сообщение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горлатов А.М.* Функциональный стиль рекламы в современном немецком языке. – Мн., 2002. – 257 с.
2. *Терпугова Е.А.* Рекламный текст как особый тип императивного дискурса: Автореф. ...канд. филол. наук. – Кемерово, 2000. – 19 с.
3. *Шамсутдинова Е.Л.* Некоторые способы интенсификации экспрессивности в англоязычных рекламных текстах: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1992. – 16 с.
4. *Шудо К.В.* Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Саратов, 2002. – 22 с.

S U M M A R Y

Advertising is analyzed from the positions of communicative activity approach. Expressiveness is considered as a dynamic property, a kind of verbal-nonverbal unity ruled by the copywriter's intention, significance of the object advertised, and the perception of the recipient.

Поступила в редакцию 19.11.2003

Е.В. Лукичёва-Наврость

Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на *-ость*)

Существительные со значением отвлеченного признака составляют самую богатую в лексическом отношении группу отадеквативных существительных. Они образуются при помощи суффиксов *-ость*, *-ств(о)*, *-изн(а)*, *-от(а)*, *-иц(э)*, *-ицин(а)* и т.д.

В данной статье мы рассматриваем образование существительных с суффиксом *-ость*. Имена на *-ость* представляют один из наиболее обширных массивов в составе отвлеченной лексики русского языка. Существительные на *-ость* разнообразны и по своему образованию, и по семантике, и по употребительности, и по времени возникновения.

Суффикс *-ость* принадлежит к общеславянским формантам. Он изначально был известен русскому языку. В древнерусском языке образование имен при помощи данного суффикса не было активным (по данным Э.М. Ножкиной, имен на *-ость* насчитывалось не более 150 [1]). В основном образование данных существительных шло от основ непроемных прилагательных и прилагательных с основой на *-к-*. В дальнейшем связи суффикса *-ость* расширяются. С XIV века в качестве производящих выступают основы прилагательных на *-л-*, *-н-*, с XV века – основы отлагольных и отыменных прилагательных на *-иѣ-*, *-чиѣ-*, *-лив-*, *-ѡѣ-*, *-тельн-*, с XVI века – основы причастий страдательного залога прошедшего времени на *-нн-*, *-тн-*. В XVII веке происходит резкое увеличение продуктивности суффикса *-ость*, что делает данный словообразовательный тип наиболее активным. К концу XVIII века суффикс *-ость* приобретает практически все словообразовательные связи, известные современному русскому языку. Кроме того, в конце XVIII века и на всем протяжении XIX века наблюдается активное вовлечение в область действия суффикса *-ость* прилагательных с заимствованными основами на *-н-*, *-озн-*, *-уальн-*, *-альн-*, *-ичн-*, *-ивн-*, *-арн-*, *-абельн-*. В XIX веке происходит окончательное формирование современной системы производящих основ для данного типа. Таким образом, «для всей истории словообразовательной модели существительных с суффиксом *-ость* характерно постоянное расширение словообразовательных связей этого форманта с основами прилагательных разного происхождения и морфологического строения, рост активности и утверждение данной модели в качестве единственно продуктивной при образовании имен отвлеченного качества» [2].

В современном русском языке имена на *-ость* образуются не только от исконно качественных прилагательных, прилагательных, относительных по природе, но развивших качественные оттенки значения, и причастий с качественными значениями, но и от прилагательных с относительным значением (явление достаточно новое для русского языка). Хотя «степень отвлеченности признака, выражаемого существительными, образованными от основ относительных и качественных прилагательных, различна. Если имена на *-ость* от основ качественных прилагательных имеют право на абсолютное употребление (что свидетельствует о более высокой степени отвлеченности признака), то имена на *-ость* от основ относительных прилагательных прикреплены, как правило, к тому существительному, качество и свойство которого они выражают» [3].

Нами было проанализировано 3619 существительных на *-ость/-ности/-есть*.

По своей морфологической структуре данные существительные неоднородны. Они образуются от немотивированных, мотивированных и сложных основ.

I. «Немотивированная основа прилагательного + -ость» (514) (*слабость, зрubbость, лукавость, гнусавость*), -есть (7) (*дюжесть, жгучесть, живучесть, могучесть, неужлюжесть, тощесть, схожесть*), -ность (*горячность*).

II. «Мотивированная основа прилагательного + -ость/-есть» (3097):

1. «Основа, мотивированная существительным, + -ость» (1281):

1) «суффиксальная основа прилагательного + -ость» (1127): на -н- (477) (*абсолютность, стационарность, абсурдность, судорожность*); на -ичн- (124) (*академичность, демократичность, истеричность, фееричность*), -ист/ичн- (16) (*идеалистичность, механистичность, натуралистичность, реалистичность*), -ат/ичн- (4) (*проблематичность, систематичность, схематичность, энигматичность*), -ет/ичн- (*теоретичность*); на -ист- (107) (*бархатистость, бугристость, скалистость, мелистость*); на -лив-(70) (*боязливость, сиротливость, копотливость, прихотливость*); на -онн-/енн- (67) (*болезненность, естественность, мужественность, невежественность*); на -ивн- (50) (*агглютинативность, агрессивность, декоративность, импульсивность*), -ат/ивн- (*нормативность*); на -альн- (47) (*буквальность, гениальность, документальность, идеальность*), -у/альн- (3) (*интеллектуальность, сексуальность, текстуальность*), -он/альн- (2) (*субстанциональность, эмоциональность*), -ш/альн- (2) (*принципиальность, эпохиальность*); на -оват-/еват- (38) (*бочковатость, дубоватость, кудреватость, прыщеватость*); на -ив- (15) (*лживость, лстивость, паршивость, ленивость*); на -чат- (13) (*игольчатость, половинчатость, полосчатость, ступенчатость*); на -ат- (12) (*волосатость, горбатость, зубчатость, брюхатость*); на -ов- (10) (*кастовость, ласковость, массовость, свинцовость*); на -аст- (10) (*зобастость, зубастость, пузастость, скуластость*); на -овит-/евит- (8) (*башковитость, даровитость, деловитость, домовитость, родовитость, сановитость, ядовитость, глянцевитость*); на -арн-/ярн- (6) (*легендарность, статусарность, фрагментарность, шаркарность, элитарность, полярность*); на -озн-/езн-/езн- (6) (*грациозность, религиозность, сентенциозность, тенденциозность, скандалезность, помпезность*), -у/озн- (*монструозность*); на -овн- (6) (*греховность, сановность, чиновность, духовность, душевность, плачевность*); на -к- (3) (*гулкость, звонкость, клейкость*); на -ствеенн- (3) (*девственнсть, женственнсть, царственнсть*), -естве/енн- (*дружественнсть*); на -абельн- (3) (*коммуникабельность, комфортабельность, моднабельность*); на -ав-/яв- (2) (*прыщавость, кудрявость*); на -ебн- (2) (*враждебность, хвалебность*); на -ск- (2) (*детскость, светскость*); на -ляв- (2) (*костлявость, трухлявость*); на -янн- (2) (*деревянность, стеклянность*); на -очн-/ечн- (2) (*изгрудичность, узорчность*); на -ен-/ен- (2) (*ветренность, рифленность*); на -л- (*комлость*); на -л- (*круглость*); на -ельн- (*смертельность*); на -црова/ин- (*привилегированность*); на -орн- (*иллюзорность*); на -чив- (*порычевость*); на -ит- (*именитость*);

2) «префиксально-суффиксальная основа прилагательного + -ость» (154): префикс (*без-, на-, из-, не-, по-, под-, от-, за-, со-, о-, чрез-, у-*) – суффикс -н- (133) (*безаварийность, невинность, подвластность, заграничность, созвучность, полюбовность, чрезмерность, уместность, оконечность*); префикс *без-, под-* – суффикс -онн-/енн- (10) (*безболезненность, безбоязненность, безапелляционность, подведомственность*); префикс *бес-/без-* – нулевой суффикс -л- (3) (*бескрылость, безликость, безрукость*); префикс *не-* – суффикс -им- (3) (*невозвратимость, нелюдимость, невыносимость*); префикс *над-, бес-* – суффикс -ов- (2) (*надклассовость, бестолковость*); префикс *без-, небез-* – суффикс -тельн- (2) (*безосновательность, небезосновательность*); префикс *не-* – суффикс -ив- (*незлобивость*).

2. «Прилагательные, мотивированные глаголом, + -ость/-есть» (638):

1) «суффиксальная основа прилагательного + -ость/-есть» (530): на -тельн- (154) (приблизительность, блистательность, избирательность, рассудительность), -и/тельн- (6) (бдительность, повелительность, впечатлительность, предусмотрительность, чувствительность, общительность), -а/тельн- (окончателность); на -л- (99) (блеклость, обветшалость, пухлость, силпость); на -лив- (66) (блудливость, бодливость, болтливость, увертливость), -ч/лив- (бранчивость); на -чив- (49) (сбивчивость, разборчивость, отзывчивость, влюбчивость); на -н- (44) (отборность, развязность, нарядность, алчность), -льн- (танцевальность), -ейн- (шутейность); на -к- (36) (вязкость, зыбкость, пылкость, робкость), -т/к- (чуткость); на -ист- (17) (убористость, задиристость, размашистость, прерывистость); на -уч-/юч- (15) (горючесть, кипучесть, колючесть, текучесть); на -им-/ем- (12) (исполнимость, мнимость, сгораемость, приемлемость); на -ив- (5) (бурливость, игривость, кровоточивость, противоречивость, слезоточивость); на -енн- (5) (вдохновенность, уверенность, восторженность, смиренность, почтенность); на -чат- (4) (звончатость, плейчатость, расплывчатость, взрывчатость); на -ове/нн- (2) (обыкновенность, проникновенность); на -обн-/ебн- (2) (съедобность, целебность); на -о- (покатость); на -абельн- (читабельность); на -ён- (смышлёность); на -оват- (бесноватость); на -нн- (избранность); на -т- (развитость); на -очн- (выморочность); на -ляв- (вертлявость); на -ач- (стоячесть);

2) «префиксально-суффиксальная основа прилагательного + -ость» (108): префикс не- – суффикс -им-/ем- (64) (непреоборимость, неприручимость, неоспоримость, негибкость); префикс не-, без-, на-, под-, рас- – суффикс -н- (35) (безоглядность, наглядность, подотчетность, неотступность, расторопность); префикс не-, без-, пред- – суффикс -тельн- (3) (незамедлительность, безотлагательность, предосудительность); префикс не- – суффикс -нн- (2) (нераскаянность, непрестанность); префикс е-, не- – суффикс -ённ- (2) (врожденность, несвершенность); префикс пре- – суффикс -л- (престарелость); префикс не- – суффикс -чив- (неотвязчивость).

3. «Сложное прилагательное + -ость» (613):

1) «суффиксально-сложная основа прилагательного + -ость» (611): на -н- (363) (радиоактивность, зловонность, вредоносность, многодетность); на -о- (72) (кособокость, косоглазость, тугоухость, всеобщность); на -енн- (43) (самоуверенность, легкомысленность, двусмысленность, злокачественность); на -тельн- (27) (благожелательность, маловыразительность, доброжелательность, многозначительность); на -к- (20) (влажностойкость, ладноломкость, жизнестойкость, легкоплавкость); на -ив- (20) (властолюбивость, красноречивость, миролюбивость, велеречивость); на -им-/ем- (30) (водопроницаемость, воздухопроницаемость, удобоусвояемость, удобоваримость); на -чив- (18) (виброустойчивость, ветроустойчивость, болезнеустойчивость, жизнеустойчивость); на -л- (4) (раннеспелость, позднеспелость, скороспелость, низкорослость); на -евн- (3) (ежедневность, повседневнось, злободневность); на -ист- (3) (многозернистость, крупнозернистость, пустозернистость); на -ов- (2) (многоплановость, чистопсовость); на -лив- (2) (жаровыносливость, теневыносливость); на -т- (общепринятость); на -ивн- (малозффективность); на -чат- (многоступенчатость); на -ичн- (малозкономичность);

2) «префиксально-суффиксально-сложная основа прилагательного + -ость»: префикс по- – суффикс -н- (повсеместность); префикс по- – суффикс -евн- (повседневнось).

4. «Прилагательное, мотивированное прилагательным, + -ость/-есть» (557):

1) «префиксальная основа прилагательного + -ость/-есть» (469) (префиксы

не-, без-, пре-) (небывалость, безвозвратность, превыспренность, несвежесть, непохожесть);

2) «суффиксальная основа прилагательного + -ость» (88): на -оват- (55) (аловатость, бледноватость, белесоватость, глуповатость); на -ист- (13) (водянистость, землянистость, золотистость, маслянистость); на -ит- (3) (боевитость, передовитость, толковитость); на -н- (3) (скрытность, сытность, цельность); на -ав- (3) (величавость, моложавость, слащавость); на -еват- (2) (рыжеватость, синеватость); на -ощав- (2) (сухоощавость, худоощавость); на -ичн- (2) (вторичность, первичность), -ист/ичн- (материалистичность); на -енн- (2) (мертвенность, трезвенность); на -яв- (пухлявость); на -ен- (мудреность).

5. «Прилагательные, мотивированные числительным, + -ость» (4).

«Суффиксальная основа прилагательного + -ость»: на -ственн- (2) (двойственность, тройственность); на -як- (2) (двойкость, тройкость).

6. «Прилагательные, мотивированные наречием, + -ость» (3).

«Суффиксальная основа прилагательного + -ость»: на -н- (2) (исконность, огульность); на -ышн- (никудышность).

7. «Прилагательное, мотивированное местоимением, + -ость» (1).

«Суффиксальная основа прилагательного + -ость»: на -н- (никчемность).

Из приведенных данных видно, что продуктивность суффикса -ость с разными структурными типами основ прилагательных неодинаковая. Основными типами мотивирующей основы являются основы отсубстантивных и отглагольных прилагательных. Образование имен на -ость от данных основ было характерно для русского языка практически на всех этапах его развития. Однако долгое время имена на -ость не представляли собой целостной лексико-семантической группы с единым категориальным значением. Вплоть до конца XVIII века наряду с преобладающим значением отвлеченного качества имена на -ость имели также предметные или процессуальные значения. Образовываясь от основ отглагольных прилагательных, имена на -ость могли приобретать глагольное значение отвлеченного действия. В XIX веке суффикс -ость начинает избирательно относиться к основам отсубстантивных и отглагольных прилагательных. Связи с прилагательными, имеющими только относительное или процессуальное значение, ослабевают, и, напротив, укрепляются связи с основами отсубстантивных прилагательных качественных или получивших качественное значение, а также отглагольных прилагательных, утративших процессуальное значение. Таким образом, суффикс -ость начинает служить средством образования существительных только со значением отвлеченного качества, способность выражать предметные и глагольные значения им утрачивается. Этому способствовал начавшийся в XIX веке процесс окачествления отсубстантивных прилагательных и утраты процессуальных значений отглагольными прилагательными. Группа имен на -ость, образованных от прилагательных, мотивированных существительными, значительно пополнилась в XIX веке, когда в языке появляются многочисленные отыменные прилагательные с иноязычными основами на -озн-, -альн-, -уальн-, -ичн-, -ичн-, -арн-, -абельн-. Появляясь в языке как относительные прилагательные, они легко приобретали качественные значения, чему в немалой степени способствовал процесс окачествления прилагательных.

Что касается имен на -ость от прилагательных с немотивированной основой, то они не столь многочисленны в сравнении с именами на -ость, образованными от мотивированных основ прилагательных. Причину этого следует усматривать, на наш взгляд, в тенденции выражать отвлеченное значение качества, свойства, состояния, поведения, отношения посредством образований на -ость от мотивированных основ прилагательных, которые, несомненно, обладают большими возможностями для воплощения разнообразных значений,

чем немотивированные прилагательные. От прилагательных с немотивированной основой образуются имена на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства и приметы (*годность, мудрость, молодость* и т.д.).

Особый интерес представляет образование существительных на *-ость* от основ сложных прилагательных. Мотивирующие прилагательные в большинстве случаев являются словосложениями подчинительного типа, у которых первая часть обычно служит определяющей (уточняющей) ко второй (словосочетания прилагательного с существительным (*слабохарактерность*), местоимения с существительным или глаголом (*самоуглубленность*), наречия с глаголом (*малоупотребительность*), числительного с существительным (*двусторонность*)). Круг сложных основ прилагательных, способных сочетаться с суффиксом *-ость*, существенно расширился лишь в современном русском языке (до этого словообразовательные связи *-ость* с основами сложных прилагательных были крайне узки). Выступающие в качестве мотивирующих сложные основы прилагательных представляют самые разнообразные структурные типы, осложненные почти во всех случаях различными суффиксами прилагательных. Несмотря на расширение словообразовательных связей суффикса *-ость* с данным видом основ в современном русском языке, относительная продуктивность его в сочетании с каждым отдельным структурным типом сложных основ остается, за исключением основы на *-н-*, невысокой.

Если говорить о степени продуктивности имен на *-ость*, образованных от мотивированных основ прилагательных, то она различна для суффикса *-ость* в сочетании с основами суффиксальными, префиксальными и суффиксально-префиксальными. Широкими словообразовательными связями на всем протяжении истории русского языка характеризуется данный суффикс в соединении с суффиксальными основами прилагательных на *-н-, -ичн-, -ист-, -лив-, -тельн-, -л-* и т.д. Особой продуктивностью отличаются имена на *-ость*, образованные от основ прилагательных с суффиксом *-н-* в своем составе. Во многом это объясняется продуктивностью самого класса прилагательных на *-н-* в русском языке.

Зато, как можно заметить, значительно ограничены словообразовательные связи суффикса *-ость* в сочетании с префиксальными основами прилагательных, что, возможно, объясняется ограниченностью круга самих префиксальных прилагательных, способных сочетаться с суффиксом *-ость*.

Имена на *-ость* образуются также от суффиксально-префиксальных основ, однако продуктивность существительных на *-ость* в рамках данной словообразовательной модели неодинакова. Довольно продуктивны имена на *-ость* от суффиксально-префиксальных прилагательных на *-им-/ем-* и *-онн-/енн-*. Самыми продуктивными являются существительные, образованные от префиксально-суффиксальных прилагательных на *-н-*. Еще В.В. Виноградов отмечал, что «...суффикс *-н-* является (кроме суффикса *-ов-/ев-*) единственным суффиксом, который вступает в соотношение с разнообразными префиксами ... и широко участвует в методах комбинированного, суффиксально-префиксального образования имен прилагательных» [4, с. 223]. В сочетании с остальными типами суффиксально-префиксальных прилагательных суффикс *-ость* является непродуктивным.

Среди имен на *-ость* можно выделить группу существительных, для которых характерна множественность мотивации (по А.Н. Тихонову, множественность структуры слова) (249) (*неаккуратность* от *неаккуратный* и *аккуратность*, *неблаговоспитанность* от *неблаговоспитанный* и *благовоспитанность*, *неблагозвучность* от *неблагозвучный* и *благозвучность* и т.д.) По своему морфологическому строению данные существительные разнообразны. Они образуются от немотивированных прилагательных (56) (*невежливость*, *неверность*, *невнятность*, *некрасивость*); от отглагольных и оты-

менных прилагательных на *-н* (81) (*неактуальность, неактивность, непереходность, неправильность*), на *-тельн-* (29) (*необременительность, неблистательность, невзыскательность, непривлекательность*), *-а/тельн-* (*неокончателность*), *-и/тельн-* (*нечувствительность*), на *-лив-* (12) (*неподатливость, недогадливость, несуетливость, небрезгливость*), на *-ичн-* (6) (*негармоничность, негигиеничность, неисторичность, неорганичность, неритмичность, несимметричность*), на *-чив-* (5) (*неразборчивость, неразговорчивость, несговорчивость, недоверчивость, ненаходчивость*), на *-им/-ем-* (5) (*невыполнимость, неделимость, незримость, нетерпимость, неприемлемость*), на *-л-* (3) (*незрелость, несмелость, неумелость*), на *-ивн-* (2) (*неоперативность, непродуктивность*), на *-т/к-* (*нечуткость*), на *-т-* (*неразвитость*), на *-ив-* (*неправдивость*), на *-очн-* (*несбыточность*), на *-енн-* (*несвойственность*), на *-оват-* (*невиноватость*), на *-овн-* (*невиновность*), на *-ов-* (*неласковость*), на *-альн-* (*немузыкальность*); от сложных прилагательных на *-енн-/анн-* (20) (*неблаговоспитанность, неуравновешенность, немногочисленность, недоброкачественность*), на *-н-* (16) (*неблагозвучность, неблагоприятность, недолговечность, неравномерность*), на *-ив-* (*немногоречивость*), на *-тельн-* (*неблагожелательность*), на *-ем-* (*неудобочитаемость*).

Такие существительные находятся в системных отношениях с разными мотивирующими. Они появляются при переkreщивании двух словообразовательных типов (транспозиционного и мутационного), образуя промежуточную зону, что свидетельствует об их синкретическом характере.

Словообразование имен существительных на *-ость* является живым и продуктивным средством обогащения категории отвлеченных слов. Объясняется это тем, что довольно широкий круг основ прилагательных сочетается с суффиксом *-ость*. Разнообразие структурных типов мотивирующих основ обусловило многообразие лексических значений существительных на *-ость* (значение отвлеченного качества, приметы, свойства, состояния, отношения и т.д.). Кроме того, среди существительных на *-ость* выделяется многочисленная группа образований терминологического характера (*теоретичность, продуктивность, универсальность* и т.д.). Исследования показывают, что возникновение в тот или иной период развития русского языка новообразований на *-ость* не является случайным, а обусловлено потребностью называть явления, возникающие в процессе развития общества, производства, культуры и других сторон человеческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ножина Э.М.* К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* в русском литературном языке. АКД. – Саратов, 1962. – 22 с.
2. *Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века.* Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века / Под ред. *В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой.* – М., 1964. – С. 104.
3. *Русский язык и советское общество.* Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. *М.В. Панова.* – М., 1968. – С. 139.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык. – М. – Л., 1947. – С. 223.

S U M M A R Y

The peculiarities of the noun formation with the suffix -ость are analysed in the article. The author also considers the nouns characterized by the polymotivation of the structure.

Поступила в редакцию 27.09.2004

Т.А. Ященко

Концепт 'Цель' в аспекте диалогичности романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

Во многих зарубежных и отечественных лингвистических работах последних десятилетий в качестве основы языковой картины мира и базового понятия когнитивной лингвистики рассматривается культурный концепт (Г.Ф. фон Вригт, А. Вежбицкая, Р. Джакендоффер, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Г.Г. Слышкин, Т.В. Радзиевская, Е.А. Селиванова, В.Н. Манакин, Т.А. Космеда, Л.П. Иванова, Г.Ю. Богданович и др.). В своем исследовании мы опираемся на следующие теоретические основы понимания культурного концепта: 1) Необходимо разграничение терминов 'понятие' (восходящее к латинскому *conceptus*) и 'культурный концепт' (восходящее к латинскому *conceptum* – «зародыш, зернышко», первосмысл) [1–3]; 2) Культурный концепт понимается как языковая реализация ментальной единицы, детерминированной национальной культурой [4]; 3) Язык не является фотографическим отражением национальной специфики концептуального мира. Язык сам является особой разновидностью «биогеохимической энергии» – «энергией человеческой культуры» на ноосферическом уровне, по В.И. Вернадскому [2, с. 27]; 4) Число культурных концептов в настоящее время представляется неисчислимым. Оно значительно превышает ставшие традиционными представления о нескольких фундаментальных для русской культуры концептах (А. Вежбицкая) и о 40–50 основных концептах (Ю.С. Степанов). Более справедливым представляется положение В.А. Масловой, основанное на материалах конкретных исследований, что число концептов превышает несколько сотен [5]; 5) Культурные концепты отличаются динамичностью и подвижностью границ; 6) Изучение индивидуальных авторских концептов значительно расширяет представление о национальной концептосфере языка [6, 7].

К числу фундаментальных культурных концептов относится мегаконцепт 'Цель'. Несомненно, это мировой концепт, вербализированный словом, относящимся к разряду слов с семантикой высшего уровня абстрактности [8], но в то же время он включает в себе специфику ценностной составляющей и особенности образного представления, что позволяет говорить о 'Цели' как концепте русской культуры.

Исследование данного концепта в контексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», являющегося ключевым для русской культуры, позволяет расширить наши знания о 'Цели' в национальном языковом сознании.

Обращение к этому роману объясняется рядом причин. Во-первых, лингвистика рубежа веков, обращенная к синтезу разнообразных знаний о человеке, находит поистине бесценный материал именно в произведениях Ф.М. Достоевского в силу феноменальности его художественного мышления. Во-вторых, концепт 'Цель' в романе – это не только одновременное раскрытие и истоков, и цели преступления. Это слияние 'Цели' с 'Предназначением'. И наконец, драматическая (а точнее – трагедийная) основа его романов [9], их полифония, исследованная М.М. Бахтиным [10], позволяют увидеть не только богатство семантики концепта, но и его своеобразную кристаллизацию. С точки

зрения Б.Н. Любимова, «Преступление и наказание» является самым совершенным типом «сценического повествования» [9, с. 212]. Основа сюжета – разгадывание коренных истоков преступления, и это разгадывание проходит не в действиях, не в выявлении улик, свидетелей и т.д.: событийная последовательность с деталями («петля для топора») известны читателю сразу.

Это «разгадывание» – прежде всего в широко понимаемой диалогичности дискурса. Диалогичность дискурса непосредственно связана с текстово-дискурсивной категорией антропоцентричности. Традиционно в художественном тексте фиксируется наличие трех антропоцентров: автора, читателя и персонажа [11, 12]. В работах Е.А. Селивановой обосновывается более разноплановая и многослойная антропоцентрическая представленность в дискурсе, которая проецируется «в систему диалогических связей автора и его текста, автора и предполагаемого читателя, читателя и текста, конкретного читателя и автора и т.д.» [13]. Именно такое широкое понимание диалогических связей оказалось актуальным для исследования концепта 'Цель' в романе Ф.М. Достоевского.

Можно сказать, что роман насквозь пронизан диалогами, и это не только включенность в непрерывный диалог всех действующих лиц произведения. Это и внутренние монологи героев (прежде всего Раскольникова и Свидригайлова), которые «диалогичны» по своей сути, потому что почти всегда есть воображаемый «другой», к которому они обращены (например, воображаемые споры Раскольникова с Порфирием Петровичем – ч. VI, гл. 1, обращение Свидригайлова к своей покойной жене Марфе Петровне – ч. VI, гл. 6), или проявление рефлексии, когда «Я» раздваивается, например, внутренний монолог Раскольникова в самом начале романа: *Ну зачем я теперь иду? Разве я способен на это? Разве это серьезно? Совсем не серьезно. Так, ради фантазии сам себя тешу; изружки! Да, пожалуй что и изружки!* [14]. Заметим, что в этом же первом монологе появляется и первое представление концепта 'Цель': целевой вопрос *зачем* и причинно-целевая форма *ради фантазии*.

Диалогичность дискурса распространяется также на диалог самого автора с читателем, прежде всего, с реальными и воображаемыми оппонентами-сторонниками революционных социалистических идей. При этом для романа в целом нехарактерно ощутимое присутствие личности автора (исключение составляет «Эпилог»), но есть действующее лицо, которому доверены мысли Достоевского по поводу строительства социалистического будущего. Это Разумихин, в монологах которого звучит страстная полемика с социалистами по поводу «устройства» будущей жизни: *И выходит в результате, что все на одну только кладку кирпичиков да на расположение коридоров и комнат в фаланстере свели! Фаланстера-то готова, да натура-то у нас для фаланстеры еще не готова; жизни хочет, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище!* Именно в диалогах выявляется прежде всего прагматика 'Цели', а также ее ценностная составляющая. Отмечу, что довольно подробно исследованная в современных работах концептуальная метафора «Общество-строение» оказывается соотносенной и с культурным концептом 'Цель'.

Т.В. Радзиевская пишет о том, что наличие выделительной оценки в семантике слова *цель* объясняет включение его в контексты с повышенной экспрессией, в которых представляются различные прагматические смыслы, а именно: категоричность, особые отношения субъекта речи к сообщаемому, средствам выражения. Прагматика обуславливает и особый тип высказываний: дефиниции, сентенции, высокопарные суждения, призывы [15]. В нашем материале эти характеристики приложимы в какой-то степени к речи Порфирия Петровича, отчасти – Свидригайлова, когда они рассуждают о цели преступления Раскольникова. Высказывания же самого главного героя отлича-

ются, разумеется, повышенной экспрессией, но основной прагматический смысл заключается в ином – в обнаружении истинной цели, причем в сущности речь идет о цели жизни, хотя, на первый взгляд, говорится о цели преступления, его мотивации. Вот здесь, по нашему мнению, и проявляются характеристики 'Цели' как концепта русской культуры: 1) глобальный характер; 2) настойчивый поиск истинной цели.

В решающем разговоре с Соней (часть IV, гл. 4) Раскольников, отбрасывая одну версию цели преступления за другой, как бы срывая верхние, видимые слои и добираясь до сокровенного, открывает главную цель: Не для того, чтобы матери помочь, я убил – вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного(...) Мне другое надо было узнать(...) вошь ли я, как все, или человек?(...) Тварь ли я дрожащая, или право имею. Обратим внимание на многократное отрицание «неистинных» целей: Не для того, чтобы и повторение настоящей цели: для себя. Но и это испытание себя – всего лишь первый шаг к глобальной цели: власть над всем человеческим муравейником. Мотив преступления формулируется предельно ясно: Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил. 'Причина' и 'Цель' совершенно органично сливаются в единое целое. К тому же 'Цель' соотносится с испытанием своего 'Предназначения'.

Интересный материал для исследования сценария целевой ситуации и ценностной составляющей концепта 'Цель' представляет диалог студента и офицера, услышанный Раскольниковым в трактире (ч. I, гл. 6).

Анализ диалога об убийстве «для справедливости» заслуживает особого внимания: цель справедливость представляется как в высшей степени гуманная и полезная, невербализованный бенефактор мыслится как человечество [16] – о деконкретизации бенефактора, осмысляемого как высшая цель. Но – обратим внимание! – агент как исполнитель целенаправленного действия отсутствует. Есть только субъект высказываемой мысли: – Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, – с жаром прибавил студент. (...) – Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи мне: убьешь ты сам старуху или нет? – Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут дело. В этом монологе студента, рассуждавшего в унисон мыслям не только Раскольникова («в собственной голове его только что зародились ... такие же точно мысли» – но и многих молодых современников (это были самые обыкновенные и самые частые (...) молодые разговоры и мысли), прослеживается важнейшая ценностная составляющая культурного концепта 'Цель', связанная с прагматикой высказывания. Автор высказывания, совпадающий с агентом, свою цель всегда (или почти всегда) оценивает как полезную, справедливую, достойную. Причем, как представляется, для русского сознания характерно отнесение цели к неопределенному будущему и придавание ей «вселенского» характера.

Такой характер цели непосредственно связывается с представлением не просто о будущем, а о вселенском будущем (см. философию русского космизма – Муравьев В.Н. – [17]).

Проповедующий «справедливость» студент цель ставит очень высокую и абстрактную – «служение всему человечеству и общему делу» (стилистика высказывания вполне соответствует этому настрою), но средство достижения этой цели (по выражению Н.Д. Арутюновой, «ее ближайший концептуальный партнер») предельно конкретно: Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...

Таким образом, обращение к языковой реализации культурного концепта 'Цель' в тексте романа Достоевского позволяет выявить специфику концепта в русском языковом сознании, его пересечение с другими важнейшими концептами, а также расширить представление о прагматике целевых высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.
2. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев, 2004.
3. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М., 1997.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000.
5. Маслова В.А. Homo Lingualis в культуре: Монография. – Витебск, 2004. – С. 153.
6. Космеда Т.А. Концептосфера дневника Т.Г. Шевченко: концепт 'Украина' // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства, 2003, № 8. – С. 122–126.
7. Павленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М., 1983.
8. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.
9. Любимов Б.Н. Роль Достоевского // Действо и действие. – Т. 1. – М., 1997. – С. 141–142.
10. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.
11. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – К., 1993.
12. Данилко М.И. Композиционно-речевые средства создания абсолютной антропоцентричности художественного текста: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Одесса, 1987.
13. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – Киев, 2004. – С. 228.
14. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 10 т. – Т. 5. – М., 1957. – С. 6.
15. Радзиевская Т.В. Семантика слова *цель* // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М., 2003. – С. 401.
16. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. – М., 2003. – С. 394.
17. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Мн., 2004. – С. 11.

S U M M A R Y

The article deals with the peculiar features of the cultural concept «purpose» in the discourse of dialogues in the novel «Crime and Punishment» by F. Dostoevsky.

Поступила в редакцию 23.03.2005

Н.В. Голубович

Мифологизация как ведущий художественный принцип М.А. Булгакова в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите»

Своеобразие образного мышления М.А. Булгакова определяется активным использованием вторичной художественной условности. Несмотря на то, что в современном литературоведении имеется достаточное количество работ, посвященных поэтике булгаковских произведений, вопрос о природе и функционировании «необычайного» в художественной системе писателя нельзя назвать решенным и даже в достаточной мере проясненным, так как исследовательский поиск ограничивается выяснением смыслов условных образов. Типология же булгаковской условности до сих пор остается одним из открытых вопросов булгаковедения.

В разные периоды творчества Булгакова тип условности не оставался неизменным и был обусловлен спецификой создаваемых писателем художественных моделей реальности.

В 1920-е гг. основополагающим творческим принципом Булгакова стала комически разоблачительная типизация, присущая сатирическому типу условности. Сатирическое иносказание создается при помощи реализованной метафоры, аллюзии, буквализованного фразеологизма, гиперболы, символа, сатирического гротеска, фантастики. Конкретные проявления сатирической условности могут совпадать с проявлениями других типов вымысла (рациональной фантастикой, сказочным или философским типом условности), но при наличии некоторых подобий смысловая и художественная дифференциация очевидна.

Проза Булгакова 1930-х гг. уже в первом приближении представляет еще более тесное единство различных типов вымысла. Такая синкретичность обусловлена увеличением смысловой емкости произведений, усложнением и глобализацией мировоззренческой позиции автора. Признавая свободное сочетание и даже взаимопроникновение в рамках одного произведения различных типов вымысла (Е. Ковтун, например, вычленяет в романе «Мастер и Маргарита» четыре самостоятельных типа вымысла: *fantasy*, сатирическую, мифологическую и философскую условность, отдавая *fantasy* ведущую роль [1], мы попробуем вычленить структурообразующий, доминантный тип, а priori делая упор на мифологическую условность – наиболее, как нам кажется, адекватную творческим задачам Булгакова в 1930-е гг.

Объясняя причины устремленности романа XX века к условным формам, И. Бернштейн пишет: «Видимо, эти новые тенденции многообразны и вызваны попытками писателей выйти за пределы только панорамно-эпического способа изображения, так и заострением специфически философской проблематики осмысления положения человека в мире в таких параметрах, кото-

рые требуют и обращения к корням, и максимально масштабного обобщающего размаха» [2]; попытки постижения глубинной сути явлений действительности «заставляли искать философское обобщение или в национальном прошлом, или в фольклоре, в мифологии, или – в перекличке с мировыми литературными образами» [2, с. 276].

Е.М. Мелетинский, определяя пафос мифологизма XX века, писал, что сущность его «не только и не столько в обнажении измелъчания и уродливости современного мира <...>, сколько в выявлении неких неизменных, вечных начал, позитивных или негативных, просвечивающих сквозь поток эмпирического быта и исторических изменений. Мифологизм повлек за собой выход за социально-исторические и пространственно-временные рамки» [3].

Булгаков воспринимает миф как божественное откровение, трансцендентную реальность. Утрата обыденным существованием духовного содержания и смысла побуждает писателя к воссозданию сакральной реальности, противопоставлению священного мирскому. Сакральное бытие оказывается истинной реальностью. Возвращение смысла, преодоление абсурда становятся возможными только через миф.

Мифологизация выступает у писателя как способ философско-поэтической типизации жизни, как образное воплощение ее нравственного начала. Присутствие мифа объясняется еще и характером художественных исканий эпохи, стремлением связать частное с общим, человека с человечеством, конкретный временной отрезок с многовековой протяженностью и перспективой.

Предметом специальных наблюдений и исследовательского поиска мы избрали особенности интерпретации Булгаковым библейской истории в романе «Мастер и Маргарита». Произведение буквально пронизано семантическими, лексическими, эмоциональными аналогиями с текстом Евангелия. Интерес этот не случаен: Михаил Афанасьевич был сыном ученого-теолога, досконально знал содержание Библии, в течение всей жизни интересовался эсхатологическими, теологическими вопросами. Кроме того, исследовательское внимание к данному тексту продиктовано и композиционными особенностями романа.

Событийную канву романа «Мастер и Маргарита» составляют две сюжетные линии: первая является художественным осмыслением библейской легенды о страданиях и мученической смерти Иисуса Христа в далеком 29 году, в день «четырнадцатого числа весеннего месяца нисана» [4], вторая – отправляет читателя в Москву 1929 года. Обе сюжетные линии формально связаны образом повелителя преисподней, демона зла Воланда, свидетеля и, по сути, виновника, хотя и косвенно, смерти Иешуа Га-Ноцри, мирного проповедника из города Гамалы в Ершалаиме, на заре христианской цивилизации. Он же, Воланд, – свидетель и теперь уже прямой виновник всех событий «московских глав». Зло, поселившееся в душах исполняющего обязанности президента Синедриона первосвященника иудейского Иосифа Каифы, других членов высокого собрания, их трусость, вызванная страхом за свое благополучие и спокойствие, которые, по их мнению, могут быть утрачены отнюдь не действиями разбойников и убийц Варравана, Гестаса и Дисмаса, а мирной проповедью Иешуа Га-Ноцри, заставляют их требовать от прокуратора Иудеи Понтия Пилата казни проповедника. Силы Слова они боятся больше, чем грабежей и убийств. Наместник же римского императора в Иудее Понтий Пилат, в руках которого была жизнь «бродячего философа», непоследовательностью и собственным малодушием («Так, померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо нее появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризною губой. Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли

Ершалаима вдали, внизу за садом, и все утонуло вокруг в густейшей зелени капрейских садов. И со слухом совершилось что-то странное – как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...» [4, с. 295] способствовал гибели того, кто ему так понравился при первой встрече и кому он даже пытался помочь, ведя допрос: «– Слушай, Га-Ноцри, – заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, – ты, когда-либо говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?... Или... не... говорил? – Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

– Правду говорить легко и приятно, – заметил арестант.

– Мне не нужно знать, – придушенным, злым голосом отозвался Пилат, – приятно или неприятно тебе говорить правду. Но тебе придется ее говорить. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор» [4, с. 295]. Пилат сначала утверждает смертный приговор, но потом настаивает перед первосвященником Каифой на том, чтобы отпустить приговоренного на свободу «в честь наступающего сегодня великого праздника Пасхи». Как объяснить поведение Понтия Пилата? Был ли он вправе не утверждать смертный приговор? Несомненно. Но трусость, боязнь за свое положение оказались сильнее всемогущего прокуратора. Ведь Каифа недвусмысленно намекнул, что есть власть повыше его власти. В фонтане дворца Ирода умывает Пилат руки, отказываясь от своей миссии в деле спасения Сына Божьего. Но водой не смыть кровь посланного Богом на землю спасителя человечества, и пришло бессмертие: «Чье бессмертие пришло? Этого не понял прокуратор, но мысль об этом загадочном бессмертии заставила его похолодеть на солнцепеке» [4, с. 301]. Грех трусости и предательства отныне будет бросать кровавый отблеск на бессмертие в веках, обретенное Понтием Пилатом в связи с делом бродячего проповедника Иешуа Га-Ноцри, под именем которого выведен библейский Иисус Христос. Римский прокуратор Понтий Пилат обречен будет на вечные муки совести, на самотерзания из-за проявленной им однажды трусости; и не успокоит эту больную отныне совесть даже жестокая месть предателю Иуде из Кириафа, свершенная начальником тайной стражи Афранием по приказу прокуратора: «– Мы теперь будем всегда вместе, – говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом ставший на дороге всадника с золотым копьем.

Раз один – то, значит, тут же и другой! Помянут меня, сейчас же помянут и тебя! Меня – подкидыша, сына неизвестных родителей, и тебя – сына короля-звездочета и дочери мельника, красавицы Пилы» [4, с. 591].

В «московском» сюжете романа читатель окажется свидетелем того, как сбылись, спустя тысячу девятьсот лет после мучительной казни Иешуа Га-Ноцри, заветы бродячего философа, записанные единственным его последователем, чудаковатым Левием Матвеем на пергаменте и прочитанные Пилатом в пасхальную на пятнадцатое число месяца нисана ночь: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...» [4, с. 600].

«Спустя тысячу лет профессору черной магии» Воланду захотелось «повидать москвичей в массе, а удобнее всего это сделать в театре. Ну вот моя свита... и устроила этот сеанс, я же лишь сидел и смотрел на москвичей» [4, с. 476].

Изменяя канонический библейский текст, составляя Евангелие по Булгакову, писатель расставляет акценты, проводит свои аналогии, через которые высвечивается скрытый смысл, подчиняющий себе все лейтмотивы, образы и события в романе.

Исходным импульсом повествования в романе «Мастер и Маргарита» является фантастическая посылка – появление в Москве 1930-х гг. Воланда и его свиты. Творимые ими «чудеса» образуют связующие звенья всех пластов сюжета. Столь же важна роль фантастической посылки в подготовке читательского восприятия: автор с ее помощью разрушает стереотипность мышления, привычную логику, установку на известное, узнаваемое; задает тон повествованию и настраивает читателя на восприятие создаваемой реальности – конструируемой писателем новой модели бытия.

Каковы составляющие этой модели?

Разрушающий привычные представления «другой» мир, предлагаемый автором в качестве новой модели, на самом деле просто забытый, скорее даже утраченный вечносущий феномен. В свете этого феномена Булгаков стремится разгадать смысл происходящего. Причина абсурда, трагикомедии настоящего открывается сквозь призму Времени и Вечности – констант мифологической памяти. Булгаковский хронотоп выступает средством концентрации символического мифосказания. Особенностью романного времени является его историческая определенность, конкретная временная отнесенность, с одной стороны, и одновременное существование пространственно-временной бесконечности, с другой. Сопряжение линейного и циклического времени значимо в установлении смысловых параллелей. Библейский Ершалаим, современная Булгакову писательская Москва и ирреальный, космически многогранный мир в их симбиозе создают беспредельное по времени и протяженности пространство, в котором действуют герои романа. В неразрывной связи выступают прошлое, отдаленное почти двумя тысячелетиями, и современная история. Они связаны неким высшим смыслом, могущественной силой взаимообусловленности и возвратности. История пульсирует, развивается поступательно-возвратно. Локально-конкретная современная Москва представлена на историческом фоне, вписана в общий бытийный контекст, Москва становится частью непрерывного исторического времени, составляющей единой общечеловеческой судьбы.

Ярче всего мифологизм проявляется в том случае, когда происходит соотношение символического образа с определенным библейским событием или героем. При этом миф строго подчинен логике развития художественного символа: с одной стороны, миф создает условия для возникновения символа, требующего отказа от соблюдения принципов совершенного правдоподобия и процветающего на почве создаваемой мифологической условности; с другой стороны, миф открывает возможность для широких, универсальных обобщений.

Чрезвычайно важными становятся условия перехода к символическому мифосказанию. В повествовательной структуре переходом от локальности, конкретности к предельной абстрактности, символической отвлеченности служит сон или же состояние крайнего эмоционального возбуждения, психической нестабильности, мучительного нервного потрясения, когда душевное смятение достигает критического предела. Во сне узнает историю Пилата Иван Бездомный, в возбужденном состоянии, близком к потрясению, читает главы из книги Мастера Маргарита. Создание атмосферы неопределенности, крайней нестабильности, недостоверности необходимо автору для погружения в миф. Сон же как пограничное состояние сознания человека перемещает повествование из сферы жизненной достоверности в иносказательный план символа. Акцент на фантастичности самой ситуации появления дьявола в Москве, заострение демонических деталей в его образе – трость с черным на-

балдашником в виде головы пуделя, разный цвет глаз, способность предугадывать будущее, бриллиантовый треугольник на портсигаре – подчеркивают мистический характер происходящих событий.

Одним из ярких, продуктивных приемов является в романе фольклорная мифологизация. Так, сатана и его свита уже изначально представлены в гротескном заострении, характерном для героев фольклора: сочетание человеческого и звериного, чрезмерная прожорливость, магические способности, наличие определенной атрибутики и др.

Бегемот и Коровьев составляют традиционную для народного представления о смешном контрастную пару: Коровьев – «гражданин ростом в сажень, но в плечах узок, худ неимоверно», «с глумливой физиономией», Бегемот – самодовольный, громадный, «как боров», «здоровеннейший», «жутких размеров кот». Такую же диаметрально противоположную пару представляют «длинный, как жердь, и в пенсне» Коровьев и «маленький, но необыкновенно широкоплечий, в котелке на голове и с торчащим изо рта клыком» Азazelло.

Четко соблюдены в романе условия возникновения и действия фантастических сил. Мифологизируется и облик героев, изображенных первоначально в чисто реалистической манере. Мифологизированные черты приобретают Маргарита, Наташа, Николай Иванович. Столкновение с темными силами изменяет их внешность в соответствии с фольклорными представлениями.

Типические черты потусторонних, мистических персонажей даны укрупненно, с подчеркиванием фантастических деталей: магический крем, щетка-помело, полная луна, пятница, шабаш ведьм, клыки и копыта, черный кот, вампиры, бал у сатаны. Мистика, гротеск, привносимые в реальный мир, сгущают условный фон, становятся той почвой, на которой вырастает новая символическая реальность. Действительность переплетается с фантастикой, пугающее и страшное с необычайным и смешным. Концентрированная атмосфера условности, созданная с помощью гротеска и фантастики, дает возможность непосредственного выхода в художественную систему символа.

Актуализация мифологических принципов отчетливо проявляется в построении образной системы, отмеченной многочисленным параллелизмом мотивов, присутствием персонажей-двойников (Каифа – Берлиоз, Иуда – Могарыч, Иван Бездомный – Левий Матвей и т.п.). Двойственно время (прошлое – настоящее, временное – вечное), двойственна действительность (реальность – сверхреальность), двойственна ситуация. Налицо в романе архетипические формулы мифологического сознания, которые объективируются у Булгакова как вечные проблемы: «преступление и наказание», «грех и возмездие», «отступничество и расплата», «вина и раскаяние» и т.п.

Мифологическая условность углубляет основной конфликт романа (борьбу абсолютизированных добра и зла во Вселенной и в человеческой душе), определяет нравственный стержень проблематики (поступок, предопределяющий судьбу человека и мира).

Может ли зло «совершать благо»? В оценке зла Булгаков близок народному отношению к дьяволу – однозначно отрицательному.

Здесь уместно будет вспомнить Гоголя, взгляды которого были своеобразным маяком для Булгакова: дивятся люди веселью на свадьбе Пидорки да Петруся в «Вечере накануне Ивана Купала», да не верят в счастье: «Начали жить Пидорка да Петрусь, словно пан с панею. Всего вдоволь, все блестит... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье их. «От черта не будет добра, – поговаривали все в один голос. – Откуда, как не от искушителя люда православного, пришло к нему богатство? Где ему было взять такую кучу золота? Отчего вдруг, в самый тот день, когда разбогател он, Басаврюк пропал, как в воду?» [5].

В основе «Сорочинской ярмарки» лежит сказка о черте, выгнанном из пекла, о его поисках красной свитки и несчастье, приносимом бесовским золотом. В народном сознании дьявольское не совместимо с добром.

Цитата из Гете в эпиграфе к «Мастеру и Маргарите», допускающая двусмысленное понимание, полностью опровергается всем ходом повествования. Давая оценку и трактовку эпиграфу, нельзя забывать, что слова эти принадлежат дьяволу и, следовательно, отражают дьявольскую логику и дьявольскую философию жизни. «Я – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо...» Может ли сатана совершать благо с точки зрения народной морали, с позиции библейской нравственности? О каком «дobre» идет речь? О каком «благe»?

Следуя отчасти романтической традиции, в большей степени гётевской трактовке божественного и дьявольского, Булгаков допускает, что сатана, совершая зло, может «разбудить» человека, усилить его стремление к добру, к Богу, тем самым укрепить человеческую волю в противостоянии злу. Но такое допущение не означает двоемыслия. Добро и зло для Булгакова – понятия абсолютные, иначе двусмысленным стал бы мир, и в этом мире Добро перестало бы быть ориентиром. Роман же Булгакова – это роман об Истине и Свете.

Миф имеет структурирующее значение и для художественного целого «Театрального романа», который, как известно, создавался одновременно с «Мастером и Маргаритой». Повествование здесь является реализацией мифа, созданного сознанием и словом героя.

Параллельное написание двух романов объясняется не только причинами объективного характера, событиями личной жизни автора. Булгаков остро осознает необходимость осмыслить, синтезировать свой путь – писательский и человеческий. Опытом такого осмысления и стали два романа, объединенные пониманием неразрывности всечеловеческой истории и личностной судьбы. Духовное содержание мира, некий Высший разум, опосредуется в вещном мире как мифологическое сознание. Средством «раскодирования», по Булгакову, становится Творчество. Творчество, таким образом, – путь к познанию истины о себе и Истины о Мире. Жизнь Максудова, как и жизнь Мастера, представляют своего рода формулу выхода в новое пространство: *существование (биологическое, вне творчества) – Творчество – Духовное Восхождение – Смерть (биологическая) – обретение Истины*. Биологическая смерть необходима как освобождение, – это акт перерождения материи в дух. В «Театральном романе» этот путь Максудова предстает как *«грустный сон» (ностальгия по духовной свободе) – страдание, душевная теснота – рождение «нового» Максудова в процессе творчества («проклятая квартира», «убогое жилище» становится «домом-кораблем») – самоубийство – бессмертие*. Подобная же метаморфоза происходит и с Мастером.

Мифологическая память (для Максудова – творческая, для Мастера – эзотерическая), вновь обретенная в процессе творчества, – средство преодоления в человеческом сознании антиномий «смерть – жизнь», «время – вечность». По существу, речь идет о новом представлении об Эволюции, в основе которой лежит не Интеллект, а Творчество, – иными словами, Духовное содержание личности. Как следствие, пространственно-временная позиция героя в обоих романах определяется взаимодействием трех констант сознания: прошлого, настоящего и трансцендентного (будущее не может входить в этот ряд, так как предопределено свыше, самонадеянные же попытки человека изменить его посредством разума закончились трагической неудачей). Таким образом, символично-мифологическая структура «Театрального романа» и «Мастера и Маргариты» позволяет писателю время и «вне-время» конкретной человеческой жизни вписать в общее движение «над-Времени».

В отличие от романтиков, чья убежденность в непреодолимости разрыва между духовным опытом личности и содержанием общественной жизни приобретает статус категорического императива, Булгаков именно в этом опыте видит единственную возможность прорыва человечества к нравственному абсолюту. И этот спасительный путь прочерчен в «коллективном подсознательном» (Юнг), содержится в мифологической памяти, которая объективируется в образно-символическом мышлении художника, чтобы стать фактом реальной жизни. (Поэтому «рукописи не горят»: духовное не подчиняется законам физики).

Используя архетипы (аксиомы человеческого сознания), Булгаков создает мифологическую модель мира, где «миф превращается в реальность, но и реальность тем самым превращается в миф» [6].

Специфика вторичной условности в «Мастере и Маргарите» и «Театральном романе» позволяет заключить, что структурообразующей, доминантной разновидностью условности стал именно мифологический тип. Мифом определяется течение реального времени, формируются пути и судьбы героев, корректируются ключевые события. Поэтому любое слово, любое действие в романах приобретают сакральное значение, соизмеряются с Вечностью. Обнаруживая в романах проявления мифологической памяти, реализацию архетипов, не следует, однако, забывать, что речь идет о литературном мифе, то есть о такой мифологической модели мира, которая порождена писательской фантазией и, как следствие, отражает, кроме глубинных архетипов человеческого сознания, и своеобразие мирозерцания автора: его личностную тональность, жизненную философию.

Мифологизирование в творчестве Булгакова 1930-х гг. – явление художественное. В нем выражается стремление писателя к универсальной символизации вечных, метафизических начал, к их актуализации в современном сознании, утратившем нравственные ориентиры. При этом выраженная в мифе квинтэссенция человеческого опыта не только не вытесняет у Булгакова историческое восприятие человека и мира, но подчеркивает трагедийность конкретной исторической эпохи, ее апокалипсический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Костун Е.Н.** Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. (На материале европейской литературы первой половины XX века). – М., 1999. – С. 259.
2. **Бернштейн И.** Эпос обновления жизни: Роман в литературе социалистических стран 60-х – 70-х годов. – М., 1982. – С. 275.
3. **Мелетинский Е.М.** Поэтика мифа. – М., 1995. – С. 295–296.
4. **Булгаков М.** Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. – Мн., 1988. – С. 284.
5. **Гоголь Н.В.** Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород. – Мн., 1980. – С. 39.
6. **Гаспаров Б.М.** Из наблюдений над мотивной структурой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава, 1988, № 10–12. – С. 169.

S U M M A R Y

The author of the article defines the types and functions of art conventionality in M. Bulgakov's prose, revealing common principles of creating conventional images and establishing the regularities of these images usage by the writer.

Поступила в редакцию 4.09.2004

В.Ф. Падстаўленка

Жанравая мадыфікацыя апавядання-фельетона ў беларускай сатырычнай прозе 20–30-х гадоў XX ст.

Як паказвае вопыт аналізу сатырычнай прозы першай трэці XX ст., стылёвы сінкрэтызм (непадзельнасць, зліццё разнародных элементаў) можа вызначаць не толькі стылёвую парадыгму асобных твораў, але і з'яўляцца агульнасцю для пэўных жанравых мадыфікацый, што і назіраецца на прыкладзе фельетона.

Фельетон – мастацка-публіцыстычны жанр, якому ўласцівы «крытычны пачатак, надзённасць, канкрэтнасць фактаў і дэталей» [1], камічнасць аповеду. Супрацьпаказана: «псіхалагічная ўскладненасць, забытанасць і хітрамудрасць фабулы, сістэма разгорнутых іншасказанняў і намёкаў» [2].

У 20-я гады XX ст. атрымлівае бурнае развіццё так званы белетрызаваны фельетон («маленькі фельетон», «апавяданне-фельетон»). Вядомы рускі даследчык Л. Яршоў вызначыў наступныя ідэйна-структурныя заканамернасці апавядання-фельетона: «ад негатыўнага факта да з'явы, ад з'явы да праблемы, ад праблемы да тыповага вобраза» [3]. Адбываецца ўстаноўка крэатара на мастацкае абагульненне жыццёвага матэрыялу па імператывах сатырычнай тыпізацыі, і такім чынам здзяйсняецца асацыятыўна-паглыбленае даследаванне канкрэтных фактаў.

У беларускай літаратуры першыя ўзоры белетрызаванага фельетона даюцца пачаткам XX ст. («Лотерея», «Наивный мальчик» Ядвігіна Ш., «После концерта Яна Кубеліка», «Калейдоскоп жизни», «Карлик и человек» і інш. М. Багдановіча).

У першае паслярэвалюцыйнае дзесяцігоддзе творы названай жанравай мадыфікацыі з'яўляюцца ў сатырычнай прозе Я. Коласа, К. Крапівы, К. Чорнага. Слыннымі майстрамі апавядання-фельетона ў рускай літаратуры гэтага часу заслужана лічацца М. Булгакаў, М. Зошчанка, М. Кальцоў і др., ва ўкраінскай сатырычнай плыні самабытны варыянт белетрызаванага фельетона («усмешка-фельетон») быў прадстаўлены А. Вішняй.

«Распльвістасць» жанравых формаў апавядання-фельетона (што адбываецца згодна сведчанняў літаратуразнаўцаў у выніку высокай ступені белетрызацыі факта) абумовіла шматварыянтнасць выяўлення матэрыялу ў ім: маналог, дыялог, лавучальная гісторыя, сцэнка, дзённік, ліст, данос і інш. Названая жанравая мадыфікацыя ў беларускай сатыры 20-х гадоў увасобілася ў такіх формах: а) апавядальная гісторыя (Я. Колас), б) маналог, які тыпалагічна набліжаецца да формы сказа (К. Крапіва), в) сцэнка (К. Чорны).

Апавяданні-фельетоны Я. Коласа «Трыумф» (1925) і «Трагізм» (1926) («фельетоны» па вызначэнні Л. Ксенжапольскай) сталі мастацкім адбіткам асноўных тэндэнцый, звязаных з літаратурным жыццём таго перыяду. Так, напрыклад, першы з названых твораў з'яўляецца «прыяцельскім шаржам» (паводле аўтарскага вызначэння), своеасаблівым адказам пісьменніка на навіязанае яму супрацьстаянне з боку «Маладняка». Вось што ў гэтай сувязі адзначаў сам класік: «Дзяўблі мяне з усіх бакоў маладнякоўцы. <...> Дык я пачаў рабіць у піку ім, хацеў уткнуць шыла ў бок» [4].

Абодва творы Я. Коласа прывячаны вырашэнню канцэптэуальных пытанняў літаратуры: крытэрыі сапраўднага мастацтва, месца мастака ў грамадстве, уплыў розных «калялітаратурных з’яў» на творчасць. Сінтэтычны тып творчага дыскурсу класіка ў чарговы раз прадэманстраваў арганічнае злучэнне рознахарактарных кампанентаў – традыцый народнай смехавай культуры (бурлескна-травесційных элементаў) і прыёмаў гогалеўскага гратэскавага рэалізму.

У адпаведнасці са стылістыкай бурлескна-травесційнага апавяду адбываецца скажэнне «полюснасці» мастацкага свету, таму ў творах камічна зніжаецца «высокае» (мастацтва) і ўзвышаецца «дробнае» (псеўдатворцы і псеўдакрытыкі). У апавяданнях-фельетонах Я. Коласа пераплітаюцца два планы – рэалістычна-бытавы і фантастычны. У гэтым абстрагаванні ад рэальнасці прасочваецца імкненне аўтара сатырычна падкрэсліць парадоксы жыцця. Па дадзенай стылёвай прыкмеце (сімбіёз быту і фантастыкі) творы Коласа тыпалагічна набліжаюцца да прозы М. Булгакава, у творчасці якога фантастычны элемент знайшоў найбольш плённае ўвасабленне пры распрацоўцы тэмы «чартаўшчыны». У адрозненне ад сатыры рускага празаіка фантастыка ў апавяданнях-фельетонах Я. Коласа не выяўляе схільнасці да містыцызму, а прадыхавана ў першую чаргу аўтарскай задумай стварэння адпаведнай прасторы (дэкарацыі) для раскрыцця звышумоўнасці рэальнага свету. Названая акалічнасць і тлумачыць наступныя стылёвыя асаблівасці коласаўскіх твораў: утрыманасць сюжэтных калізій і характараў, пэўная абсурднасць сюжэтных ходоў, спалучэнне «высокага» і «нізкага» стыляў, парадыйнасць апавяду.

Для апісання персанажаў пісьменнік скарыстоўвае прыём гратэскавага партрэта, як вядома, шматварыянтна прадстаўленага ў празаічнай спадчыне М. Гогаля. Сутнасць прыёму ў тым, што аўтарам акцэнтуюцца ўвага на асобнай дэталі ў партрэце, якая ў выніку камічнага «ўзрастання» набывае характаравызначальную функцыю. Напрыклад, у апісанні пратаганіста з «Трыумфа» падкрэсліваюцца «погляд-маланка» і «вочы-зарніца» – дэталі-гіпербалы, заснаваныя на іроікамізме. У апавяданні-фельетоне «Трагізм» пры абмалёўцы галоўнага героя аўтарам параўноўваецца галава персанажа «з таўкачом, каторы меў за сабою тысячагаршковы стаж натоўчанаў куцці» [5]. Такое «ўзбуйненне» камічнай дэталі, разгорнутае параўнанне «жывога з нежывым» заклікана здзейсніць адваротны працэс – камічна знізіць вобраз паэта.

Агульнавядома, што К. Крапіва называў сатырычны фельетон жанрам «тымчасовым», «недаўгавечным». Аднак, апавяданні-фельетоны (апавяданні паводле вызначэння Дз. Бугаёва і С. Лаўшукі) вядомага сатырыка «Ідзі» (1928), «Хвост» (1928), «Вось тут і пішы» (1928), «На алкагольным фронце» (1930) прывабліваюць пазачасовай тэматычнай актуальнасцю, грамадзянскасцю і аналітычнасцю.

Дасканалае даследаванне К. Крапівай з’явы «абывацельшчыны» тэматычна збліжае яго творчасць з камічнай прозай М. Зошчанкі. Пэўная стылёвая агульнасць заўважаецца і ў тым, што пісьменніцкая спадчына абодвух аўтараў багатая на камічныя замалёўкі мяшчанскага асяродку (часам з празмернай бытавой дэталізацыяй). Тлумачыцца гэта прагай крэатараў шматпрыкладна, аргументавана сцвердзіць тэзу аб згубнасці прымітывізму існавання. Фундаментальным камічным прынцыпам у прозе названых аўтараў стаў прынцып антыэстэтызму (прынцып «ад адваротнага») – факусіраванне мастацкага паказу на негатыве і непрыглядных праявах чалавечай натуры. У выніку гэтага выразна акрэсліваецца аўтарская пазіцыя і апасродкавана складваецца шкала сапраўдных маральна-этычных каштоўнасцей.

Стыль апавяданняў-фельетонаў К. Крапівы склаўся ў многім дзякуючы пераходу большасці мастацкіх асаблівасцей уласнай камічнай прозы ў новую жанравую мадыфікацыю. Сярод такіх стылёвых кампанентаў можна назваць

маналагічна-сказавую форму, экспрэсіўнасць аповеду, дэталёвую распрацоўку камічных сітуацый, непрадказальнасць фабульнага развіцця, сінкрэтызм камічна-драматычных пачаткаў, спалучэнне рэтраспектыўнай і прамой (у цяперашнім часе) формаў адлюстравання фактуальнасці, дыдактызм, майстэрства партрэтавання (рэалістычнага і гратэскавага відаў), разнастайнасць камічных моўных сродкаў.

Стылёвай прыкметай названых твораў К. Крапівы з'яўляецца «мазаічны», «бессюжэтны» тып архітэктонікі (Дз. Бугаёў) – пазтапнае раскрыццё рознахарактарнага па формава-змястоўнаму нападуненню інфармацыйнага матэрыялу, аб'яднанага скразным ідэйным стрыжнем. Экспазіцыйныя часткі апавяданняў-фельетонаў беларускага сатырыка змяшчаюць філасофска-іранічныя сентэнцыі, правільнасць якіх сцвярджаецца шэрагам камічных аналітычна-бытавых мізансцэн.

Падтэкставая з'едлівасць, якая згодна са словамі Дз. Бугаёва з'яўляецца канстантай камічнай прозы К. Чорнага, вызначае і стыль белетрызаваных фельетонаў крэатара. У іх пісьменнік-гуманіст шукаў прычыны чалавечай крывадушнасці («Лісіца ў іспалкоме» – 1924), безгаспадарчасці, што мяжуе з разумовай недастатковасцю («Як какорынцы, каб не астацца ў дурнях, школу будуюць» – 1924), схільнасці да амаральных уцех («Самахвалавіцкая ўзаемадапамога і самагонныя трубка» – 1924).

Выкрыццё парадаксальнасці часу праз камічна падкрэсленую, анекдатычную сітуацыю, дамінантамі ў якой становяцца матывы неадпаведнасці і прытворства, характарыстычныя дыялогі і іранічна-саркастычныя аўтарскія заўвагі, тэзіснасць і апора на тыповы выпадак, сюжэтна ўтрыраванасць і навелістычны дынамізм, у выніку стылёвай карэляцыі ўсіх названых кампанентаў утварае адметны каларыт апавяданняў-фельетонаў К. Чорнага.

Кантрастнасць як аснова камізму ў сканцэнтраваным выглядзе праяўляецца ў жанравай мадыфікацыі апавядання-фельетона. Найперш гэта асаблівасць прыкметна ў паралелі «грамадская значнасць праблематыкі – маральна-фізічная нікчэмнасць аб'ектаў сатырычнай крытыкі». Сама «шэрасць» і «звычайнасць» сатырычных вобразаў (гора-пазтаў, псеўдакрытыкаў і псеўдавучонах, п'яніц, двурушнікаў, лайдакоў) выступіла дэтэрмінантай «незвычайнага» паказу іх у мастацкай прасторы, гратэсканасці, фантастычнасці іх апісання, бо толькі ў гэтым выпадку непрыметнае становіцца відавочным, спрыяючы тым самым выпраўленню нораваў.

ЛІТАРАТУРА

1. *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі*: У 5 т. – Т. 5. – Мн., 1987. – С. 396.
2. *Ершов Л.Ф.* Советская сатирическая проза 20-х годов. – М.–Л., 1960. – С. 188.
3. *Ершов Л.Ф.* Сатирические жанры русской советской литературы (от эпиграммы до романа). – Л., 1977. – С. 87.
4. *Лужанін М.* Колас расказвае пра сябе. – Мн., 1964. – С. 161.
5. *Колас Я.* Збор твораў: У 14 т. – Т. 5. Апавяданні 1918–1956 гг. і «Казкі жыцця». – Мн., 1973. – С. 179.

S U M M A R Y

The author considers the stylistic peculiarities of genre modification of the story-feuilleton in Belarusian satirical prose of the 20–30s of the 20th century.

Поступила в редакцию 19.06.2003

Т.В. Котович

Соотношение моделей пространственно-временного континуума театра в срезе исторических форм культуры

Искусство способно быть интегратором в исследованиях человека. И именно театральное искусство наиболее целостно, комплексно и органично выявляет сам способ конструирования человеком реальности. Конечно, художественная картина мира не адекватна всей культурной форме того или иного исторического этапа, но мы вправе соотносить их, т.к. они наиболее интенсивно отображают свою эпоху.

Поэтому проблема художественного пространства-времени в соотношении с метрикой определенной культурной метаформы является одной из наиболее актуальных для эстетики и искусства. Культурно-историческая парадигма искусства определенной эпохи подобна парадигме, например, науки как «воплощение доминирующих пространственных образцов мира, основанных на принципах и методах познания, отличающих каждую эпоху культуры» [1].

Такое произведение искусства, как спектакль, является структурой совсем эфемерной, оставляющей по себе в истории едва различимый след. Поэтому для того, чтобы восстановить метрику различных театральных структур, необходимо обратиться к общей картине мира эпохи. Несомненно, такая операция относительна, однако, как подчеркивает, например, Ю. Лотман, тип картины мира, тип сюжета и тип персонажа взаимообусловлены в общем семантическом поле, или, например, М. Бахтин отмечает большую приближенность художественного хронотопа к бытийному. *«Гелио-центризм – гео-центризм – гомо-центризм взгляда на мир и культуру соответствуют событию – для древнего, разработке – для классического и интерпретации – для модернистского текстов. Характер и действие хронотопа на этих трех этапах словесной культуры определяются последовательно как естественно-синкретические, собственно художественно-эстетические и опосредованно-реляционные»* [2].

Понятие картины мира было сформулировано в физике Г. Герцем в конце XIX века [3]; а к концу XX века уже обосновано несколько различных научных моделей на основе различных теорий: механическая, электродинамическая и квантово-полевая физические картины мира. В последней вообще рассматриваются не действительно наблюдаемые процессы, а объективно обусловленные возможности, что является сближением с виртуально-игровой моделью в художественной картине мира, что оказывается наиболее важным для нас, т.к. это наиболее приближено к окказиональной структурности сценического произведения.

Театральное искусство представляет собой особый, сферический диалог с общей парадигмой своей эпохи. Внутри этого сферического диалога выделим одну из систем координат – диалогическое движение, этапы осуществления спектакля в разные периоды истории.

Античный театр раскрыт, распахнут в социальное пространство и

является его частью. Хор в спектакле представляет зрителя, его совокупное общественное мнение по поводу происходящего на сцене. Пространство и время измеряются параметрами реального человека.

В античном греческом театре на первоначальном его этапе главный философский смысл несет в себе хор, актер едва выделен из него; основное действие строится на сложных ритмах стиха; а пение и танец представляют собой единое целое. Пространство-время монолитно и монументально. В мифологической картине мира, внутри которой живут греки, время есть пребывание в покое или вращение в круге. Аристотель полагал, что античная трагедия вскрывает сущность вещей. Эйдос – внутренняя форма – формирует живую космос из хаоса, вычленяет и определяет сущность как вечный круговорот вещества, то возникающий в гармонии, мере, ритме, то дышащий гибелью и стремящийся вновь к хаосу. Монолитное и монументальное пространство-время обобщает мироздание, как обобщает и человеческие типы в виде маски. Маска не просто укрупняет и делает выразительным образ (в отличие от маски карнавала, функция которой скрыть лицо), – она является концепцией художественной формы античного театра, собирая и фокусируя античный космос в монолит. Зритель античного амфитеатра воспринимал человека на орхестре как своеобразную совокупность пластических, музыкальных и вещественных свойств маски, как человека-маску. Там все сводилось к маске, все было ее характеристиками. Трактовка тела и в древнегреческой скульптуре свидетельствовала о моменте полноты бытия, заключенного в самом себе и не развивающегося.

Открытый античный театр, вмещающий всех граждан полиса (театр Диониса вмещал до 17 тысяч зрителей, театр в Эпидавре – до 10 тысяч человек) – пространство, замкнутое в целостность: чаша амфитеатра концентрирует энергию, организует сообщество в закономерность бытия. «Древняя мифологическая (и одновременно – архетипическая) семантика круга орхестры означала образ солнца, образ мироздания» [4]. Круг – одна из основных фигур греческой античности – с его эффектом стройности и строгости воплощает эту идею законченности, завершенности, целостности мироздания с упорядоченностью каждого его фрагмента. Таящий в себе все ракурсы человеческого тела в их музыкальном чередовании, круг обеспечивает стихотворную мизансцену. Поэтому концепция пространства орхестры (площадки для танца) – окружность, каждая точка которой равно удалена от центра.

Вплоть до позднего средневековья в европейском мышлении будет господствовать левополушарная доминанта в сознании [5], которая связывает абстрактные понятия, левое полушарие «не интересуется» конкретности восприятия, оно отвечает за механизм, позволяющий выйти за рамки пространства-времени [5, с. 79]. Поэтому мы вправе соотносить геометрические символы античности в искусстве и науке на уровне целостности, нерасчлененности и неструктурированности мироздания, а не просто как комплекс наивной прелести представлений.

Литургическая драма и мистерия *средневековья* разыгрываются на открытой и вместе с тем выделенной «сценической» площадке: под сводами храма или на паперти перед ним, а также на городской площади, театральное действо в этот период включено в христианский ритуал как составной, но вполне самостоятельный элемент церковного праздника. Этот огромный космос (в мистериях участвовали сотни человек) близок трагическому карнавалу, однако в нем ощутимы ритмические членения, вставки-интермедии с ярмарочными персонажами (фрагментарность пространства); а также визуальная simultaneity (одномоментность разных эпизодов зрелища), которая отражает сложное представление о строении пространства и времени и неоднозначности нахождения в пространстве самого наблюдателя.

Мир в мистериях делится по вертикали на небо и землю, и происходящее действие «двухъярусно»: как отмечает М. Бахтин, «влияние средневековой потусторонней вертикали здесь исключительно сильное. Весь пространственно-временной мир подвергается здесь символическому осмыслению. Время здесь в самом действии произведения, можно сказать, вовсе выключено <...> смысл же самого видимого вневременен» [6].

По замечанию М. Полякова, средневековая драма (миракли, моралите) и русская школьная драма отличались эпическим элементом и «безразличным отношением ко времени и месту, что было непосредственно связано с трехэтажностью сцены (небо, земля, ад)» [7]. Если античная душа соотнесена с космосом, христианский человек – это внутренний человек, обращенный к Творцу. Время выступает как протяженность души, Августин рассматривает иное движение, чем Платон и Аристотель, – не движение небосвода, а звучание голоса. Как подчеркивает А. Гуревич, в средневековом мире обнаруживаются некие силовые линии, попадая в сферу которых человек высвобождается из-под закономерностей реального, физического пространства и времени, и многое из воспринимаемого чувствами и сознанием вообще не локализовано в реальном, а только в духовном пространстве [8]. Из структурных элементов мистерий – интермедий, «начинок» – рождается площадной фарс, в котором наиболее существенными выступают социальные связи человека, его роль в социуме – с вывернутой, изнаночной стороны, в карнавальном режиме, – фарс, который дает начало театру Ренессанса.

Устроителями театральных представлений в эпоху **Ренессанса** были живописцы, скульпторы, архитекторы. Во фресках есть нечто от сценической зрелищности. В размещении портретов во фресках была своя система: портретные фигуры группировались по краям изображенной сцены, словно в боковых кулисах. Некоторые из них оказывались на сцене среди священных персонажей. Местом действия было открытое пространство, замыкаемое в глубине пейзажными мотивами или изображением городской площади, улицы с фасадами зданий, либо это был интерьер храма. Симметричный принцип построения применен впервые во фреске Мазаччо в 1422 году. Композиционные приемы Мазаччо через 30 лет нашли свое продолжение в четком пространственно-сценическом построении во фресках Филиппо Липпи в росписи хора собора в Прато в 1465 году. На фресках Доменико Гирландайо портретные фигуры первого плана – уже не простые зрители, а активные действующие лица. Со времен Джотто и Каваллини передача пространственной глубины становится важнейшей художественной задачей в живописи. В театре пространство реально. В живописи двухмерность снимается иллюзией. В театре и в живописи возникает принцип «симультанного» показа.

В эпоху Ренессанса осознается взаимосвязь между геометрией и механикой, что привело к представлениям о движущемся геометрическом объекте в пространстве с течением времени.

Под театральным пространством понимали церкви, сады частных дворцов, внутренние дворы, – все это предшествовало театральному помещению. В XV веке действие происходило еще в церкви, в центральном нефе. Однако со времени совершенствования театральной техники зрелище уже строится по законам перспективы. Если в средние века произведение распадалось на отдельные эпизоды, то теперь, благодаря движущимся механизмам, мизансцены сделались органически связанными, и зрители были вовлечены в происходящее. Неотъемлемой частью сценического пространства в живописи и в театре становится декорация. Перспективно построенное пространство кватрочентистской фрески переходит в новый театр, превратившись в реальную сценическую площадку с живыми актерами и архитектурно-перспективной декорацией, ил-

люзорно уходящей в глубину, тогда в монументальной живописи Высокого Возрождения групповые портреты зрителей исчезают со стен. Живопись с этого момента часто ориентировалась на театральные коды в трактовке пространства, поз и мимики, а театр, со своей стороны, заимствовал ряд иконографических мотивов.

В XVII веке внутренний двор используется как зрительный зал, это то первичное архитектурное решение, которое станет прообразом новой формы театрального помещения. Со второй половины XVII столетия театры начинают строиться уже как специальные здания. Новое время обозначило открытие ценности земного пространства-времени. В театре произошла метаморфоза: чтобы стать трехмерным, пространство должно было уйти в «плоскость» коробки-сцены.

Изменение левополушарной доминанты на правополушарную привело к глобальной смене в восприятии пространства и времени: «механизмы правого полушария позволили человеку находится в постоянной коррелирующей связи с реальным пространственно-временным физико-химическим континуумом» [5, с. 79]. И возрожденческий театр не просто использует живописные декорации Леонардо, Мантеньи, Рафаэля, а производит пространственные смещения в искусстве: живописное полотно, уподобленное сцене, и сцена, уподобленная живописному полотну, – своего рода двойная зеркальность. Позиция наблюдателя фиксируется фронтально по отношению к сцене, а сценическое пространство приравнивается к трехмерному окружающему пространству с адекватными масштабами. Этим вызвана школа *commedia dell'arte* с удивительной актерской техникой. К концу XVI столетия театр обретает закрытое помещение, в нем исчезает амфитеатр. Сценическая площадка выделена, отъединена от зрительного зала и независима.

На рубеже XVI–XVII веков театр В. Шекспира выявляет иной тип сценической личности: актер без маски делается не просто личностью, но уже индивидуальностью. Шекспировское художественное время дробится в эпизодах и фрагментах, представляя собой смонтированные куски реальности. Трехмерность шекспировского театра сужается, он окончательно сферизуется, все более подчеркивается обособленность театрального мира от внешнего. Возникает замкнутый, закрытый театр Европы. В сцене-коробке восприятие масштабности актера зависит от сценического пространства, сформированного аркой портала и параметрами декорации. Физические характеристики сценической площадки определяют театральные свойства произведения.

В эстетике *барокко и рококо* театр использует великолепные сценические эффекты, доводя до изощренности машинерию и пиротехнику, синтезируя разные виды искусства в бурном экстатическом порыве, – так влияло на развитие художественной формы вошедшее в нее выразительным элементом движение. В этот период ложная перспектива и иллюзорность становятся важнейшими приемами в искусстве. В театре наблюдается определенная трансформация: он как бы вновь возвращается в карнавал, делаясь элементом паратеатральной культуры этого времени, частью театрализованных иезуитских шествий или магнатских увеселений, и тем не менее это возвращение иллюзорно, так как бытийная вертикаль мистерий осталась в прошлом, а пространственно-временная структура, используя выразительные средства средневековья, остается определенно ренессансной.

В *классицизме* появляется замкнутость времени как характерная черта замкнутого со всех сторон пространства. Пространственно-временная концепция еще более усугубляется в виде триединства места, действия и времени, что придает спектаклю жесткий, целостный и монолитный образ. Время из античного, из безграничного мистериального превращается в некую определенную данность, оно сгущается и округляется, – из времени бытия оно ста-

новится временем события. На первое место в актерской игре выдвигается пластика и декламация. Это своего рода стилизация в ренессансном пространстве: классицисты призывали подражать природе, но подчеркивали, что выражение чувств должно иметь изысканную форму. Здесь наблюдается развитие линии обобщения и знаковости в театре: в графических переходах по сцене, фигурных складках костюмов, патетике и внешней выразительности актера видится трансформация театральной маски.

Идея абсолютного пространства, всегда одинакового и неподвижного, ньютоновская идея об абсолютном математическом времени, характеризующемся равномерностью, является базовой для художественного хронотопа классицистского сценического мышления.

Индивидуализация человека на сцене, отрицание условности в театре становится последовательным направлением в искусстве. Окончательное установление сцены в виде коробки, освобождение ее от зрителей и введение рампы помогают оформить спектакль как независимое от зала зрелище со своей самостоятельной структурой. Рампа заменяет маску в качестве пространственной, структурной границы. И тогда можно не просто убрать условность из спектакля и сделать его близким к натуралистическому, но и сосредоточиться на человеческой душе, ее страстях, ее самоценном космосе. Здесь очевидно стремление театра к «нулю формы» в виде зеркального (в полном смысле слова) отражения жизни в трехмерном пространстве и линейном времени.

К. Станиславский в поисках внутреннего, интровертного пространства-времени доводит спектакль до жизненной адекватности. Актер из эстетической категории переводится в человеко-роль. А художественная форма при этом растекается, так как исполнитель оказывается в ситуации, близкой по самочувствию к карнавалному в том смысле, что он переходит границу инобытия, оказываясь в другом, внутреннем пространстве-времени. Такое запрограммированное восприятие позволило создать в спектакле «атмосферу», что связано с энергетическими и психологическими состояниями человека.

Художественное же пространство сценических произведений **Мейерхольда** воспринималось современниками как головоломка, так как саму структуру пространства он сделал выразительным средством спектакля в поисках закономерностей существования этой структуры. На протяжении всего творчества ритм, темп, метр, акцент и их преобразования становятся главным методом и рычагом мейерхольдовского театрального эксперимента. Методики Мейерхольда, опробованные им в первой трети столетия, стали источником для развития художественной формы театра XX в. Его искусство выявило концепцию художественной формы как самоценного и самостоятельного элемента спектакля. Мейерхольд выделил ее в чистом виде.

Пространство-время театра Станиславского и пространство-время театра Мейерхольда являются крайними позициями создания сценического произведения как целостности.

Театральная система Бертольда Брехта стала одним из путей дальнейшего продвижения по исследованию художественной структуры сценического произведения. Брехт раскалывает внутреннее единство спектакля; на основе «эффекта очуждения» в произведении возникает структура, образованная из двух разных пространств: в контрапункте сходятся два вида театра – театр жизненности и театр условности. Но подобное произведение уже требует и зрительского со-бытия, т.к. брехтовский спектакль как система находится на грани размыкания своих художественных границ.

Постмодернистский театр второй половины XX века возникает как логическое продолжение вертикального вектора диалога. Произведение как расчленение на разные уровни и ряды собирается не горизонтально в последова-

тельности эпизодов, а вертикально, внутри структуры, где элементы вступают в новый вид взаимодействия. Если от зрителя требуется синтезирование художественного результата произведения, то для авторов главным становится не итог произведения, не его эстетический результат, а процесс художественного мышления, моменты становления структуры как показатель особенностей структуры произведения.

На этом рубеже и рождаются хэппенинг и перформанс. Сама среда обитания становится выразительным средством театра. Театр прорывает здесь свою замкнутую самостоятельную структуру, превращаясь в своеобразный элемент окружающей его жизни, но при этом он сохраняет себя в ней как элемент Бытия, ибо не растворяется в трехмерности, а акцентирует в ней духовность надреальности благодаря метаязыку.

В 1970-е годы термин «постмодернизм» первыми стали использовать Л. Стейнберг и Ч. Дженкс (США) как сознательный отказ от воспроизводства реальности как таковой в пользу экспериментов в области готовых образов реальности в рамках единого пространства. Если раньше в модернизме культивировался разрыв со средой, противостояние ей, то в постмодернизме возник диалог со всеми слоями общества благодаря игре аллюзий и стилистических ироний.

В постмодернистский период время в искусстве приобретает новые качества, оно статично, энергетично, субстанционально как сущностная основа пространства произведения. Игра в перформансе или хэппенинге представляет собой акцентированный в обыденности фрагмент бытия, человек останавливает линейный поток времени и вырывает из него осколок пространства. Мы вправе рассматривать постмодернистский театр как современный «карнавал», Игру с Бытием, аналитическую игру, через которую на психологическом и физиологическом уровне осмысливается картина мира и человек в ней.

Искусство – своеобразный исход из мира, но не в утопию, а вовнутрь, в глубину, в чистое отсутствие, что соотносимо с Белым супрематизмом К. Малевича, идеей, представленной в первой трети XX века. Здесь, в этом мареве форм, в этом хаосе и пустоте все становится зыбким и текучим. Становится возможным все: кости растягиваются до любой длины, во всякой мысли столько жизни, сколько душе угодно, и человек, ставший всем, способен также на все. Мы можем рассмотреть «пограничные» эксперименты в художественном творчестве у Арто, Эйзенштейна, Велимира Хлебникова, которые в своем творчестве дали разнообразные образцы построения театральных систем на границе искусства и реальности.

В своем развитии, в становлении сознания человек проходит стадии самоосуществления через внешнее (объективно данное и неизвестное им), но и через внутреннее пространство (через переживание некоего объективного пространства) и оказывается наиболее интересным именно в своем становлении, т.к. отражает в себе равно и космос и хаос. Театральное искусство сущностно выявляет это длящееся становление. Прекрасную метафору позиции человека в мире дает С. Эйзенштейн, обращаясь к греческой мифологии: синтез начала дионисийского и аполлонического в Орфее (в артисте). Равноправный, самоценный и сущностный элемент структуры мира, он занят в нем отнюдь не праздным занятием – познанием мира. Это – с одной стороны, а с другой – при сложнейшей мозаичности мира, человек как образ и подобие бытия абсолютного не может рассыпаться.

На протяжении всего XX века в связи с постоянно появляющимися новыми техническими возможностями и снятием ограничений на материал в искусстве художники занимаются решением проблемы: где границы искусства? Возникшие в рамках этой проблемы перформанс и хэппенинг представляют собой самостоятельный вид искусства на грани: произведения искусства и ритуала;

изобразительного искусства и театра; искусства и реальности. Пространство постмодернистского сценического произведения не имеет четких границ. Оно обнаруживает себя в виде сгустка Бытия, независимого ни от сюжета, ни от смысла, ни от качества актерской игры, ни от позиции наблюдателя (который имеет возможность трактовать смысл и значение произведения по собственной воле). Сам спектакль представляет собой чистое Становление.

Очевидно, что целостность структуры постмодернистского спектакля существует только во Времени. В отрицании метафоры и образа, ритмической основы визуальных элементов спектакля происходит отторжение внутренней связи композиции: она делается подобием мозаики, поэтому значение Времени возрастает: оно соединяет в сознании зрителя-наблюдателя проекции жестов, звуков, музыки, света и композиционных частей. Время в таком произведении существует как монтажное время.

Возникает новая форма лабораторных театральных исследований – паратеатр, существующий на грани искусства и жизни: выход за театр, преодоление его границ и путь к активной культуре, где происходит поиск и проверка различных форм экспрессии человека в действии; поиск и практическая проверка таких форм контакта, которые позволяют находить и утверждать смысл и ценность жизни посредством живой межчеловеческой связи. Разъятость мира, его механизацию и замещение гуманитарных понятий механистическими осознавали в 1910–1920-е гг. многие мыслители и творческие люди, а визуально выразили в искусстве кубисты и футуристы. Это получило свое сценическое воплощение в опере «Победа над Солнцем» (1913), где фигуры статистов кромсались..., лишались... и т.д. Театр оказался перед проблемой невозможности раскрытия любого смысла рациональным путем и стал строить пространство спектакля по принципу квантовости. Зритель в таком театре стал решающей фигурой: ему самому предстояло сделать вывод об увиденном. Сколочность пространства-времени, открытая и заявленная Вс. Мейерхольдом, опробованная в экспериментах Б. Брехта, становится к концу столетия наиболее адекватной в построении картины мира и сценического произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бергер Л.** Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля // Вопросы философии, 1994, № 4. – С. 114–128.
2. **Устин А.** Хронотоп в культуре и культура хронотопа // М.М. Бахтин и гуманитарное мышление на пороге XXI века: Тезисы III Саранских международных Бахтинских чтений. – Саранск, 1995. – С. 155–156.
3. **Мостепаненко М.** Физическая картина мира: понятие, проблемы, перспективы развития // Философские науки, 1985, № 3. – С. 75–80.
4. **Березкин В.** Сценография античного театра // Декоративное искусство, 1985, № 8. – С. 28–31.
5. **Абасов А.** Пространство и время, пространственно-временная организация // Вопросы философии, 1985, № 11. – С. 71–81.
6. **Бахтин М.** Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407.
7. **Поляков М.** О театре: Поэтика. Семиотика. Теория драмы. – М., 2001. – С. 118.
8. **Гуревич А.** Категории средневековой культуры. – М., 1984. – С. 97.

S U M M A R Y

The theme of this article is a correlation between a space-temporal continuum of a theatrical show and of a whole cultural epoch.

Поступила в редакцию 20.10.2004

А.В. Курашевич

Проблемы исполнительства в концертмейстерском классе

Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы выдвигают новые, повышенные требования к профессиональной подготовке педагогических кадров. Концертмейстерский класс в цикле музыкально-исполнительских дисциплин на педагогическом факультете занимает важное место. Хорошее владение музыкальным инструментом, уверенное чтение с листа и транспонирование, умение играть по слуху и петь под собственный аккомпанемент, развитое чувство ансамбля – эти профессиональные качества и умения лежат в основе исполнительской деятельности учителя-музыканта, часто осуществляемой в форме концертмейстерской работы на уроках музыки и внеклассных музыкальных занятиях. Специфика концертмейстерской деятельности учителя музыки заключается в необходимости сочетать аккомпанирование с наблюдением за классом, исполнение партии сопровождения – с элементами дирижирования и пением отдельных голосов хоровой партитуры, чтение с листа и транспонирование – с творческим преобразованием фактуры аккомпанемента и т.д.

Гуманистическая модель современной системы образования предполагает непрерывность общекультурного, профессионального, социально-нравственного становления личности, интеграцию опыта и мотивационно-ценностной позиции, потребность в саморазвитии, самовыражении, самореализации. В этой связи возникает необходимость поиска новых концептуальных подходов в разработке технологий обучения, где обеспечивался бы приоритет личностно-субъективного фактора в профессиональной подготовке будущих специалистов в области музыкального образования [1]. В данной статье излагаются и анализируются самые важные аспекты очерченной выше проблемы.

Основная функция личностно-субъективного опыта состоит в создании собственного интерпретационного комплекса как системы эмоционально-ценностных установок, стереотипов, добытых личностью путем субъективных обобщений в процессе обучения [2]. Создание подобного комплекса можно осуществить в процессе интерпретационной деятельности студентов в исполнительских классах.

Одним из средств развития исполнительских возможностей является приобретение собственного музыкального опыта на основе постижения интонационно-образного строя музыкального произведения в музыкально-историческом, композиторском, жанрово-стилистическом, личностном контекстах. Процесс постижения включает в себя исследование общих, типичных, индивидуально-неповторимых черт, умение «прочитать» замысел автора через «знакомство с ним», желание постичь связь традиций, времен, эпох.

Чтобы интерпретация произведения стала личностно значимым явлением для исполнителя, необходимо перевести художественный замысел композитора на язык своих личностных смыслов, актуализируя и преобразуя индивидуальный опыт. Проблема соотношения авторского замысла и «своего» толкования является одной из значительных проблем интерпретации музыкального произведения [3]. Необходимость формирования у будущих преподавателей концептуального уровня постижения музыки и является побудительным

мотивом к развернутой концертно-исполнительской практике студентов педагогического вуза. Исполнительская деятельность студентов знаменует важный этап в становлении и развитии будущего преподавателя: вырастает значение объективно-познавательных элементов, усиливается интеллектуальное начало. Личная интерпретация музыкального произведения, воплощенная в концертных формах исполнения, ставит перед исполнителем объективные задачи: раскрытие, истолкование и передачу образного строя и замысла его автора, что ведет к развитию способностей студента, а также широким творческим обобщениям чувств и мыслей.

Процесс формирования концертмейстерских навыков включает в себя:

- аккомпанирование солисту, хору, ансамблю;
- чтение нот с листа и транспонирование;
- подбор по слуху мелодий и аккомпанементов;
- пение под собственный аккомпанемент;
- управление пением учащихся при аккомпанировании;
- развитие музыкально-творческих способностей, музыкального мышления, восприятия, воображения;
- изучение школьно-песенного репертуара, вокальной, хоровой, инструментальной, оперной и симфонической музыки;
- готовность к осуществлению воспитательной работы средствами музыки.

В условиях реформирования современного образования, поиска критериев совершенствования профессиональной подготовки специалистов разного профиля становится все более очевидной необходимость расширения в учебно-воспитательном процессе высшей школы музыкально-исполнительского творчества студентов. В этой связи исполнительская практика должна быть сориентирована на изучение перспективных направлений, каждое из которых требует не только формирования специальных знаний и умений, но и стимулирования индивидуальных проявлений творческого самовыражения личности. Претворение этой задачи в значительной мере основано на проверенных практикой технологиях обучения и развития исполнительских навыков, на эффективных приемах музыкально-эстетического воспитания. В качестве условий эффективного приобщения студента к концертно-исполнительской деятельности можно определить:

- РЕАЛИЗАЦИЮ методов обучения, направленных на воспитание психологических качеств студента (потребность в эмоциональном самовыражении, готовность к коммуникации средствами искусства, мотивированность творческих проявлений);
- ИСПОЛЬЗОВАНИЕ в учебном процессе дидактических положений, которые предусматривают последовательное овладение определенным видом действий: от начальной ознакомительной стадии к освоению, а затем – и к высшей форме их проявления – к творческой форме соответствующего характера (исполнительское творчество);
- ДОСТИЖЕНИЕ в процессе всестороннего развития исполнительских навыков студента, активизации общехудожественной творческой фантазии и специфики музыкального воображения.

Музыкально-эстетическое образование в процессе формирования эмоционально-ценностных ориентиров, стереотипов, художественных приоритетов, жизненных ценностей учащейся молодежи играет определяющую роль. Обширные знания об искусстве и даже частое слушание музыкальных произведений не заменят тех ценных результатов, какие приносят активные занятия музыкой, не могут возместить те чувства удовлетворения и радости, какие доставляют пение или игра на инструменте. Концертно-исполнительская деятельность как одна из составляющих в системе концептуального подхода к проблеме самовы-

ражения, самореализации творческой личности является ведущим средством развития исполнительских возможностей студентов. Как бы ни назывался этот вид деятельности, именно он является особенностью музыкально-эстетического воспитания, которая призвана определить, станет ли такое воспитание жизне-способной, плодотворной и неотъемлемой частью образования человека [3].

«Всякое исполнение... состоит из трех основных элементов: исполняемого (музыки), исполнителя и инструмента, посредством которого воплощается исполнение» [4]. Исполнительская деятельность студентов в концертмейстерском классе предполагает использование следующих видов исполнительства: аккомпанирование солисту (солистам), аккомпанирование собственному пению, игра в ансамбле (фортепианный дуэт, различные камерные составы), аккомпанирование хору (вокальной группе, дуэту и т.д.). На занятиях концертмейстерского класса отчетливо проявляется комплексность исполнительской подготовки учителя музыки, которая обуславливает тесную взаимосвязь знаний, умений и навыков, приобретаемых на других музыкально-исполнительских и музыкально-теоретических дисциплинах. Установление межпредметных связей способствует эффективности концертмейстерской подготовки студентов музыкально-педагогических факультетов, поскольку: а) развитие творческих навыков, воплощение музыкально-слуховых представлений невозможно без прочной опоры на знания в области гармонии и теории музыки, без усвоения таких понятий, как жанр, форма, стиль, музыкальный образ, исполнительская трактовка и т.д.; б) лишь при координации учебной работы между преподавателями исполнительских дисциплин можно добиться эффективных результатов в изучении школьно-песенного репертуара, которое основывается на совмещении различных музыкально-исполнительских действий: игра на музыкальном инструменте, пение и элементы дирижирования; в) использование для аккомпанирования в концертмейстерском классе программ, выученных студентами на занятиях по постановке голоса, в хоровом классе, на аранжировке, позволит решить проблему иллюстрирования музыкального материала.

Существуют различные формы исполнительской практики в концертмейстерской деятельности:

– *педагогическая практика* в школе (аккомпанирование однокурсникам, хоровому пению учащихся, коллективам школьной самодеятельности, солистам на утренниках, сборах, внеклассных мероприятиях и т.д.);

– *аккомпанирование* студентам в классах постановки голоса, народных инструментов, хоровом классе;

– *участие в качестве концертмейстера* в шефских, праздничных, тематических концертах, концертах-лекциях;

– *участие в конкурсах* на лучшее исполнение школьных песен;

– *выступление* в открытых академических концертах кафедры, концертах класса и т.д.

Данные формы исполнительства в концертмейстерском классе приемлемы для всех студентов, независимо от того, каким основным инструментом они владеют. ПИАНИСТЫ и СКРИПАЧИ осваивают концертмейстерские навыки на фортепиано, БАЯНИСТЫ и АККОРДЕОНИСТЫ – на баяне и аккордеоне. Процесс формирования, освоения и развития концертмейстерских навыков носит творческий характер, поскольку включает студентов в поиск различных вариантов исполнительского решения, способствует развитию их музыкально-исполнительских способностей. Умение подобрать интересный и грамотный аккомпанемент к современной песне, симпровизировать инструментальное вступление для настройки учащихся к пению в удобной тональности, нужном темпе и характере занимает важное место в исполнительском и педагогическом багаже учителя музыки в современной школе. Поиск и отбор вырази-

тельных элементов музыкального языка, ритма, регистра, фактуры способствуют развитию самостоятельности и образности музыкального мышления, творческих способностей, воли и работоспособности студентов, что чрезвычайно важно для совершенствования их педагогического мастерства.

Ни одно утверждение не должно носить характер догмы или аксиомы. Быть может, нигде не подтверждается такое мудрое наблюдение, что нет правил без исключения, как именно в музыке. На каждое установленное правило можно найти случаи, когда оно недействительно. «Современная математика пришла к тому, что все аксиомы, все законы условны, и что как только мы подходим к отношениям количеств, близким к бесконечно малым или бесконечно большим, то все обычные законы теряют свою силу. Но если мы сталкиваемся с этим в точной науке, то тем более это относится к искусству» [5]. Произведение музыкального искусства всегда существует как бы потенциально. Для того, чтобы оно сделалось «живым», должен быть посредник между композитором и слушателем. Музыкальное произведение не может существовать без исполнителя и, как следствие, роль исполнителя чрезвычайно ответственна. Красочные возможности аккомпанемента широки и неограниченны, потому что звучание сопровождения обладает возможностью стимулировать музыкальное воображение слушателя. «Опытный концертмейстер... может властно воздействовать на музыкальную фантазию слушателя и увлечь его за собой» [5, с. 80].

Искусством аккомпанирования в широком смысле слова надо называть настоящее мастерство концертмейстера. Все должно выходить не только бегло, а звучать художественно, красиво, законченно. Необходимо, чтобы не только все фактурные трудности были преодолены, но чтобы исполнение в целом достигло большой творческой высоты. Основой современного образования является опора на индивидуальные способности и возможности студентов, стимулирование их творчества, использование в учебном процессе дидактических положений, которые предусматривают последовательное овладение определенным видом действий: от начальной ознакомительной стадии к освоению, а затем – и к высшей форме их проявления – к творческой форме соответствующего характера (исполнительское творчество).

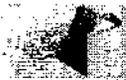
ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогов Е.Н.* Личность учителя: теория и практика. – Ростов н/Д., 1996.
2. *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. – М., 1997.
3. *Мильштейн Я.* Вопросы теории и истории исполнительства. – М., 1983.
4. *Нейгауз Г.Г.* Об искусстве фортепианной игры. – М.–Л., 1966. – С. 35.
5. *Гольденвейзер А.* Об исполнительстве (Вопросы фортепианного исполнительства. Очерки, статьи, воспоминания. Вып. 1). – М., 1965. – С. 36.

S U M M A R Y

The article deals with mastery as a specific activity. The author considers the purpose of interpretative activity of students in performing classes, its role in contemporary educational process.

Поступила в редакцию 13.05.2004

УДК 512.542

Н.Т. Воробьев, В.В. Шпаков

О факторизациях классов Фиттинга

Пусть \mathfrak{F} и \mathfrak{G} классы Фиттинга и $G_{\mathfrak{F}}$ – \mathfrak{F} -радикал группы G . Тогда произведением классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{G} называется класс $\mathfrak{F}\mathfrak{G}$ всех тех групп, для которых $G/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{G}$ [1]. Произведение классов Фиттинга $\mathfrak{F}\mathfrak{G}$ называют локальным, если $\mathfrak{F}\mathfrak{G}$ – локальный класс Фиттинга. Хорошо известно, что произведение двух любых локальных классов Фиттинга локально [2]. Однако обратное в общем случае неверно, что доказано Н.Т. Воробьевым и А.Н. Скибой [3].

В связи с этим возникает задача нахождения критерия локальности произведения классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{G} . Основной результат настоящей работы – доказательство такого критерия для классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{G} в случае, когда \mathfrak{G} – локальный класс Фиттинга. Заметим, что критерий локальности произведений формаций был установлен Л.А. Шеметковым [4].

1. Предварительные сведения. Для доказательства основного результата напомним некоторые основные понятия и приведем в качестве лемм те известные утверждения, которые мы будем использовать.

Классом Фиттинга называется класс групп \mathfrak{F} , удовлетворяющий следующим двум условиям:

- 1) каждая нормальная подгруппа любой группы из \mathfrak{F} также принадлежит \mathfrak{F} ;
- 2) из того, что нормальные подгруппы N_1 и N_2 группы G принадлежат \mathfrak{F} , всегда следует, что их произведение N_1N_2 принадлежит \mathfrak{F} .

Если \mathfrak{F} – непустой класс Фиттинга, то подгруппа $G_{\mathfrak{F}}$ группы G называется *\mathfrak{F} -радикалом* группы G , если она является максимальной из нормальных подгрупп G , принадлежащих \mathfrak{F} . *Произведением классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{G} , или фиттинговым произведением*, называется класс всех тех групп G , для которых $G/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{G}$. Если \mathfrak{F} или \mathfrak{G} – пустой класс групп, то по определению полагают, что $\mathfrak{F}\mathfrak{G} = \emptyset$.

Отображение $f: P \rightarrow \{\text{классы Фиттинга}\}$, где P – множество всех простых чисел, называют *функцией Хартли*, или *H-функцией*. Класс Фиттинга \mathfrak{F} называется *локальным* [5], если существует такая функция Хартли f , что $\mathfrak{F} = \mathfrak{E}_{\pi} \cap (\bigcap_{p \in \pi} f(p)\mathfrak{R}_p\mathfrak{E}_p)$, где $\pi = \text{Supp}(f) = \{p \in P \mid f(p) \neq \emptyset\}$, \mathfrak{E}_{π} – класс всех π -групп, \mathfrak{R}_p – класс всех p -групп, \mathfrak{E}_p – класс всех p' -групп. В этом случае f называется *H-функцией* класса Фиттинга \mathfrak{F} .

Класс групп \mathfrak{F} называется *гомоморфом*, или *Q-замкнутым*, если каждая факторгруппа любой группы из \mathfrak{F} принадлежит \mathfrak{F} .

Теперь приведем леммы, которые будем использовать.

Лемма 1.1. [6]. Пусть \mathfrak{F} и \mathfrak{G} – классы Фиттинга. Тогда справедливы следующие утверждения:

- 1) $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{H}$ для каждого \mathfrak{F} и $\mathfrak{H} \neq \emptyset$;
- 2) если \mathfrak{H} – гомоморф, то $\mathfrak{H} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{H}$.

Лемма 1.2. [6]. Если \mathfrak{F} – непустой класс Фиттинга, то произведение классов Фиттинга вида $\mathfrak{F}\mathfrak{N}_p\mathfrak{E}_p$ – локальный класс Фиттинга.

Лемма 1.3. [2]. Произведение двух любых локальных классов Фиттинга является локальным классом Фиттинга.

Непосредственной проверкой легко показать, что справедлива

Лемма 1.4. Пересечение любого непустого множества локальных классов Фиттинга является локальным классом Фиттинга.

2. О факторизациях с локальным множителем. Вначале мы изучим представление классов Фиттинга в виде произведения двух классов Фиттинга, один из которых локален.

Если \mathfrak{F} – класс Фиттинга, то через $\text{IFit}\mathfrak{F}$ обозначим наименьший локальный класс Фиттинга, содержащий класс \mathfrak{F} .

Пусть n – натуральное число и \mathfrak{F} – класс Фиттинга. Тогда n -й степенью класса Фиттинга \mathfrak{F} назовем произведение n сомножителей, каждый из которых равен \mathfrak{F} , то есть $\mathfrak{F}^n = \mathfrak{F} \cdot \mathfrak{F} \cdot \dots \cdot \mathfrak{F}$ (n -сомножителей).

Класс Фиттинга \mathfrak{F} назовем π -насыщенным, если $\mathfrak{E}_\pi\mathfrak{F} = \mathfrak{F}$, где π – некоторое множество простых чисел, а \mathfrak{E}_π – класс всех π' -групп.

Лемма 2.1. Если \mathfrak{F} и \mathfrak{H} такие классы Фиттинга, что $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{H}$, то для любого класса Фиттинга \mathfrak{X} , который является гомоморфом, имеет место включение $\mathfrak{F}\mathfrak{X} \subseteq \mathfrak{H}\mathfrak{X}$.

Доказательство. Пусть группа $G \in \mathfrak{F}\mathfrak{X}$. По определению фиттингова произведения $G/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{X}$. Так как $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{H}$, то, применяя теорему об изоморфизмах, получаем $G/G_{\mathfrak{F}} / G_{\mathfrak{H}}/G_{\mathfrak{F}} \cong G/G_{\mathfrak{H}}$. Но \mathfrak{X} – гомоморф. Следовательно, из того, что факторгруппа $G/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{X}$, получаем, что и факторгруппа $G/G_{\mathfrak{F}} / G_{\mathfrak{H}}/G_{\mathfrak{F}} \in \mathfrak{X}$. Отсюда, по определению класса групп $G/G_{\mathfrak{H}} \in \mathfrak{X}$ и поэтому $G \in \mathfrak{H}\mathfrak{X}$.

Лемма доказана.

Теорема 2.2. Пусть множество простых чисел $\emptyset \subset \pi \subset P$ и класс Фиттинга \mathfrak{F} таковы, что $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi$. Тогда произведение классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{H} факторизуются в виде $\mathfrak{F}\mathfrak{H} = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{H}$ в каждом из следующих случаев:

- 1) \mathfrak{H} – π -насыщен;
- 2) \mathfrak{H} – Q -замкнут и $\mathfrak{E}_\pi \subseteq \mathfrak{H} = \mathfrak{H}^2$.

Доказательство. Исходя из условия $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi$, по лемме 2.1, следует $(\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi \subseteq (\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi)\mathfrak{E}_\pi$.

Учитывая свойство ассоциативности $(\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi)\mathfrak{E}_\pi = \mathfrak{F}(\mathfrak{E}_\pi\mathfrak{E}_\pi) = \mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi$. Следовательно, $(\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi \subseteq \mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi$. По определению оператора «IFit» имеем $\mathfrak{F} \subseteq \text{IFit}\mathfrak{F}$. Тогда по лемме 2.1 получаем $\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi \subseteq (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi$. Таким образом $\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi$.

Покажем теперь, что $\mathfrak{F}\mathfrak{H} = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{H}$.

Пусть класс Фиттинга \mathfrak{H} – π -насыщен. Тогда $\mathfrak{E}_\pi\mathfrak{H} = \mathfrak{H}$ и поэтому, $\mathfrak{F}\mathfrak{H} = \mathfrak{F}(\mathfrak{E}_\pi\mathfrak{H})$. Так как $\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi$, то $(\mathfrak{F}\mathfrak{E}_\pi)\mathfrak{H} = ((\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi)\mathfrak{H}$. Используя снова ассоциативность и π -насыщенность класса \mathfrak{H} , получаем $((\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{E}_\pi)\mathfrak{H} = (\text{IFit}\mathfrak{F})(\mathfrak{E}_\pi\mathfrak{H}) = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{H}$. Таким образом, $\mathfrak{F}\mathfrak{H} = (\text{IFit}\mathfrak{F})\mathfrak{H}$.

Рассмотрим теперь случай, когда \mathfrak{F} такой Q-замкнутый класс Фиттинга, что $\mathfrak{E}_\pi \subseteq \mathfrak{F} = \mathfrak{F}^2$.

Покажем, что в этом случае $\mathfrak{E}_\pi \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}^2$. Так как \mathfrak{F} – гомоморф, то по лемме 2.1 $\mathfrak{E}_\pi \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}^2 = \mathfrak{F}$.

С другой стороны, $\mathfrak{F} \subseteq \text{IFit}\mathfrak{F}$ и класс Фиттинга \mathfrak{F} является Q-замкнут. Тогда по лемме 2.1 справедливо $\mathfrak{F} \mathfrak{F} \subseteq (\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{F}$. Но по условию $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi$ и, следовательно, справедливо включение $(\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{F} \subseteq (\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi) \mathfrak{F}$. Используя свойство ассоциативности, из включения $\mathfrak{E}_\pi \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F}$ по лемме 2.1, следует $(\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi) \mathfrak{F} = \mathfrak{F} (\mathfrak{E}_\pi \mathfrak{F}) \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{F}$.

Теорема доказана.

Следствие 2.4. Если классы Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{F} таковы, что $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi$ – локальный класс Фиттинга и $\mathfrak{E}_\pi \mathfrak{F} = \mathfrak{F}$, то $\mathfrak{F} \mathfrak{F} = (\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{F}$.

Доказательство. По утверждению 1 леммы 1.1 справедливо включение $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi$. По условию $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi$ – локальный класс Фиттинга. Но $\text{IFit}\mathfrak{F}$ – наименьший из всех локальных классов Фиттинга, содержащих \mathfrak{F} . Следовательно, $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\pi$, то есть выполняются условия теоремы. Значит, $\mathfrak{F} \mathfrak{F} = (\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{F}$.

Следствие доказано.

3. Основной результат. Напомним, что класс Фиттинга \mathfrak{F} называют ω -локальным, если $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{N}_\omega$ для некоторого непустого множества простых чисел ω .

Теорема 3.1. Пусть $\omega = \pi(\mathfrak{F})$ и \mathfrak{F} – локальный класс Фиттинга. Произведение классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{F} является локальным в том и только том случае, когда \mathfrak{F} – ω' -локальный класс Фиттинга.

Доказательство. По условию \mathfrak{F} – локальный класс Фиттинга, и, значит, $\mathfrak{F} = \mathfrak{E}_\omega \cap (\bigcap_{p \in \omega} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p)$. Тогда $\mathfrak{F} \mathfrak{F} = \mathfrak{F} (\mathfrak{E}_\omega \cap (\bigcap_{p \in \omega} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p))$. Отсюда следует, что $\mathfrak{F} \mathfrak{F} = \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega \cap (\bigcap_{p \in \omega} \mathfrak{F} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p)$.

Ввиду леммы 1.2 произведение классов Фиттинга $\mathfrak{F} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p$ является локальным классом Фиттинга и, следовательно, по лемме 1.4 $\bigcap_{p \in \omega} \mathfrak{F} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p$ – локальный класс Фиттинга.

Рассмотрим теперь произведение $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$. Так как \mathfrak{F} – ω' -локальный класс Фиттинга, то $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{N}_\omega$. Но $\mathfrak{F} \mathfrak{N}_\omega \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$, и поэтому $\text{IFit}\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$. Отсюда по утверждению 2 леммы 1.1 $(\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{E}_\omega \subseteq (\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega) \mathfrak{E}_\omega$. Используя свойство ассоциативности умножения классов Фиттинга заключаем, что $(\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega) \mathfrak{E}_\omega = \mathfrak{F} (\mathfrak{E}_\omega \mathfrak{E}_\omega) = \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$. Следовательно, $(\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{E}_\omega \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$.

С другой стороны, так как $\mathfrak{F} \subseteq \text{IFit}\mathfrak{F}$, то по утверждению 2 леммы 1.1 получаем, что $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega \subseteq (\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{E}_\omega$.

Следовательно, справедливо равенство

$$\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega = (\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{E}_\omega \quad (1)$$

Так как классы Фиттинга $\text{IFit}\mathfrak{F}$ и \mathfrak{E}_ω – локальны, то по лемме 1.3 $(\text{IFit}\mathfrak{F}) \mathfrak{E}_\omega$ – локальный класс Фиттинга. Следовательно, ввиду (1), $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$ – локальный класс Фиттинга. Но тогда произведение $\mathfrak{F} \mathfrak{F}$ локально по лемме 1.4, как пересечение локальных классов Фиттинга, $\mathfrak{F} \mathfrak{E}_\omega$ и $\bigcap_{p \in \omega} \mathfrak{F} f(p) \mathfrak{N}_p \mathfrak{E}_p$.

Докажем обратное утверждение.

По утверждению 2 леммы 1.1 $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{H}$. Используя определение оператора «IFit», получаем $\text{IFit} \mathfrak{F} \subseteq \text{IFit}(\mathfrak{F} \mathfrak{H})$. Так как по условию $\mathfrak{F} \mathfrak{H}$ – локальный класс Фиттинга, то $\text{IFit}(\mathfrak{F} \mathfrak{H}) = \mathfrak{F} \mathfrak{H}$. Кроме того, $\mathfrak{F} \mathfrak{M}$ – локальный класс и $\mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{M}$. Тогда по определению оператора «IFit»: $\text{IFit} \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{M}$.

Итак, $\text{IFit} \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{M} \cap \mathfrak{F} \mathfrak{H}$. Отсюда получаем, что $\mathfrak{F} \mathfrak{M} \cap \mathfrak{F} \mathfrak{H} = \mathfrak{F}(\mathfrak{M} \cap \mathfrak{H})$. Так как $\mathfrak{M} \cap \mathfrak{H} = \mathfrak{M}_{\pi(\mathfrak{H})}$, а $\omega = \pi(\mathfrak{H})$, то $\mathfrak{M}_{\pi(\mathfrak{H})} = \mathfrak{M}_{\omega}$.

Значит, $\text{IFit} \mathfrak{F} \subseteq \mathfrak{F} \mathfrak{M}_{\omega}$ и \mathfrak{F} – ω' -локальный класс Фиттинга.

Теорема доказана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Doerk K., Hawkes T.* Finite Solvable Groups. Walter de Gruyter. – Berlin–New York–Tokio, 1992.
2. *Воробьев Н.Т.* Локальные произведения классов Фиттинга // Весті АН БССР. Сер. фіз.-мат. навук, 1991, № 6. – С. 28–32.
3. *Воробьев Н.Т., Скиба А.Н.* О локальных произведениях классов Фиттинга // Вопросы алгебры. Вып. 8. – Гомель, 1995. – С. 55–58.
4. *Шеметков Л.А., Скиба А.Н.* Формации алгебраических систем. – М., 1989. – 255 с.
5. *D'Arcy P.* Locally defined Fitting classes // J. Austral. Math. Soc., 1975. – Vol. 20, 1. – P. 25–32.
6. *Воробьев Н.Т.* О радикальных классах групп с условием Локетта // Матем. заметки, 1988. – Т. 43. – Вып. 2. – С. 161–168.

S U M M A R Y

It is proved, that if \mathfrak{F} and \mathfrak{H} are Fitting classes, then Fitting product $\mathfrak{F} \mathfrak{H}$ is local if and only if \mathfrak{F} is ω' -local ($\omega = \pi(\mathfrak{H})$) and \mathfrak{H} is local.

Поступила в редакцию 21.02.2005

УДК 517.977

О.В. Храпцов, А.А. Козлов

О свойствах равномерно вполне управляемых систем

Рассмотрим линейную управляемую систему обыкновенных дифференциальных уравнений

$$\dot{x} = A(t)x + B(t)u, \quad x \in R^n, \quad t \in R, \quad u \in R^m, \quad (1)$$

где u – вход, управление, x – выход, состояние системы, $A(t)$ и $B(t)$, $t \in R$ – ограниченные кусочно-непрерывные матричные коэффициенты.

Введем необходимые обозначения и понятия. Будем считать, что в каждом пространстве R^k , $k \in N$, зафиксирован канонический ортонормированный базис e_1, \dots, e_k и связанная с ним евклидова норма $\|x\| = \sqrt{\sum_{i=1}^k x_i^2}$. Линейные операторы и отвечающие при таком выборе базисов матрицы будем

отождествлять. Через M_{kl} обозначим пространство матриц размерности $k \times l$ с операторной (спектральной) нормой [1] $\|A\| = \sup_{x \neq 0} \frac{\|Ax\|}{\|x\|}$, а через $KC_{kl}(I)$, где $I \subset \mathbb{R}$ – пространство ограниченных кусочно-непрерывных отображений $U: I \rightarrow M_{kl}$ с равномерной нормой $\|U(t)\|_C = \sup_{t \in I} \|U(t)\|$. Про-

странство M_{kl} отождествим с \mathbb{R}^k , поэтому запись $KC_{kl}(I)$ будет обозначать пространство ограниченных кусочно-непрерывных отображений $U: I \rightarrow \mathbb{R}^k$ с равномерной нормой. Будем также использовать величины $a = \|A\|_C$, $b = \|B\|_C$, считая, что норма вычисляется по всей области I определения функции. Пусть $X(t, s)$ – матрица Коши системы (1) с нулевым управлением, обозначим $Q(t, s) = X(t, s)B(s)$, $t \in \mathbb{R}$, $s \in \mathbb{R}$.

Известны следующие определения равномерной полной управляемости системы (1).

Определение 1 (Р.Е. Калман [2]). Система (1) называется σ – равномерно вполне управляемой, если существует такое положительное число $\beta > 0$, что матрица управляемости (матрица Калмана)

$$W(t_0, t_0 + \sigma) = \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} Q(t_0, s) Q^T(t_0, s) ds \quad (2)$$

при всяком $t_0 \in \mathbb{R}$ для любого $\xi \in \mathbb{R}^n$, $\|\xi\| = 1$, удовлетворяет неравенству:

$$\xi^T W(t_0, t_0 + \sigma) \xi \geq \beta. \quad (3)$$

Определение 2 (Е.Л. Тонков [3]). Система (1) называется σ – равномерно вполне управляемой, если при некотором $\gamma > 0$ для произвольных $t_0 \in \mathbb{R}$

и $x_0 \in \mathbb{R}^n$ найдется управление $u_0 \in KC_{m1}([t_0, t_0 + \sigma])$, удовлетворяющее условию $\|u_0\|_C \leq \gamma \|x_0\|$ и такое, что решение $x(t)$, $t \in I$, задачи Коши для системы (1) с таким управлением и начальным условием

$$x(t_0) = x_0 \quad (4)$$

удовлетворяет условию:

$$x(t_0 + \sigma) = 0. \quad (5)$$

Если коэффициенты системы (1) равномерно непрерывны, то эквивалентность этих определений вытекает из теоремы 1 в [4] и теоремы 1 в [5]. Непосредственное доказательство этой эквивалентности в общем случае кусочно-непрерывных коэффициентов можно найти в [6], где, однако, доказательство достаточности условий определения 2 для выполнения условий определения 1 проводится от противного. Если же отказаться от условий кусочной непрерывности коэффициентов и рассматривать систему (1) с коэффициентами из каких-либо пространств интегрируемых функций, а также допускать измеримые ограниченные управления, то эти определения окажутся неэквивалентными. В частности, если элементы матрицы B не принадлежат пространству $L_2([t_0, t_0 + \sigma])$, то матрица управляемости $W(t_0, t_0 + \sigma)$ может не существовать, но при этом соответствующая система (2) может быть σ – равномерно вполне управляемой в смысле определения 2. В работе [7] решается задача глобального управления показателями Ляпунова для системы (1) с кусочно-

непрерывной матрицей коэффициентов A и равномерно непрерывной матрицей B в предположении, что эта система является σ – равномерно вполне управляемой по Калману, что не позволяет непосредственно перенести результаты этой работы на случай более общих коэффициентов.

В настоящей работе приводится доказательство эквивалентности определений 1 и 2 для систем с кусочно-непрерывными коэффициентами, не использующее метода рассуждений от противного, что позволяет доказать утверждение, эквивалентное следствию 1 леммы 1 в [7], в том, однако, в предположении, что система (1) является σ – равномерно вполне управляемой в смысле определения 2.

Теорема 1. *Если $A(t)$ и $B(t)$, $t \in R$, – кусочно-непрерывные ограниченные матрицы, то система (1) σ – равномерно вполне управляема в смысле определения 1 тогда и только тогда, когда она σ – равномерно вполне управляема в смысле определения 2.*

Доказательство. Необходимость. Пусть имеет место определение Калмана, т.е. выполняется неравенство (3).

Зафиксируем произвольное t_0 , тогда при заданном управлении $u(t)$ решением задачи Коши (1), (4) является вектор

$$x(t) = X(t, t_0)(x_0 + \int_{t_0}^t Q(t_0, s)u(s)ds). \quad (6)$$

Выберем на отрезке $[t_0, t_0 + \sigma]$ управление $u(t) = Q^T(t_0, t)W^{-1}(t_0, t_0 + \sigma)$. Подставляя это управление в (6), при $t = t_0 + \sigma$ получим:

$$\begin{aligned} x(t_0 + \sigma) &= X(t_0 + \sigma, t_0)(x_0 - \int_{t_0}^t Q(t_0, s)Q^T(t_0, s)W^{-1}(t_0, t_0 + \sigma)x_0 ds) = \\ &= X(t_0 + \sigma, t_0)(x_0 - x_0) = 0. \end{aligned} \quad (7)$$

Кроме того, для всех $t \in [t_0, t_0 + \sigma]$ имеем соотношения:

$$\begin{aligned} \|u(t)\| &= \| -Q^T(t_0, t)W^{-1}(t_0, t_0 + \sigma)x_0 \| \leq \| Q^T(t_0, t) \| \cdot \\ &\cdot \| W^{-1}(t_0, t_0 + \sigma) \| \cdot \| x_0 \| \leq \beta^{-1} \| B^T(t) \| \cdot \| X^T(t_0, t) \| \cdot \| x_0 \| \leq \\ &\leq \beta^{-1} \cdot b \cdot \exp(a\sigma) \| x_0 \| = \gamma \| x_0 \|, \end{aligned} \quad (8)$$

где $\gamma = \beta^{-1} \cdot b \cdot \exp(a\sigma)$.

Соотношения (7) и (8) показывают, что система управления σ – равномерно вполне управляема по Тонкову.

Замечание 1. *Вышеприведенное доказательство необходимости основано на той же идее, что и доказательство теоремы 2.16 в [8]. Оно полностью совпадает с доказательством, содержащимся в [6] и приведено здесь лишь для полноты и последовательности изложения.*

Достаточность. Пусть система (1) σ – равномерно вполне управляема по Тонкову. Тогда при некотором $\gamma > 0$ для произвольных $t_0 \in R$ и $x_0 \in R^n$ существует управление $u_0 \in KC_{ml}([t_0, t_0 + \sigma])$, удовлетворяющее условию $\|u_0\| \leq \gamma \|x_0\|$ и обеспечивающее равенство (5), которое при использовании формулы (6) принимает вид:

$$-x_0 = \int_{t_0}^{t_0+\sigma} Q(t_0, s)u(s)ds. \quad (9)$$

Возьмем произвольный вектор $\xi \in R^n$, $\|\xi\|=1$. Умножая слева обе части равенства (9) на ξ^T , получим равенство $-\xi^T x_0 = \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \xi^T Q(t_0, s)u(s)ds$,

из которого вытекают соотношения

$$\begin{aligned} |-\xi^T x_0| &= \left| \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \xi^T Q(t_0, s)u(s)ds \right| \leq \int_{t_0}^{t_0+\sigma} |\xi^T Q(t_0, s)u(s)| ds \leq \\ &\leq \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| \cdot \|u(s)\| ds \leq \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| \cdot \gamma \|x_0\| ds = \\ &= \gamma \|x_0\| \cdot \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| ds. \end{aligned}$$

Отсюда имеем оценку

$$\int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| ds \geq \frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|} \cdot \gamma^{-1}. \quad (10)$$

Преобразуем квадрат интеграла в (10), используя неравенство Коши-Буняковского [1, с. 51].

$$\begin{aligned} \left(\int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| ds \right)^2 &= \left(\int_{t_0}^{t_0+\sigma} (\|\xi^T Q(t_0, s)\| \cdot 1) ds \right)^2 \leq \\ &\leq \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\|^2 ds \cdot \int_{t_0}^{t_0+\sigma} 1^2 \cdot ds = \sigma \cdot \int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\|^2 ds = \\ &= \sigma \cdot \int_{t_0}^{t_0+\sigma} (\xi^T Q(t_0, s)Q^T(t_0, s)\xi) ds = \sigma \cdot \xi^T W(t_0, t_0+\sigma)\xi. \end{aligned}$$

Таким образом, вследствие неотрицательности обеих частей неравенства (10), имеем

$$\xi^T W(t_0, t_0+\sigma)\xi \geq \left(\int_{t_0}^{t_0+\sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| ds \right)^2 \geq \left(\frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|} \right)^2 \cdot \frac{1}{\gamma^2 \sigma}. \quad (11)$$

Так как это неравенство выполняется для всех $x_0 \in R$ и

$$\max_{x_0} \left(\left(\frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|} \right)^2 \cdot \frac{1}{\gamma^2 \sigma} \right) = \frac{1}{\gamma^2 \sigma},$$

то, полагая в (11) $\beta = \frac{1}{\gamma^2 \sigma}$, получим неравенство (3) из определения 1. Та-

ким образом, система σ – равномерно вполне управляема по Калману. Достаточность, а вместе с ней и теорема 1 доказана.

Теорема 2. Если система (1) с ограниченными кусочно-непрерывными коэффициентами $A(t)$ и $B(t)$, $t \in R$, σ – равномерно вполне управляема (по Тонкову), то найдется $\rho > 0$, позволяющее при всяком $t_0 \in R$ для любого вектора $\xi \in R^n$, $\|\xi\|=1$, отыскать такие вектор $v \in R^m$, $\|v\|=1$ и момент времени $t^* \in [t_0, t_0 + \sigma]$, что будет выполняться неравенство

$$|\xi^T Q(t_0, t^*)v| \geq \rho \quad (12)$$

Доказательство. Пусть система (1) σ – равномерно вполне управляема по Тонкову, тогда при некотором $\gamma > 0$ для произвольных $t_0 \in R$ и $x_0 \in R^n$ существует управление $u_0 \in KC_{m1}([t_0, t_0 + \sigma])$, удовлетворяющее условию $\|u_0\| \leq \gamma \|x_0\|$ и обеспечивающее равенство (9).

Возьмем произвольный вектор $\xi \in R^n$, $\|\xi\|=1$, умножим обе части равенства (9) слева на ξ^T : $-\xi^T x_0 = \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} \xi^T Q(t_0, s)u(s)ds$.

Взяв модуль от обеих частей последнего равенства и используя неравенства для модуля интеграла и для спектральной нормы [9], получим

$$\begin{aligned} |-\xi^T x_0| &= \left| \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} \xi^T Q(t_0, s)u(s)ds \right| \leq \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)u(s)|ds \leq \\ &\leq \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| \cdot \|u(s)\|ds \leq \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} \|\xi^T Q(t_0, s)\| \cdot \gamma \|x_0\|ds \leq \gamma \|x_0\| \cdot \\ &\cdot \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} \left(\sum_{i=1}^m \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)e_i|^2 \right)^{\frac{1}{2}} ds \leq \gamma \sqrt{m} \cdot \|x_0\| \cdot \max_{i=1..m} \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)e_i|ds. \end{aligned}$$

Пусть e_k – вектор, на котором достигается максимум величины $\int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)e_i|ds$.

по $i = \overline{1, m}$. Тогда имеем неравенство $\gamma \sqrt{m} \cdot \|x_0\| \cdot \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)e_k|ds \geq |\xi^T x_0|$.

Так как $Q(t_0, t)$ – кусочно-непрерывная ограниченная матричная функция, то $|\xi^T Q(t_0, s)e_k|$ – кусочно-непрерывная ограниченная функция. Вследствие ограниченности функции $|\xi^T Q(t_0, s)e_k|$ найдется точка $t^* \in (t_0, t_0 + \sigma)$, в которой будет выполняться условие

$$|\xi^T Q(t_0, t^*)e_k| \geq \frac{1}{2} \sup_{t \in [t_0, t_0 + \sigma]} |\xi^T Q(t_0, t)e_k|. \quad (13)$$

Из соотношения (13) и того, что

$$\sigma \cdot \sup_{t \in [t_0, t_0 + \sigma]} |\xi^T Q(t_0, t)e_k| \geq \int_{t_0}^{t_0 + \sigma} |\xi^T Q(t_0, s)e_k|ds,$$

следует $2\sigma|\xi^T Q(t_0, t^*)e_k|\gamma\sqrt{m}\cdot\|x_0\|\geq\gamma\sqrt{m}\cdot\|x_0\|\cdot\int_{t_0}^{t_0+\sigma}|\xi^T Q(t_0, s)e_k|ds\geq|\xi^T x_0|$
 т.е.

$$|\xi^T Q(t_0, t^*)e_k|\geq\frac{1}{2\gamma\sigma\sqrt{m}}\cdot\frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|}. \quad (14)$$

Так как неравенство (14) выполняется для всех $x_0 \in R^n$, то аналогично предыдущей теореме, взяв $\rho = \frac{1}{2\gamma\sigma\sqrt{m}} \cdot \max_{x_0} \frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|} = \frac{1}{2\gamma\sigma\sqrt{m}}$, будем

иметь $|\xi^T Q(t_0, t^*)e_k|\geq\rho\geq\frac{1}{2\gamma\sigma\sqrt{m}}\cdot\frac{|\xi^T x_0|}{\|x_0\|}$.

Так как $\|e_k\|=1$, $e_k \in R^m$, то, положив $v=e_k$, получим, что для всех $x_0 \in R^n$ выполняется неравенство (12). Теорема 2 доказана.

В заключение автор выражает благодарность Е.К. Макарову за постановку задачи и внимание к работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колмогоров А.Н., Фомин С.В. Элементы теории функций и функционального анализа. – М., 1976. – С. 223.
2. Kalman R.E. Contribution to the theory of optimal control // Bol. Soc. mathem. mexic., 1960. – Vol. 5, № 1. – P. 102–119.
3. Тонков Е.Л. Критерий равномерной управляемости и стабилизация линейной рекуррентной системы // Дифференциальные уравнения, 1979. – Т. 15, № 10. – С. 1804–1813.
4. Тонков Е.Л. Динамическая система сдвигов и вопросы равномерной управляемости линейной системы // Докл. АН СССР, 1981. – Т. 256, № 2. – С. 290–294.
5. Тонков Е.Л. К теории линейных управляемых систем. Автореф. дисс. докт. физ.-мат. наук. ИММ УНЦ АН СССР. – Свердловск, 1984.
6. Попова С.Н. Задачи управления показателями Ляпунова. Дисс. канд. физ.-мат. наук. – Ижевск, 1992.
7. Макаров Е.К., Попова С.Н. О глобальной управляемости полной совокупности ляпуновских инвариантов двумерных линейных систем // Дифференциальные уравнения, 1999. – Т. 35, № 1. – С. 97–106.
8. Калман Р., Фалб П., Арbib М. Очерки по математической теории систем. – М., 1971.
9. Хорн Р., Джонсон Ч. Матричный анализ. – М., 1989. – С. 378.

S U M M A R Y

We consider system of ordinary differential equations with piecewise continuous coefficients. The system is linear with respect to state and linear with respect to control. Equivalency of definitions of uniformly totally controllability of such system both by Kalman and by Tonkov is proved. This fact allows to prove existence of control impulses for uniformly totally controllable by Tonkov system.

Поступила в редакцию 30.11.2004

Ж.В. Иванова

Задача Коши для одного нелинейного параболического уравнения

Рассмотрим уравнение

$$u_t = \Delta(e^u) - (e^u - 1)^p \quad (1)$$

с начальным условием

$$u(x, 0) = u_0(x), \quad (2)$$

где $(x, t) \in S = R^N \times [0, \infty)$, $0 < p < 1$, $u_0(x)$ — неотрицательная непрерывная функция, которая может расти на бесконечности. Нас будут интересовать только неотрицательные решения задачи (1), (2).

Данное уравнение подстановкой $v = e^u - 1$ сводится к следующему нелинейному параболическому уравнению

$$v_t = (v + 1)(\Delta v - v^p) \quad (3)$$

с начальным условием

$$v(x, 0) = v_0(x), \quad (4)$$

где $v_0(x) = e^{u_0(x)} - 1$.

Очевидно, что $v_0(x)$ и $v(x, t)$ будут также неотрицательными функциями.

Уравнение (4) является равномерно параболическим, следовательно, оно может иметь только классические решения (см., например, [1]).

В данной работе изучается поведение решений задачи Коши (3), (4). Доказывается, что при определенных условиях, наложенных на функцию $v_0(x)$, решение задачи (3), (4) в любой точке $y \in R^N$ обращается в ноль за конечное время. При этом используются методы работ [2, 3].

Определение 1. Функция $\omega(x, t) \in C_{x,t}^{2,1}(S)$, удовлетворяющая в S неравенству

$$-\omega_t + (\omega + 1)(\Delta \omega - \omega^p) \leq 0 \quad (\geq 0), \quad (5)$$

называется суперрешением (субрешением) уравнения (3) в полупространстве S .

Определение 2. Решение $v(x, t)$ задачи (3), (4) называется минимальным решением этой задачи в S , если для любого другого решения $\bar{v}(x, t)$ задачи (3), (4) в S выполняется неравенство $v(x, t) \leq \bar{v}(x, t)$.

Таким же образом вводятся понятия суперрешения и субрешения уравнения (3) и задачи (3), (4) в полосе $S_T = R^N \times [0, T)$.

Теорема 1. Пусть функция $\varphi(x, t)$ является суперрешением уравнения (3) и $v_0(x) \leq \varphi(x, 0)$. Тогда в S существует минимальное решение задачи Коши (3), (4) такое, что $v(x, t) \leq \varphi(x, t)$.

Теорема 1 доказывается так же, как, например, в работе [2].

Определим класс $K(S)$ неотрицательных функций $\psi(x, t)$, для которых на

множестве S выполняется неравенство: $\psi(x, t) \leq M_1 (\alpha_1 + |x|^2)^{\frac{1}{1-p}}$.

Здесь и далее через M_i и α_i будем обозначать соответственно положительные и неотрицательные постоянные.

Теорема 2. Пусть функция $v_0(x)$ удовлетворяет неравенству

$$v_0(x) \leq C_N (\alpha_2 + |x|^2)^{\frac{1}{1-p}},$$

где

$$C_N = \left[\frac{(1-p)^2}{2(2p + N(1-p))} \right]^{\frac{1}{1-p}}. \quad (6)$$

Тогда задача (3), (4) имеет минимальное решение $v(x, t) \in K(S)$.

Доказательство. Рассмотрим функцию

$$\varphi(x) = C_N (\alpha_2 + |x|^2)^{\frac{1}{1-p}}. \quad (7)$$

Нетрудно показать, что при любом α_2 функция $\varphi(x)$ является стационарным решением уравнения (3), а, следовательно, его суперрешением.

Тогда по теореме 1 существует минимальное решение $v(x, t)$ задачи (3), (4), такое, что $v(x, t) \leq \varphi(x)$.

Теорема 3. Пусть $v_0(x)$ удовлетворяет неравенству

$$v_0(x) \leq A |x|^{\frac{2}{1-p}} + o(|x|^{\frac{2}{1-p}}), \quad (8)$$

где

$$0 < A < C_N. \quad (9)$$

Тогда для любого $y \in R^N$ минимальное решение $v(x, t)$ задачи Коши (3), (4) обращается в ноль за конечное время $T(y)$.

Доказательство. Зафиксируем произвольное $y \in R^N$ и покажем, что при выполнении (8) существует такое значение $T(y)$, что $v(x, t) = 0$ при $t \geq T(y)$.

Пусть $|x| = r$. Рассмотрим функцию

$$\theta(r, t) = \varepsilon_1 g(t) + (1 - \varepsilon_1) z(r, |y|), \quad (10)$$

где

$$g(t) = (B - (1-p)t)_+^{\frac{1}{1-p}}, \quad (11)$$

$$z(r, |y|) = C_N (r - |y|)_+^{\frac{2}{1-p}}, \quad (12)$$

$$\varepsilon_1 = 1 - \frac{A + \varepsilon}{C_N}, \quad 0 < \varepsilon < C_N - A. \quad (13)$$

Постоянные A и C_N удовлетворяют (6) и (9), постоянная B будет определена в дальнейшем. В равенствах (11), (12) используется обозначение $s_+ = \max(0, s)$.

Нетрудно показать, что для функций $g(t)$ и $z(r, |y|)$ справедливы следующие неравенства:

$$g' + (g + 1) g^p \geq 0, \quad (14)$$

$$Lz = (z + 1) \left(z_{rr} + \frac{N-1}{r} z_r - z^p \right) \leq 0, \quad (15)$$

при $r > |y|$, и $Lz = 0$ при $r \leq |y|$.

Покажем справедливость соотношения $L\theta = \theta_t - (\theta + 1)(\Delta\theta - \theta^p) \geq 0$.

Так как $0 < p < 1$, то по свойству выпуклых функций

$$\theta^p = (\varepsilon_1 g(t) + (1 - \varepsilon_1) z(r))^p \geq \varepsilon_1 g^p(t) + (1 - \varepsilon_1) z^p(r),$$

и, следовательно,

$$\begin{aligned}
 L\theta &\geq \varepsilon_1 g' + (\varepsilon_1(g+1) + (1-\varepsilon_1)(z+1)) \times (\varepsilon_1 g^p + (1-\varepsilon_1)(z^p - z_\pi - \frac{N-1}{r} z_r)) = \\
 &= \varepsilon_1 (g' + \varepsilon_1(g+1)g^p) + (1+\varepsilon_1)^2(z+1)(z^p - z_\pi - \frac{N-1}{r} z_r) + \\
 &+ \varepsilon_1(1-\varepsilon_1)(z^p - z_\pi - \frac{N-1}{r} z_r)(g+1) + \varepsilon_1(1-\varepsilon_1)g^p(z+1).
 \end{aligned}$$

На основании определений функций $g(t)$ и $z(r, |y|)$, неравенств (14) и (15), делаем вывод о том, что $L\theta \geq 0$. Следовательно, $\theta(r, t)$ – суперрешение уравнения (3).

Определим постоянную B так, чтобы выполнялось неравенство

$$v_0(x) \leq \theta(x, 0). \quad (16)$$

Пусть для $v_0(x)$, A и ε_1 справедливы (8), (9) и (13). Очевидно,

$$\theta(|x|, 0) = \varepsilon_1 B \frac{1}{1-p} + C_N(1-\varepsilon_1)(r-|y|)_+ \frac{2}{1-p} \geq (A+\varepsilon)(r-|y|)_+ \frac{2}{1-p}.$$

Обозначим $M(R) = \max_{|x| \leq R} v_0(x)$ и рассмотрим уравнение

$$(A+\varepsilon)(r-|y|)_+ \frac{2}{1-p} = M(r).$$

Пусть $r = R(\varepsilon)$ – наибольший корень этого уравнения. В силу (8) такой корень существует. Тогда неравенство (16) выполняется при $r > R(\varepsilon)$. Для выполнения неравенства (16) при $r \leq R(\varepsilon)$, достаточно подобрать функцию $g(t)$ так, чтобы ε_1

$g(0) = \max_{|x| \leq R} v_0(x)$. Тогда можно положить $\varepsilon_1 B \frac{1}{1-p} = \max_{|x| \leq R} v_0(x)$.

$$\text{Отсюда } B = \left(\frac{1}{\varepsilon_1} \max_{|x| \leq R} v_0(x) \right)^{1-p}.$$

Функция $\theta(|x|, t)$ удовлетворяет теореме 1, следовательно, существует минимальное решение задачи (3), (4), такое, что $v(x, t) \leq \theta(x, t)$. Так как на основании (14) и (15) $\theta(y, t) = 0$ при $t \geq \frac{B}{1-p}$, то $v(y, t) = 0$ при

$$t \geq T(y) = \frac{\left(\frac{1}{\varepsilon_1} \max_{|x| \leq R} v_0(x) \right)^{1-p}}{\varepsilon^{1-p} (1-p)}. \quad (17)$$

Теорема доказана.

Замечание. Отметим, что в доказательстве теоремы 3 приводится оценка (17) времени зануления минимального решения задачи Коши в любой точке пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ладьженская О.А., Солонников В.А., Уральцева Н.Н.* Линейные и квазилинейные уравнения параболического типа. – М., 1967. – 736 с.
2. *Гладков А.Л.* О задаче Коши в классах растущих функций для уравнений фильтрации с конвекцией // Матем. сб., 1995. – Т. 186, № 6. – С. 35–56.
3. *Гладков А.Л.* О поведении решений некоторых квазилинейных параболических уравнений со степенными нелинейностями // Матем. сб., 2000. – Т. 191, № 3. – С. 25–42.

S U M M A R Y

We consider the Cauchy problem for a nonlinear parabolic equation. Behaviour of solutions of the Cauchy problem is investigated. The vanishing of the minimal solutions at a finite time is proved.

Поступила в редакцию 3.02.2005

Н.К. Толочко, С.Е. Мозжаров

Закономерности ультразвуковой кристаллизации растворов

В химической, пищевой, фармацевтической промышленности находят широкое применение процессы ультразвуковой кристаллизации растворов, позволяющие получать мелкодисперсные кристаллические продукты [1–3]. Решающим фактором воздействия на эти процессы являются гидродинамические возмущения раствора, которые возникают при захлопывании кавитационных пузырьков. Закономерности этих процессов изучены недостаточно, что объясняется сложной зависимостью характера их протекания от параметров ультразвуковой обработки и состояния обрабатываемой среды. В настоящей работе рассматриваются особенности практической реализации процессов кристаллизации растворов в условиях ультразвуковой кавитации.

В практике получения мелкодисперсных кристаллических продуктов важно создавать условия кристаллизации, при которых в сильно пересыщенном растворе, первоначально сохраняющем свою устойчивость в статическом состоянии, инициируется лавинообразное зародышеобразование. В случае ультразвуковой кристаллизации такие условия обеспечиваются за счет резкого повышения локальной концентрации раствора в областях гидродинамических возмущений. Обычно кавитационный режим устанавливается почти мгновенно с введением ультразвука в раствор. Так же, почти мгновенно в растворе образуется облако из множества мельчайших кристаллов. Выделение из раствора довольно большой массы кристаллического продукта, что возможно при достаточной интенсивности и длительности ультразвукового кавитационного воздействия, приводит к значительному снятию пересыщения, так что первоначально высокая концентрация раствора снижается почти до равновесного значения. Благодаря этому рост образовавшихся кристаллов существенно замедляется и, как следствие, формируется мелкокристаллический осадок.

Ультразвуковая кристаллизация в указанных выше условиях была экспериментально реализована на примере водных растворов дигидрофосфата калия KH_2PO_4 (KDP) с различными начальными температурами насыщения: $T_0 = 55,45$ и 35°C . Растворы для повышения их устойчивости предварительно фильтровали через два типа мембранных фильтров – с диаметрами пор 2 мкм и 0,5 мкм, а затем перегревали при температуре 65°C в течение 3-х суток. Перед началом кристаллизации в стеклянный стакан, содержащий 100 мл раствора при температуре 57°C , погружали ультразвуковой излучатель, изготовленный на базе магнитострикционного преобразователя ПМС1-1, соединенного с ультразвуковым генератором УЗГ1-1 (частота 22 кГц, мощность 1 кВт), после чего температуру снижали до $T_c = 21^\circ\text{C}$, так что растворы приобретали различное переохлаждение $\Delta T = T_0 - T_c$, т.е. различное пересыщение $\Delta C = C_c - C_0$, где C_c – концентрация пересыщенного раствора (при температуре T_c) и C_0 – концентрация равновесного раствора (при температуре T_0). При этом растворы, будучи в пересыщенном

состоянии, сохраняли свою устойчивость: в них не наблюдалось спонтанного зарождения кристаллов. Кристаллизация инициировалась благодаря ультразвуковой кавитационной обработке, которая осуществлялась в течение 30 с. Обработанные растворы сливали в пробирки, содержащие небольшую порцию дихлорэтана, и центрифугировали с использованием центрифуги с фактором разделения 3000. Плотность дихлорэтана больше плотности раствора, но меньше плотности кристаллов, поэтому кристаллы осаждались на дне пробирки в дихлорэтано, что позволяло быстро и просто извлекать их из растворов. Полученные таким образом кристаллические продукты высушивали, определяли средний размер частиц R и их общую массу, на основании чего вычисляли массовый выход продукта M (см. таблицу). Внешний вид кристаллов показан на рисунке.

Таблица

Результаты экспериментов по ультразвуковой кристаллизации

Переохлаждение раствора	15°C	24°C	34°C
Средний размер частиц	17 мкм	7 мкм	2 мкм
Массовый выход продукта	51 %	91 %	92 %

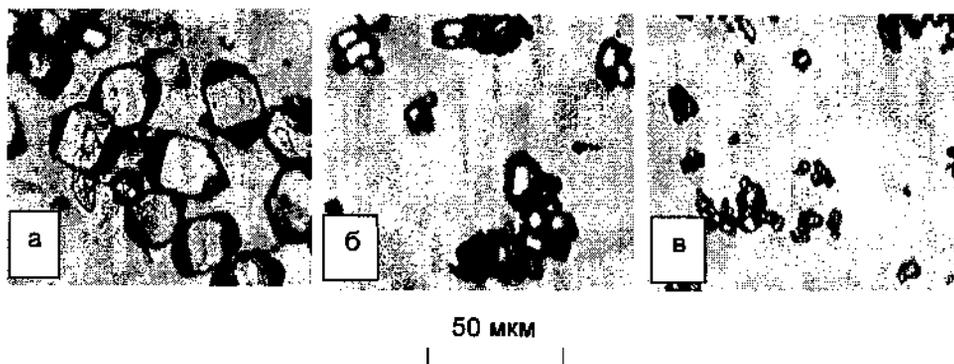

Рис. Кристаллы, полученные в условиях ультразвуковой кристаллизации $\Delta T_c = 15$ (а), 24 (б) и 34°C (в)

Как следует из экспериментов, при одних и тех параметрах ультразвуковой обработки с повышением ΔC уменьшается R и одновременно увеличивается M .

Полученным результатам можно дать следующее объяснение.

При кристаллизации в статических условиях (без ультразвука) интенсивность зародышеобразования (количество центров кристаллизации, возникающих в единице объема раствора в единицу времени), описывается следующим уравнением [4]:

$$J_n = k_n(\Delta C)^\alpha, \tag{1}$$

где k_n и α – константа и параметр процесса зародышеобразования. Зародышеобразование в этом случае происходит в результате флуктуаций концентрации раствора. В условиях экспериментов растворы с начальным пересыщением ΔC находятся в устойчивом состоянии, так как $\Delta C < \Delta C_{cr}$, где ΔC_{cr} – критическое пересыщение, при превышении которого происходит лавинообразное зародышеобразование. Здесь $\Delta C_{cr} = C_{cr} - C_0$, где C_{cr} – критическая концентрация ($C_c < C_{cr}$).

С подачей ультразвука в растворе в результате кавитации возникают области гидродинамических возмущений, в которых концентрация возрастает до

значения $C_c^* > C_{cr}$ и, соответственно, пересыщение увеличивается до значения $\Delta C^* > \Delta C_{cr}$ ($\Delta C^* = C_c^* - C_{cr}$). При этом каждый захлопывающийся пузырек представляет собой источник, генерирующий некоторое количество центров кристаллизации n , которое можно рассматривать как меру кристаллизационной активности пузырьков. Значение n может быть определено с помощью следующего уравнения, аналогичного по форме уравнению (1):

$$n = k_n^* (\Delta C^*)^{\alpha^*}, \quad (2)$$

где k_n^* и α^* – константа и параметр процесса зародышеобразования, инициируемого одиночными пузырьками при их захлопывании.

Интенсивность кавитационного зародышеобразования пропорциональна количеству пузырьков, захлопывающихся в единице объема в единицу времени, и их кристаллизационной активности:

$$J_n^* = J_c \gamma k_n^* (\Delta C^*)^{\alpha^*}, \quad (3)$$

где J_c – интенсивность кавитации (количество пузырьков, возникающих в единице объема в единицу времени), γ – доля захлопывающихся пузырьков. Значение J_c оценивается экспериментально – путем покадровой обработки результатов скоростной видеосъемки процесса развития облака кавитационных пузырьков [5]. Аналогичным образом производится экспериментальная оценка значения J_n^* – путем анализа процесса развития облака мельчайших кристаллов [6, 7].

Чем больше ΔC , тем легче достигнуть ΔC_{cr} за счет кавитации, т.е. тем выше кристаллизационная активность пузырьков: каждый из них при захлопывании генерирует большее число центров кристаллизации n . Как следствие, возрастает суммарное число центров кристаллизации, генерируемых всеми захлопывающимися пузырьками, $N = J_n^* V t$, где V – обрабатываемый объем раствора, t – время обработки. Это ведет к более значительному снятию пересыщения, в результате чего средний размер частиц R в образующемся кристаллическом продукте уменьшается. С другой стороны, чем больше ΔC , т.е. чем больше количество избыточно растворенного вещества, тем выше вероятность получения максимально возможного выхода кристаллического продукта M .

Следует отметить, что при недостаточном времени обработки извлечение из него избыточно растворенного вещества оказывается неполным. Как следствие, в растворе после окончания обработки остается значительное пересыщение, т.е. создаются условия для дополнительного роста образовавшихся кристаллов. Во избежание этого кристаллы следует извлечь из раствора. Тем самым будет обеспечена высокая дисперсность кристаллического продукта, т.е. малое значение R . Однако при этом выход кристаллического продукта M окажется сравнительно низким.

В общем случае при захлопывании пузырьков могут возникать два типа гидродинамических возмущений: ударные микроволны и кумулятивные микроструи. Возникновение гидродинамических возмущений того или иного типа определяется формой захлопывающихся пузырьков [1]. Обычно изолированный пузырек имеет форму сферы, которая может искажаться в ходе пульсаций пузырька. Наиболее значительные искажения формы пузырька могут происходить при его сближении с твердым телом, в частности, с частицей. При этом важную роль играет соотношение размеров пузырька R_b и частицы R_p . Если $R_b > R_p$, то пузырек сохраняет сферическую форму и захлопывается с образованием сферической ударной микроволны. Если $R_b < R_p$, то пузырек теряет сферическую форму и при захлопывании образует кумулятивную микрострую. При ультразвуковой кристаллизации с учетом малости размеров

частиц, зарождающихся в условиях кавитации, можно считать, что основным типом гидродинамических возмущений здесь являются ударные микроволны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новицкий Б.Г.* Применение акустических колебаний в химико-технологических процессах. – М., 1983. – 192 с.
2. *Кардашев Г.А.* Физические методы интенсификации процессов химической технологии. – М., 1990. – 208 с.
3. *Молчанов Г.И.* Ультразвук в фармации. – М., 1980. – 176 с.
4. *Хамский Е.В.* Кристаллизация в химической промышленности. – М., 1979. – 344 с.
5. *Агранат Б.А., Дубровин М.Н., Хаевский Н.Н. и др.* Основы физики и техники ультразвука: Учеб. пособие для вузов. – М., 1987. – 352 с.
6. *Толочко Н.К., Ядройцев И.А., Мьяльдун А.З. и др.* Кинетика нуклеации камфары в спиртовом растворе. Кристаллизация высаливанием // Весці НАНБ, сер. хім. навук, 2003, № 3. – С. 57–61.
7. *Толочко Н.К., Ядройцев И.А., Мьяльдун А.З. и др.* Кинетика нуклеации камфары в спиртовом растворе. Кристаллизация охлаждением // Весці НАНБ, сер. хім. навук, 2004, № 1. – С. 41–46.

S U M M A R Y

The regularities of crystallization of solutions under the influence of ultrasonic cavitation at different initial supersaturation were studied experimentally. The mechanism of the cavitation effect on the nucleation processes was investigated theoretically.

Поступила в редакцию 3.12.2004

УДК 677.022.94:677.08

А.В. Локтионов, А.Г. Коган, Т.А. Мачихо

Исследование процесса вытягивания волокнистого продукта из отходов производства

Для расчета сил в процессе вытягивания волокнистого продукта из отходов производства необходимо знать (для широкого диапазона длин волокон) функции распределения волокон по длине в рабочей зоне вытяжного прибора. Теоретический анализ такой функции изложен в работе [1]. Однако исследования выполнены при значительном упрощении схемы взаимодействия волокон при движении. При этом не учитывались силы, действующие между волокнами при их движении, или они учитывались, но при этом полагали, что имеет место точная функция перехода скоростей с питающей пары на выпускную. Распределение точек перехода и идеальную кривую утонения волокнистого продукта следует рассматривать как функцию этого распределения. В работе [2] интегральная функция перехода $F_1(x)$ волокон длиной l со скорости V_1 питающей пары на скорость V_2 выпускной пары имеет вид

$$F_i(x) = \frac{1}{2\pi} \int_{-\infty}^{\frac{m(x)}{\delta(x)}} l^{-\frac{1}{2}} dt, \text{ где } m(x) - \text{массовая доля волокон в зоне перехода,}$$

$\delta(x)$ – дисперсия увлекательной силы.

Такое уравнение характеризует переход волокон разной длины на новую скорость V_2 и позволяет установить уравнение наиболее вероятной кривой утонения, по которой силы действуют на волокна, то есть те силы, которые создают движение волокон, являющиеся функцией перехода $F_i(x)$.

Зная уравнение идеальной кривой утонения, можно установить зависимости, моделирующие процесс вытягивания. Используя полученные зависимости, можно определить силы, которые перемещают волокна, и решить обратную задачу: по известной задаваемой функции перехода определяются силы, обеспечивающие в вытяжном поле требуемое движение волокон. Последнее, по нашему мнению, и есть решение проблемы процесса вытягивания – создание вытяжного прибора, способного вытягивать волокнистый продукт практически неограниченное число раз и получать продукт необходимого качества.

Пусть $U(x, \tau)$ – общее число волокон в сечении в момент времени τ . $U_1(x, \tau)$, $U_2(x, \tau)$ – то же для быстро и медленно двигающихся волокон. Следовательно, $U(x, \tau) = U_1(x, \tau) + U_2(x, \tau)$.

В силу стационарности процесса математическое ожидание $M(x, \tau)$ числа волокон U в сечении x в момент времени τ равно $U(x)$. Тогда

$$U(x) = U_1(x) + U_2(x).$$

Полагаем, что поступающий продукт состоит из волокон одинаковой длины. Плотность U передних кончиков волокон в зажиме питающей пары в момент времени τ $U(0, \tau) = \int_0^l n(x, \tau) dx$, где $n(x, \tau)$ – плотность передних кончиков

волокон в сечении x в момент времени τ в интервале $(x, x + dx)$.

Вероятность каждого такого волокна сохранить скорость питающей пары V_1 до того момента, пока его передний конец попадет в интервал $(x, x + dx)$, равна $(1 - F_i(x))$ [3].

Математическое ожидание M числа тех волокон, передние концы которых в момент времени τ находятся в интервале $(x, x + dx)$ и в момент времени $(\tau + \tau_1)$ сохраняют скорость V_1 и, следовательно, их передние кончики остаются в интервале $(x, x + dx)$, равно

$$M(n(x, \tau) dx)(1 - F_i(x + x_1)) = \lambda_1 (1 - F_i(x + x_1)) dx,$$

где λ_1 – среднее число передних кончиков волокон, приходящихся на единицу длины вытяжного поля в интервале $(0; \ell)$. Полученное выражение учитывает, что каждое волокно в случайный момент времени переходит на новую скорость. Интегрируя последнее выражение, получим

$$MU_1(x, \tau + \tau_1) = \lambda_1 \int_0^l (1 - F_i(x + x_1)) dx.$$

Учитывая, что $MU(x; \tau) = U(x)$, $MU_i(x; \tau) = U_i(x)$, получим

$$U_1(x) = \lambda_1 \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx,$$

где U_1 – число медленно идущих волокон в сечении x . Для продукта, состоящего из волокон различной длины, $U_1(x)$ примет вид

$$U_1(x) = \int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx.$$

Установлено, что число U_2 быстро идущих волокон в этом же сечении определяется из выражения

$$U_2(x) = \frac{1}{E} \left[\int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl - \int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx \right].$$

Для волокон одинаковой длины, учитывая $U_1(x)$, $U_2(x)$ и идеальную кривую утонения, получим, что для любой точки x вытяжного поля число волокон U одинаковой длины, переходящих со скорости V_1 питающей пары на скорость V_2 выпускной, определяется из выражения

$$U(x) = \lambda_1 \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx \left(1 - \frac{1}{E}\right) + U(R), \quad (1)$$

где $U(R)$ – число быстро идущих волокон в сечении вытяжного поля находится из выражения

$U(R) = \frac{R - U_1(x)}{E}$, в котором R – разводка между пара-

ми, E – общая вытяжка вытяжного прибора. В любом сечении вытяжного поля число волокон $U(x)$ зависит от общей вытяжки E , условий функции перехода $F_l(x)$ волокон со скорости питающей пары на скорость выпускной, конкретной точки перехода с координатой x , изменения по длине вытягивания плотности $n(l)$ передних кончиков волокон.

Установлено, что кривая утонения продукта, состоящего из волокон различной длины, определяется из выражения

$$\begin{aligned} U(x) &= \left[\int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx \right] \left(1 - \frac{1}{E}\right) + \\ &+ \frac{1}{E} \left[\int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl - \int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx \right] = \\ &= \int_{l_{\min}}^{l_{\max}} n(l) dl \int_0^l (1 - F_l(x + x_1)) dx \left(1 - \frac{1}{E}\right) + \frac{1}{E}. \end{aligned} \quad (2)$$

Формулы (1) и (2) для заданных кривой распределения волокон по длине и интегрального закона распределения вероятностей $F_l(x)$ перехода переднего конца волокна со скорости V_1 питающей пары на скорость V_2 выпускной пары определяют общее число волокон в данной точке x вытяжного поля. Уравнение (2) и является наиболее вероятной кривой утонения. Наиболее вероятной точкой перехода переднего кончика волокна на новую скорость будет та, в которой увлекающая сила больше или равна 0. Тогда

$$\int_{x-\ell}^x B(t) [P_2(t)\alpha_2(t) - P_1(t)\alpha_1(t)] dt \geq 0, \quad (3)$$

где P_1 , P_2 – усилия вытягивания в вытяжном приборе, действующие соответственно на медленно и быстро двигающиеся волокна;

α_1 – отношение числа медленно идущих волокон к общему числу волокон;

α_2 – отношение числа быстро идущих волокон к общему числу волокон;

$B(t)$ – отношение общего числа волокон в данном сечении вытяжного поля к оптимальному для идеальной кривой утонения [4].

С учетом условий перехода волокон на скорость выпускной пары, из уравнения (2), характеризующего число волокон разной длины в активной зоне вытягивания, силы P_1 и P_2 , действующие на волокна (силы вытягивания), определяются из выражений

$$P_1(x) = \frac{\int_{\ell_{\min}}^{\ell_{\max}} n(\ell) d\ell \int_0^{\ell} (1 - F_{\ell}(x + x_1)) dx}{\int_{\ell_{\min}}^{\ell_{\max}} n(\ell) d\ell \left[\int_0^{\ell} (1 - F_{\ell}(x + x_1)) dx \left(1 - \frac{1}{E}\right) + \frac{1}{E} \right]},$$

$$P_2(x) = \frac{\frac{1}{E} \left[\int_{\ell_{\min}}^{\ell_{\max}} n(\ell) d\ell - \int_{\ell_{\min}}^{\ell_{\max}} n(\ell) d\ell \int_0^{\ell} (1 - F_{\ell}(x + x_1)) dx \right]}{\int_{\ell_{\min}}^{\ell_{\max}} n(\ell) d\ell \left[\int_0^{\ell} (1 - F_{\ell}(x + x_1)) dx \left(1 - \frac{1}{E}\right) + \frac{1}{E} \right]}.$$

Следовательно, при определении сил P_1 и P_2 , действующих в процессе вытягивания, необходимо учитывать функцию $U(x)$ распределения точек перехода, которая определена с учетом соотношения (3). Зная силы P_1 и P_2 , действующие при вытягивании, можно спроектировать для широкого диапазона длин волокон вытяжной прибор высокой вытяжки и получить из отходов производства качественный волокнистый продукт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миловидов Н.Н. Прядение хлопка. I и II часть. – М., 1997. – 548 с.
2. Протасова В.А. Шерстопрядильное оборудование. – М., 1978. – 294 с.
3. Ящерицын П.И., Махаринский Е.И. Планирование эксперимента в машиностроении. – Мн., 1985. – 286 с.
4. Гэнзер М.С. Механическая технология нетканых текстильных полотен. – М., 1978. – 200 с.

S U M M A R Y

The process of fibrous product stretching in the stretching apparatuses of spinning looms has been studied. The equations describing this technological process are given.

Поступила в редакцию 7.04.2004

П.А. Гладков

Волновые пакеты в упругом волноводе произвольного сечения

Введение. Целью данной работы является вывод системы дифференциальных уравнений, описывающей распространение локализованных волн в упругой среде, ограниченной поверхностью волновода произвольного сечения. В работе используется асимптотический метод, предложенный в [1, 2] и применявшийся в [3] для случая среды, ограниченной поверхностью вращения. Решение аппроксимируется функциями, локализованными возле плоскости центра волнового пакета, перемещающейся в продольном направлении.

1. Постановка задачи. Рассмотрим неоднородную упругую среду, ограниченную поверхностью Ω волновода произвольного сечения, определяемую в цилиндрических координатах r, φ, z следующим образом:

$$\Omega = \{(r, \varphi, z) : r = \tilde{f}[\varphi, z], 0 \leq \varphi < 2\pi, -\infty < z < +\infty\}. \quad (1.1)$$

Уравнение, описывающее процесс распространения волн, имеет вид

$$\Delta U - \frac{1}{c^2(z, t)} \frac{\partial^2 U}{\partial t^2} = 0, \quad (1.2)$$

где Δ – оператор Лапласа в цилиндрических координатах.

Граничные условия берутся в виде условий отсутствия смещения

$$U|_{\Omega} = 0. \quad (1.3)$$

Предполагается, что функции $\tilde{f}[\varphi, z]$, $c(z, t)$ бесконечно дифференцируемы по z , а $c(z, t)$ непрерывна по t , более того

$$\frac{\partial^l \tilde{f}}{\partial z^l}, \frac{\partial^l c}{\partial z^l}, c^{-1}, l = 1, 2, \dots \text{ при } \varepsilon \rightarrow 0. \quad (1.4)$$

Малый параметр введен для изучения семейства коротких волн, длина которых имеет порядок ε , а мгновенная частота равна $\varepsilon^{-1}\omega(t)$. Также предполагается, что

$$\max_{-\infty < z < +\infty} \tilde{f}[\varphi, z] \sim \varepsilon. \quad (1.5)$$

2. Метод решения. Следуя [3], решение задачи (1.2), (1.3) будем строить в виде волнового пакета (ВП) – семейства волн, бегущих вдоль оси Oz и локализованных в окрестности плоскости $z = q(t)$. Последнюю будем называть центром ВП.

Учитывая локальный характер решения задачи и небольшую ширину волновода, удобно ввести локальную систему координат следующим образом:

$$z = q(t) + \varepsilon^{1/2} \xi, \quad r = \varepsilon \rho. \quad (2.1)$$

В таком случае $0 < \rho < f[\varphi, z] = \varepsilon^{-1} \tilde{f}[\varphi, z]$, а уравнение (1.2) принимает вид:

$$c^2 \left(\frac{\partial^2 U}{\partial \rho^2} + \frac{1}{\rho} \frac{\partial U}{\partial \rho} + \frac{1}{\rho^2} \frac{\partial^2 U}{\partial \varphi^2} + \varepsilon \frac{\partial^2 U}{\partial \xi^2} \right) - \varepsilon^2 \frac{\partial^2 U}{\partial t^2} + 2\varepsilon^{3/2} \dot{q} \frac{\partial^2 U}{\partial \xi \partial t} - \varepsilon \dot{q}^2 \frac{\partial^2 U}{\partial \xi^2} + \varepsilon^{3/2} \ddot{q} \frac{\partial U}{\partial \xi} = 0. \quad (2.2)$$

Функция $c(z, t)$ вблизи центра $z = q(t)$ волнового пакета может быть разложена в ряд Тейлора:

$$c(z, t) = c[q(t), t] + \varepsilon^{1/2} c'[q(t), t] \xi + \frac{1}{2} \varepsilon c''[q(t), t] \xi^2 + \dots \quad (2.3)$$

Решение граничной задачи ищем в виде [3]:

$$U = \sum_{k=0}^{\infty} \varepsilon^{k/2} u_k(\rho, \xi, \varphi, t) \exp\{i\varepsilon^{-1} S(\xi, t, \varepsilon)\}, \quad (2.4)$$

$$S = \int \alpha(x) dt + \varepsilon^{1/2} p(t) \xi + \frac{1}{2} \varepsilon b(t) \xi^2, \quad \text{Im} b(t) > 0, \quad (2.5)$$

где $u_k(\rho, \xi, \varphi, t)$ – полиномы по ξ , $p(t)$ – волновое число, функция $b(t)$ характеризует ширину волнового пакета.

Подстановка функции (2.4) в уравнение (2.2) дает последовательность краевых задач

$$\sum_{j=0}^k L_j u_{k-j} = 0, \quad k = 1, 2, \dots, \quad (2.6)$$

$$\sum_{j=0}^k \Gamma_j u_{k-j} \Big|_{\rho=\rho(q(t))} = 0, \quad k = 1, 2, \dots, \quad (2.7)$$

где

$$L_0 = c^2[q(t), t] \left[\frac{\partial^2}{\partial \rho^2} + \frac{1}{\rho} \frac{\partial}{\partial \rho} + \frac{1}{\rho^2} \frac{\partial^2}{\partial \varphi^2} - p^2 \right] + (\omega - \dot{q} p)^2,$$

$$L_1 = \left(b \frac{\partial L_0}{\partial p} + \frac{\partial L_0}{\partial q} + \dot{p} \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \right) \xi - i \frac{\partial L_0}{\partial p} \frac{\partial}{\partial \xi},$$

$$L_2 = \frac{1}{2} \left(b^2 \frac{\partial^2 L_0}{\partial p^2} + 2b \frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial q} + \frac{\partial^2 L_0}{\partial q^2} + \frac{\partial^2 L_0}{\partial \omega^2} + 2\dot{p} \frac{\partial^2 L_0}{\partial q \partial \omega} + 2\dot{p} b \frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial \omega} + \dot{b} \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \right) \xi^2$$

$$- \frac{1}{2} \frac{\partial^2 L_0}{\partial p^2} \frac{\partial^2}{\partial \xi^2} - i \left(b \frac{\partial^3 L_0}{\partial p^2} + \frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial q} + \dot{p} \frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial \omega} \right) \xi \frac{\partial}{\partial \xi} - i \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \frac{\partial}{\partial t}$$

$$- i \left(\frac{1}{2} b \frac{\partial^3 L_0}{\partial p^2} + \frac{1}{2} \dot{\omega} \frac{\partial^2 L_0}{\partial \omega^2} + \dot{p} \frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial \omega} - \ddot{q} p \right), \dots \quad (2.8)$$

$$\Gamma_0 = 1, \quad \Gamma_1 = \xi f_z \frac{\partial}{\partial \rho}, \quad \Gamma_2 = \frac{1}{2} \xi^2 \left(f_{zz} \frac{\partial}{\partial \rho} + f_z^2 \frac{\partial^2}{\partial \rho^2} \right) \dots \quad (2.9)$$

2.1. Нулевое и первое приближение. В нулевом приближении ($k=0$) имеем следующую краевую задачу:

$$L_0 u_0 = c^2[q(t), t] \left[\frac{\partial^2 u_0}{\partial \rho^2} + \frac{1}{\rho} \frac{\partial u_0}{\partial \rho} + \frac{1}{\rho^2} \frac{\partial^2 u_0}{\partial \varphi^2} - p^2 u_0 \right] + (\omega - \dot{q} p)^2 u_0 = 0, \quad (2.10)$$

$$u_0 \Big|_{f[\varphi, q(t)], \xi, \varphi, t} = 0. \quad (2.11)$$

Решение (2.10), (2.11) сводится к задаче о собственном значении краевой

задачи с однородным граничным условием (2.11) для уравнения

$$c^2[q(t), t] \left[\frac{\partial^2 u}{\partial \rho^2} + \frac{1}{\rho} \frac{\partial u}{\partial \rho} + \frac{1}{\rho^2} \frac{\partial^2 u}{\partial \varphi^2} + \frac{\lambda_n^2}{f^2(q)} u \right] = 0. \quad (2.12)$$

Пусть λ_n – собственное значение краевой задачи (2.11), (2.12), а $u_0^*(\rho, \varphi, t)$ – соответствующая этому значению собственная функция. Краевая задача (2.10), (2.11) будет иметь нетривиальное решение $u_0 = P_0(\xi, t) u_0^*$ лишь при выполнении условия

$$\omega(t) = \dot{q}(t)p(t) - H^{\pm}[p(t), q(t), t], \quad (2.14)$$

где

$$H^{\pm}(p, q, t) = \pm c(q, t) \sqrt{p^2 + \frac{\lambda_n^2}{f^2(q)}} - \quad (2.15)$$

функция Гамильтона, а $P_0(\xi, t)$ – полином по ξ .

В первом приближении ($k=1$) имеем задачу

$$L_0 u_1 = -L_1 u_0, \quad (2.16)$$

$$u_1 = -\Gamma_1 u_0 \text{ при } \rho = f[\varphi, q(t)]. \quad (2.17)$$

Решение данной задачи имеет вид

$$u_1(\rho, \xi, \varphi, t) = P_1(\xi, t) u_0^*(\rho, \varphi, t) + u_1^{(p)}(\rho, \xi, \varphi, t), \quad (2.18)$$

где $P_1(\xi, t)$ – неизвестный полином по ξ , подлежащий определению, $u_1^{(p)}(\rho, \xi, \varphi, t)$ – частное решение уравнения (2.16).

Принимая во внимание самосопряженность граничной задачи (2.10), (2.11), равенство

$$\int_0^{2\pi f(\varphi, q)} \int_0^{\rho} \rho u_0 (L_0 u_1 + L_1 u_0) d\rho d\varphi = 0 \quad (2.19)$$

является условием существования $u_1(\rho, \xi, \varphi, t)$ в виде (2.18). Чтобы вычислить значение второго подынтегрального слагаемого, необходимо определить операторы $\frac{\partial L_0}{\partial p}$, $\frac{\partial L_0}{\partial q}$. Для этого проинтегрируем краевую задачу (2.10), (2.11) по параметрам p и q :

$$\begin{aligned} L_0 \frac{\partial u}{\partial p} + \frac{\partial L_0}{\partial p} u_0 - 2H \left(\dot{q} - \frac{\partial H}{\partial p} \right) u_0 &= 0, \quad \frac{\partial u}{\partial p} = 0 \text{ при } \rho = f[\varphi, q(t)], \\ L_0 \frac{\partial u}{\partial q} + \frac{\partial L_0}{\partial q} u_0 + 2H \frac{\partial H}{\partial q} u_0 &= 0, \quad \frac{\partial u}{\partial q} + f' \frac{\partial u_0}{\partial \rho} = 0 \text{ при } \rho = f[\varphi, q(t)]. \end{aligned} \quad (2.20)$$

Учитывая соотношения (2.20), условие (2.19) может быть представлено в виде

$$i \left(\dot{q} - \frac{\partial H}{\partial p} \right) \xi P_0 - \left(\dot{p} + \frac{\partial H}{\partial q} \right) \xi P_0 - i \left(\dot{q} - \frac{\partial H}{\partial p} \right) \frac{\partial P_0}{\partial \xi} = 0. \quad (2.21)$$

В [1] показано, что уравнение (2.21) имеет решение в полиномиальной форме лишь в том случае, если функции p и q удовлетворяют системе Гамильтона

$$\dot{q} = \partial H / \partial p, \quad \dot{p} = -\partial H / \partial q. \quad (2.22)$$

Это утверждение справедливо и для случая среды, ограниченной поверхностью произвольного сечения.

Полином $P_0(\xi, t)$ в этом приближении остается неопределенным.

2.2. Второе приближение. Во втором приближении ($k=2$) имеем краевую задачу

$$L_0 u_2 = -L_1 u_1 - L_2 u_0, \quad (2.24)$$

$$u_2 = -\Gamma_1 u_1 - \Gamma_2 u_0 \text{ при } \rho = f[\varphi, q(t)]. \quad (2.25)$$

Условие разрешимости данной задачи может быть выведено из уравнения

$$\int_0^{2\pi f(\varphi, q)} \int_0^1 \rho u_0 (L_0 u_2 + L_1 u_1 + L_2 u_0) d\rho d\varphi = 0. \quad (2.26)$$

Для того чтобы определить операторы $\frac{\partial^2 L_0}{\partial p^2}$, $\frac{\partial^2 L_0}{\partial p \partial q}$, $\frac{\partial^2 L_0}{\partial q^2}$, краевую задачу (2.10), (2.11) продифференцируем по параметрам p и q еще раз. К примеру,

$$\begin{aligned} & L_0 \frac{\partial^2 u_0}{\partial q^2} + 2 \frac{\partial L_0}{\partial q} \frac{\partial u_0}{\partial q} - 2 \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \frac{\partial H}{\partial q} \frac{\partial u_0}{\partial q} + \frac{\partial^2 L_0}{\partial q^2} u_0 \\ & - 2 \frac{\partial^2 L_0}{\partial \omega \partial q} \frac{\partial H}{\partial q} u_0 + \frac{\partial^2 L_0}{\partial \omega^2} \left(\frac{\partial H}{\partial q} \right)^2 u_0 - \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \frac{\partial^2 H}{\partial q^2} u_0 = 0, \\ & \frac{\partial^2 u_0}{\partial q^2} + 2 f'_i \frac{\partial^2 u_0}{\partial q \partial p} + f'' \frac{\partial u_0}{\partial p} + f'^2 \frac{\partial^2 u_0}{\partial p^2} = 0 \text{ при } \rho = f[\varphi, q(t)]. \end{aligned} \quad (2.27)$$

Подстановка формул (2.27) в (2.26), с учетом уравнений (2.21), (2.23), приводит к дифференциальному уравнению

$$\left(\xi^2 D_b - 2D_{\xi} \right) P_0 = 0 \quad (2.28)$$

относительно $P_0(\xi, t)$. Здесь

$$\begin{aligned} D_b &= \dot{b} + \frac{\partial^2 H}{\partial p^2} b^2 + 2 \frac{\partial^2 H}{\partial p \partial q} b + \frac{\partial^2 H}{\partial q^2}, \\ D_{\xi} &= h_0 \frac{\partial^2}{\partial \xi^2} + h_1 \xi \frac{\partial}{\partial \xi} + h_2 \frac{\partial}{\partial t} + h_3, \\ h_0(t) &= \frac{1}{2} \frac{\partial^2 H}{\partial p^2}, \quad h_1(t) = i \left(b \frac{\partial^2 H}{\partial p^2} + \frac{\partial^2 H}{\partial p \partial q} \right), \quad h_2 = \dot{i}, \\ h_3(t) &= \frac{i}{2H} \left\{ bH \frac{\partial^2 H}{\partial p^2} - \dot{\omega} - 2 \frac{\partial H}{\partial q} \frac{\partial H}{\partial p} + \ddot{q} p \right. \\ & \left. - \int_0^{2\pi f(\varphi, q)} \int_0^1 \rho u_0 \left(\frac{\partial L_0}{\partial p} \frac{\partial u_0}{\partial q} + \frac{\partial L_0}{\partial \omega} \frac{\partial u_0}{\partial t} \right) d\rho d\varphi \right\}. \end{aligned} \quad (2.29)$$

В [1] показано, что уравнение (2.28) имеет решение в полиномиальной форме лишь в том случае, если функция $b(t)$ является решением уравнения Риккати

$$\dot{b} + \frac{\partial^2 H}{\partial p^2} b^2 + 2 \frac{\partial^2 H}{\partial p \partial q} b + \frac{\partial^2 H}{\partial q^2} = 0. \quad (2.30)$$

Это утверждение справедливо и для случая среды, ограниченной поверхностью волновода произвольного сечения.

Пусть функция $b(t)$ является решением уравнения (2.30) с начальным условием

$$b(0) = b_0, \quad \text{Im} b_0 > 0. \quad (2.31)$$

Можно доказать, что если функции $c(z,t)$, $f(z)$ являются бесконечно дифференцируемыми по переменной z , то выполнение неравенства $\text{Im} b_0 > 0$ влечет за собой выполнение неравенства $0 < \text{Im} b(t) < +\infty$ для любого конечного интервала $0 < t < \tilde{t}$, обеспечивая выполнение условия (2.5).

Принимая во внимание (2.30), условие (2.28) принимает вид амплитудного уравнения для определения полинома $P_0(\xi, t)$:

$$h_0(t) \frac{\partial^2 P_0}{\partial \xi^2} + h_1(t) \xi \frac{\partial P_0}{\partial \xi} + h_2 \frac{\partial P_0}{\partial t} + h_3(t) P_0 = 0. \quad (2.32)$$

Решение уравнения (2.32) было построено в [3].

3. Заключение. Таким образом, в работе построены система Гамильтона (2.22), уравнение Риккати (2.30), дисперсионное (2.14) и амплитудное (2.32) уравнения, описывающие распространение локализованных волн в среде, ограниченной волноводом произвольного сечения.

Показана инвариантность данных уравнений относительно поперечного сечения волновода.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Михасев Г.И.* О комплексном ВКБ-решении задачи Коши для уравнений движения тонкой цилиндрической оболочки // Доклады Академии наук Беларуси, 1994. – Том 38, № 4. – С. 24–27.
2. *Mikhasev G.I.* Localized families of bending waves in a thin medium-length cylindrical shell under pressure // Journal of sound and vibration, 2002, № 253(4). – P. 833–857.
3. *Mikhasev G.I.* Traveling wave packets in a non-homogeneous narrow medium bounded by a surface of revolution // Wave Motion, 2003, vol. 37. – P. 207–217.

S U M M A R Y

The process of wave propagation in an infinitely long non-homogeneous narrow medium (waveguide) bounded by an arbitrary surface is considered. An asymptotic solution of the wave equation is constructed in the form of localized families of short waves (the wave packets) running in the longitudinal direction, the wave length being of the same order as the characteristic width of the waveguide.

Поступила в редакцию 14.09.2004

И.А. Красовская

Трансформация биоценозов в условиях урбанизации (на примере г. Гомеля)

Оценка устойчивого развития городских агломераций предполагает учет важной роли растительных и животных организмов как в функционировании биосферы, обеспечивающей непрерывную связь геологических и биологических процессов, так и их ресурсное значение. Последнее выражается в качестве компонента экосистем и ландшафтов, играющих важную средообразующую роль [1]. С целью оценки эколого-геологического состояния Гомельской городской агломерации на основании многочисленных фондовых и опубликованных научных работ нами проведен анализ состояния фито- и зооценозов этой территории.

Состояние фитоценозов. Сложность и специфика геологического и палеогеографического развития, своеобразие геоморфологических, гидрогеологических, гидрологических, климатических и почвенных условий, наряду с зонально-географическим положением г. Гомеля и его окрестностей, предопределили процесс формирования и региональные особенности его флоры и растительности, сохраняя при этом общие черты флоры и растительности умеренного пояса [2]. Флора имеет, как правило, миграционное происхождение и складывается из комплекса сравнительно молодых (плейстоценового и голоценового периодов) миграционных элементов. Ее история и современное развитие связаны с наиболее выраженным влиянием в основном европейских (теплолюбивых) видов, с одной стороны, и евразийских и евросибирских (бореальных) – с другой.

Согласно геоботаническому районированию Гомель располагается на северной окраине подзоны широколиственно-сосновых лесов в Гомельско-Приднепровском геоботаническом районе. Общая площадь зеленых насаждений в городе и его окрестностях составляет более 2000 га. Это парки, скверы, линейные посадки вдоль улиц, приусадебные участки, лесопарки, озера, пойменные и суходольные луга и др.

Для озеленения города используются деревья и кустарники местной флоры и интродуцированные из других географических районов. В основном, это древесные и кустарниковые породы сосновых, березовых, буковых, ивовых, лещиновых и других семейств.

В составе лесов лесопарковой зоны преобладают хвойные (около 70%), мягколиственные породы (занимают около 20% площади), представленные березой, ольхой черной и осинкой. Примерно 10% лесной площади занимают дубравы. Около 15% всех лесов – производные, появившиеся на месте хвойных и твердолиственных древостоев в результате смены пород на вырубках и гарях. 33% всех лесов – искусственные насаждения. Типичными подлесочными породами являются крушина, рябина, лещина, черемуха, можжевельник и жимолость, ивы [2].

На заливных высокопродуктивных лугах произрастают в основном злаковые гидромезофитные сообщества с фрагментами осоковых и пойменных дубрав. Суходольные луга отличаются значительным видовым многообразием: злаковые, лютиковые, осоковые, бобовые и др. Флора озер представлена прибрежно-водной растительностью, преимущественно осоковой.

На естественный ход развития растительного покрова Гомеля и его окрестностей наряду с природно-экологическими факторами, вызывающими природные изменения, существенное влияние оказывают техногенные (антропогенные) факторы, вызывающие антропогенные изменения. В настоящее время основными из них являются освоение земельных угодий под строительство различного рода инженерных сооружений и проявление неблагоприятных инженерно-геологических процессов (загрязнение компонентов геологической среды, подтопление, засоление и др.). Эти факторы вызывают локальные изменения структуры естественных фитоценозов (продуктивности и видового состава), обратимую и необратимую смены фитоценозов, а также региональную динамику растительности и состава флоры. Локальные антропогенные изменения под влиянием строительства ведут к полной замене коренных естественных фитоценозов сорно-полевыми (синантропными) и растительными сообществами, не имеющих аналогов в природе. Процесс их смены выражается в прохождении последовательных обособленных апофитной, антропофитной и сегетальной фаз [2].

Анализ литературных данных и материалов экспедиционных исследований лаборатории флоры и гербария Института экспериментальной ботаники НАН РБ свидетельствует о том, что развитие синантропного флористического комплекса в Гомельской агломерации, как и в большинстве населенных пунктов Беларуси, происходит в значительной мере спонтанно, на основе случайных или вероятностных (стохастических) процессов, находящихся, однако, под преобладающим над природными факторами контролем хозяйственной деятельности человека. Видовой состав синантропного флористического комплекса крайне нестабилен и подвержен значительным изменениям даже в течение коротких отрезков времени. В процессе развития города его естественная флористическая основа претерпевает существенные изменения в направлении утраты этой флорой зонально обусловленных черт, причем в пространственном отношении эта закономерность ослабевает от центра к периферии.

В связи с формированием в городских условиях качественно новой урбанизированной среды, для которой в экологическом аспекте свойственны более аридные (ксеротермические) черты по сравнению с зонально обусловленными, в ее генетической и экологической структуре происходят флорогенетические смены: позиции холодостойких арктобореальных и таежно-лесных мезофильных видов ослабевают, многие из них исчезают, а преимущество получают лесостепные, подтаежные аборигенные или прогрессирующие, а также индуцированные [2, 3] степные, древнесредиземноморские, центрально- и восточноазиатские по происхождению виды растений. При антропогенном «костепнении» территории г. Гомеля происходит сближение городской флоры с флорами более южных районов, а благодаря избыточному засолению и обогащению нитратами отдельных участков значительно возрастает роль видов галофильного и нитрофильного (мегатрофного) флористических комплексов.

Техногенное загрязнение геологической среды оказывает неблагоприятное действие на многие физиологические процессы растений. У них в результате накопления токсических концентраций соединения свинца, серы, хлора, окислов азота разрушаются пигменты пластид, снижается фотосинтетическая активность, нарушается общий метаболизм и, как следствие, уменьшается прирост, и появляются признаки страдания [3]. Степень нарушения обменных и ростовых

процессов, а, следовательно, и поврежденных растений токсическими соединениями находятся в зависимости от сочетания экологических условий.

Как показали исследования [4], определяющими элементами-загрязнителями фитоценозов в Гомельской городской агломерации являются Mn, Sr, Pb и Mo. Вместе с тем установлено, что очаги аномально высокого содержания поллютантов в городе локализованы на незначительных площадях вокруг крупных промышленных объектов, а основная часть территории города характеризуется либо фоновым, либо несколько превышающим его уровнем загрязнения. Тем не менее, учитывая его поликомпонентный характер, обуславливающий практически повсеместное распространение тех или иных токсикантов, и прогрессирующее в последнее десятилетие их накопление в природных объектах, в связи с развитием промышленного производства и последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, можно заключить, что экологическая ситуация в г. Гомеле в настоящее время является неудовлетворительной.

Изучение ответной реакции лесных экосистем на воздействие техногенных и рекреационных нагрузок, оцениваемой по показателям изменения жизнеспособности древостоев, показало, что наиболее здоровым состоянием в целом характеризуются сосновые фитоценозы [4].

При исследовании ростовых показателей лесных фитоценозов установлено наиболее выраженное снижение размеров их радиального прироста либо в непосредственной близости от источников промышленных эмиссий, либо в зонах рекреации, оказывающих негативное воздействие на характер лесорастительных условий насаждений. Несмотря на выявленное ослабление с удалением от индустриальных центров ингибирования ростовой функции древостоев, на большей части городской агломерации отмечено снижение размеров их радиального прироста, сопровождаемое расширением амплитуды его годичных колебаний относительно заповедных аналогов.

Не менее подвержена техногенному загрязнению прибрежно-водная растительность города. Исследованиями [5] установлено, что основными загрязнителями прибрежно-водной растительности г. Гомеля и его окрестностей являются тяжелые металлы (таблица).

Анализ данных свидетельствует, что наибольшему загрязнению подвержены озера и их растительность в северной и северо-западных частях города в районе таких крупных промышленных предприятий, как заводы «Гомсельмаш», «Гидроавтоматика», «Гомелькабель» и др.

Состояние зооценозов. В Гомеле и его окрестностях обитают 66 видов млекопитающих, 188 видов птиц, 6 видов пресмыкающихся, 11 видов земноводных, в реках и пойменных озерах около 25 видов рыб. Из млекопитающих в лесах и парках обычны белка, крот, еж, заяц, встречаются кабан, косуля, куница (каменная и лесная), енотовидная собака, горностай, черный хорек, ласка. На берегах р. Сож, в складских помещениях многочисленны крысы (серая и черная), мышь домовая. Из птиц многочисленны воробьи (домовой и полевой), грачи, галки, вороны, сороки, которые зимой ночуют в городе, днем разлетаются в поисках пищи, чем способствуют заносу в город возбудителей инфекций и инвазий. В лесах, парках и скверах встречаются синицы, горлица кольчатая, скворцы обыкновенные, дрозды певчие. На берегах рек можно встретить кулика-сороку, ремеза и зимородка обыкновенных. В зимнее время появляются в городе снегири, дятел большой пестрый и жаворонок хохлатый, откочевывающий сюда из лесов в поисках пищи, на р. Сож в черте города остается на зимовку некоторое количество уток. В пруду Парка культуры и отдыха им. А.В. Луначарского обитают лебедь-кликун и лебедь-шипун. В лесах пригородной зоны гнездится черный аист.

Содержание тяжелых металлов в прибрежно-водной растительности озер города Гомеля, по [4]

Виды растений	мг/кг сухого вещества					
	Fe	Cu	Pb	Cr	Ni	Cd
Осока острая	106,7- 112,8	19,7- 24,0	63,2- 69,4	2,4- 5,3	0,5- 2,8	48,5- 52,8
Манник большой	91,3- 174,3	25,6- 75,6	6,3- 125,7	0,7- 7,0	3,1- 4,0	31,8- 67,5
Тростник обыкновенный	34,0- 1160,7	14,8- 49,9	119,3- 832,9	0,6- 10,4	0,2- 3,4	40,1- 344,7
Рогоз широколиственный	78,3- 104,7	5,8- 112,6	54,7- 77,3	2,6- 4,6	2,5- 7,5	13,8- 17,8
Рогоз узколистый	155,6	47,3	89,8	6,5	1,9	56,8
Ряска трехдольная	22,5- 79,2	9,6- 14,9	29,9- 58,7	1,1- 2,2	2,7- 2,1	9,8- 27,0
Частуха	63,9- 71,7	41,3- 64,6	14,5- 15,4	7,7- 8,7	0,6- 40,8	1,4- 172,8
Подорожник	120,8	8,4	304,8	7,6	1,5	49,1
Камыш озерный	125,9	57,4	69,9	3,8	0,9	64,1
Рдест гребенчатый	75,8	20,7	64,5	3,4	1,1	38,7
Сусак зонтичный	127,5	135,5	62,1	6,3	1,3	50,3
Кубышка желтая	93,4	21,3	28,7	8,2	0,2	27,6

В рр. Соже и Ипути водятся лещ, плотва, густера, уклейка, линь, окунь, карась, голавль, щука, голец, сом. На песчаных отмелях Сожа обитают крупные (до 14 см) перловицы, играющие важную роль в процессах самоочищения реки. В заболоченных старицах обычны прудовики и катушки. Среди насекомых много декоративных бабочек и жуков. В пригородных лесах, в парках и садах распространены различные виды насекомых-вредителей: шелкопряды, плодожорка, пилильщик сосновый, клоп подкорный, хрущи, короеды и др.

Исследования последних десятилетий [6, 7] свидетельствуют о том, что с ростом загрязнения и антропогенной трансформации среды обитания отмечается общее снижение численности и биомассы животных, складывается специфическая динамика численности. Меняется соотношение видов, сокращается видовое разнообразие, появляются виды, не характерные для естественных экосистем данной географической зоны, наблюдается дробление сплошных ареалов на мозаичные с локальным повышением плотности и разнородности. Происходят изменения в репродуктивной стратегии и демографических показателях популяций отдельных видов животных.

Так, изучение влияния процессов урбанизации на мелких млекопитающих [7] позволило выявить ряд закономерностей в формировании видового состава и демографических параметров сообществ мышевидных грызунов в лесопарках г. Гомеля. Просветление леса и снижение густоты травяного покрова приводит к уменьшению укрытий для мелких млекопитающих и снижению их численности. Видовое разнообразие зависит от разнообразия биотопов лесо-

парков. Именно уровень беспокойства и наличие укрытий, а не загрязнения промышленности или выбросы транспорта и его шум в первую очередь влияют на численность мелких млекопитающих.

Установлена разная стратегия воспроизводства сообщества несинантропных мышевидных грызунов в зависимости от типа урбанизированной среды. В природных сообществах поддержание численности грызунов обеспечивается, очевидно, за счет меньшей, по сравнению с лесопарками, смертности молодых. Таким образом, городские сообщества мышевидных грызунов имеют более высокий репродуктивный потенциал для поддержания своей численности. Именно поэтому и за счет появления нетипичных для природных сообществ видов в условиях города всегда сохраняется относительно высокая численность грызунов.

В результате антропогенной трансформации среды отмечаются изменения в следующих демографических параметрах популяций мелких млекопитающих: увеличивается скорость полового созревания молодняка, изменяется соотношение полов в сторону преобладания самок, меняется соотношение функциональных возрастных групп в сторону быстрорастущих и быстросозревающих особей, увеличивается подвижность населения. Устойчивость популяций мелких млекопитающих на техногенных территориях обусловлена индивидуальной адаптивной реакцией – интенсификацией процессов жизнедеятельности, приводящей к возрастанию напряженности физиологических процессов в организме и к росту энерготрат на уровне особи [8]. Данный механизм с позиций эволюционно-экологического подхода является первым этапом адаптивных изменений (наиболее примитивным и энергоемким), но, тем не менее, именно с его помощью поддерживаются существование и целостность популяционных систем мелких млекопитающих на техногенных территориях.

Влияние промышленного загрязнения вызывает значительные изменения и морфофизиологических показателей у обитателей лесопарковой зоны города [7] – увеличиваются индексы печени, селезенки и почек. Увеличение относительного веса этих органов свидетельствует об интенсификации метаболических процессов в условиях загрязнения.

Накопление тяжелых металлов (Cu, Zn, Ni, Cr, Pb, Cd) происходит в большинстве органов и тканей, но наибольший уровень биоаккумуляции наблюдается в почках, печени и коже. Наиболее интенсивно накапливаются кадмий и свинец [1].

Реакции биохимических показателей обнаруживаются у мелких животных из сильно трансформированных биогеоценозов: увеличение содержания белка в коже и липидов в печени и мышечной ткани, что обусловлено как адапционным процессом на организменном уровне, так и перестройкой мембранных структур в клетках при воздействии токсикантов. Это сопровождается изменением фракционного состава липидов печени, кожи и легких в сторону снижения уровня фосфолипидов и триглицеридов, что свидетельствует о значительных энергетических затратах организма животных при действии токсикантов [8].

Уровень ферментов микросомальной фракции печени, которые отвечают за детоксикацию ксенобиотиков, снижается у животных из биогеоценозов зоны загрязнения [7], что свидетельствует о снижении устойчивости организма в условиях действия стрессовых факторов и невозможность полной адаптации к ним.

Выводы. Оценивая состояние городских фитоценозов Гомеля в целом, можно отметить, что под влиянием города происходит коренное изменение растительного покрова – изменяется его доминантно-эдификаторная основа, структура и физиономичность; существенные изменения претерпевает видовой

состав флоры, отдельных фитоценозов и флоротопологических комплексов.

В результате техногенной деятельности человека появляются совершенно новые (искусственные) экотопы с искусственными грунтами, избыточным засолением, своеобразными геохимическим и гидрологическим режимами. При этом установлено формирование качественно новой урбанизированной природно-техногенной среды, отличающейся специфическими экологическими условиями, способствующими образованию в городе синантропных комплексов и ассоциаций растений, не имеющих аналогов в природе.

В то же время под влиянием антропогенной деятельности претерпевают значительную трансформацию городские зооценозы: происходят разрушение мест обитания, снижение биологического разнообразия, изменение динамики популяций выживших видов, возникают и увеличиваются патологические и адаптивные физиолого-биохимические реакции отдельных организмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лукашев К.И., Вадковская И.К.* Эколого-геохимическое изучение биосферы в научных и прикладных аспектах. – Мн., 1989. – 173 с.
2. *Парфенов В.И., Ким Г.А., Рыковский Г.Ф.* Антропогенные изменения флоры и растительности Белоруссии. – Мн., 1985. – 294 с.
3. *Илькун Г.М.* Загрязнители атмосферы и растения. – Киев, 1978. – 246 с.
4. *Техногенное загрязнение лесных экосистем Беларуси* / Под ред. *Е.А. Сидоровича*. – Мн., 1995. – 319 с.
5. *Сапегин Л.М., Дайнеко Н.М., Шейко С.С.* Состояние прибрежно-водной растительности озер города Гомеля // Проблемы геоэкологии и экологическая безопасность городских агломераций: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – Гомель, 1998. – С. 103–107.
6. *Кусенков А.Н.* Биогеографическая оценка городских агломераций – основа для прогнозирования их развития // Проблемы геоэкологии и экологическая безопасность городских агломераций: Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. – Гомель, 1998. – С. 70–73.
7. *Новожилова Н.В.* Особенности фенетической структуры *Lacerta agilis* L. на территориях, испытывающих различные виды хозяйственной нагрузки // Экологической науке – творчество молодых: Материалы II Региональной научно-практической конференции ведущих специалистов, аспирантов и студентов. – Гомель, 2002. – С. 66–67.
8. *Лукьянова Л.Е., Лукьянов О.А.* Методы оценки состояния популяций мелких млекопитающих в условиях техногенного загрязнения среды // Биоиндикация наземных экосистем / ИЭРИЖ УрО АН СССР. – Свердловск, 1990. – С. 50–55.

S U M M A R Y

The current condition of the biocoenoses of the large urban agglomeration of the south-east of Belarus – the city of Gomel – is analysed. The formation of the qualitatively new urban natural-technogeneus environment with specific ecological conditions contributing to the formation of cinantropic complexes and unique plant associations and to considerable transformation of urban zoocoenoses is determined.

Поступила в редакцию 1.11.2004

Действие радиационно-экологических факторов на состояние обмена веществ

В середине 90-х годов прошлого века была сформулирована концепция радиационно-индуцированного атеросклероза [1, 2]. Эта концепция формировалась на основе экспериментальных исследований, показавших возможность развития транзиторных дислиппротеинемий у животных, облученных в дозах 0,25–5,0 Гр. Такие дислиппротеинемии характеризовались накоплением в кровеносном русле липопротеинов низкой плотности (ЛПНП) и уменьшением концентрации липопротеинов высокой плотности (ЛПВП). Неблагоприятное соотношение ЛПНП и ЛПВП (индекс атерогенности) в крови является одним из ведущих факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний (ишемическая болезнь сердца, артериальная гипертензия и их осложнений). Нарушение соотношения этих классов липопротеинов наблюдается также при ожирении, сахарном диабете, заболеваниях щитовидной железы, заболеваниях печени и некоторых нарушениях обмена веществ. Исследование спектра липопротеинов у жителей загрязненных радионуклидами регионов Республики Беларусь выявило два важных эффекта: 1) у практически здоровых жителей повышена частота выявления сниженной концентрации ЛПВП; 2) сердечно-сосудистые заболевания у жителей этих регионов протекают тяжелее и характеризуются более глубокими нарушениями транспорта липидов в кровеносном русле [3]. Дальнейшие исследования показали, что у части лиц, подвергнувшихся радиационно-экологическому воздействию в 1986 году, возможно развитие комплекса симптомов метаболического синдрома X [4, 5]. Одним из основных критериев этого синдрома является изменение спектра липопротеинов сыворотки крови в сторону уменьшения концентрации ЛПВП [6].

Таким образом, изменения обмена веществ при воздействии радиационно-экологических факторов носят проатерогенный характер. В рамках рассматриваемой проблемы радиационно-индуцированного атеросклероза остался нерешенным вопрос о влиянии радиационного воздействия в прошлом на особенности обмена веществ при развитии тех или иных заболеваний. Решение этого вопроса важно для понимания заболеваемости ликвидаторов аварии на ЧАЭС и организации эффективных мер профилактики, лечения и реабилитации этой категории населения Республики Беларусь.

Целью работы была сравнительная оценка биохимических показателей обмена веществ у мужчин, подвергавшихся радиационному воздействию в прошлом (ликвидаторы учетной группы 1.1) и не подвергавшихся такому воздействию (пациенты Республиканского липидного лечебно-диагностического центра метаболической терапии – РЛДЦМТ). Все обследованные лица проживали в г. Витебске и Витебской области и обследовались в интервале 1997–2003 г. Объектом анализа явились следующие биохимические показатели крови: общий холестерол (ОХС), триацилглицеролы (ТГ), холестерол ЛПВП, ЛПНП, глюкоза, билирубин, мочева кислота, гамма-глутамилтрансфераза (ГГТ), индекс атерогенности (ИА). Биохимические показатели определялись с помощью наборов и оборудования фирмы «Кормей-

ДиАна» (пациенты РЛЛДЦМТ) или средств сухой химии с помощью тест-полосок и оборудования фирмы «Роше» (ликвидаторы). Использование средств сухой химии связано с необходимостью бережного расхода материала из уникального банка сывороток крови ликвидаторов. В предварительных исследованиях было показано абсолютное совпадение результатов биохимических исследований с помощью наборов жидких реагентов и тест-полосок. Это видно из анализа контрольных групп пациентов РЛЛДЦМТ и ликвидаторов (см. таблицы 1 и 2). Формирование групп обследуемых лиц производилось на основе классификатора заболеваний МКБ-10. Математико-статистический анализ проводили с помощью пакета программ Microsoft Excel 2000.

Таблица 1

Показатели транспорта липидов

Заболевания	ОХС ммоль/л	ЛПВП ммоль/л	ТГ ммоль /л	ЛПНП ммоль/л	ИА
Ликвидаторы					
АГ, (186)	5,79±0,11 ¹	0,97±0,03 ¹	1,83±0,07 ¹	3,98±0,10 ¹	4,97±0,19 ¹
ИБС, (98)	5,92±0,16 ¹	0,96±0,04 ¹	1,83±0,10 ¹	4,12±0,15 ¹	5,17±0,30 ¹
Ожирение, (166)	5,86±0,23 ¹	0,96±0,03 ¹	2,12±0,12 ¹	3,91±0,11 ¹	5,10±0,20 ¹
Заболевания щитов. железы, (553)	5,86±0,07 ¹	1,00±0,02 ¹	1,60±0,03 ¹	4,12±0,07 ¹	4,86±0,12 ¹
Сахарный диабет, (20)	5,58±0,43	0,79±0,09 ¹	2,84±0,64 ¹	3,50±0,34	6,06±0,64 ¹
Заболевания печени, (202)	5,65±0,12 ¹	0,98±0,03 ¹	1,72±0,07 ¹	3,88±0,10 ¹	4,76±0,19 ¹
Нарушения обмена ве- ществ, (17)	5,90±0,45	1,12±0,13 ²	1,55±0,11 ¹	4,01±0,42 ¹	4,27±0,53 ¹
Контроль	5,13±0,08	1,30±0,04	1,29±0,06	3,19±0,09	2,94±0,14
Пациенты РЛЛДЦМТ					
АГ, (1018)	6,33±0,04 ^{1,3}	1,19±0,01 ^{1,3}	2,62±0,07 ^{1,3}	3,94±0,03 ¹	4,32±0,08 ^{1,3}
ИБС, (1588)	6,41±0,04 ^{1,3}	1,15±0,01 ^{1,3}	2,47±0,04 ^{1,3}	4,12±0,04 ¹	4,57±0,05 ^{1,3}
Ожирение, (13)	6,14±0,28 ¹	1,05±0,05	2,70±0,41 ¹	3,85±0,32 ¹	4,84±0,28 ¹
Заболевания щитов. желе- зы, (10)	6,43±0,36 ¹	1,19±0,13 ¹	2,04±0,40	4,30±0,28 ¹	4,41±0,52 ¹
Сахарный диабет, (45)	6,30±0,33 ¹	1,11±0,05 ^{1,3}	3,72±0,73 ¹	3,48±0,20	4,67±0,73 ¹
Заболевания печени, (74)	5,75±0,19 ¹	1,13±0,04 ^{1,3}	2,34±0,27 ^{1,3}	3,54±0,18 ²	4,09±0,41 ¹
Нарушения обмена ве- ществ, (45)	5,89±0,17 ¹	1,24±0,05	1,96±0,20 ¹	3,77±0,15 ¹	3,75±0,27 ¹
Контроль	5,12±0,09	1,28±0,03	1,42±0,07	3,12±0,09	3,0±0,13

Примечание: ¹ – достоверное отличие (P<0,05) по сравнению с контролем, ² – тенденция (P = 0,1–0,05) по сравнению с контролем; ³ – достоверное отличие по сравнению с аналогичным показателем у ликвидаторов. В скобках указано количество обследованных лиц.

В таблице 1 представлены данные о параметрах транспорта липидов в кровеносном русле обследованных лиц. Установлено, что по сравнению с контролем в крови ликвидаторов при развитии семи групп заболеваний отмечается стереотипная реакция: повышение концентрации общего холестерина за счет холестерина ЛПНП на фоне сниженного содержания холестерина ЛПВП, повышение концентрации триацилглицеролов и величины индекса атерогенности. Наиболее высокое содержание холестерина отмечено при ИБС, ожирении и заболеваниях щитовидной железы. Наиболее низкие концентрации холестерина ЛПВП были найдены у ликвидаторов, заболевших сахарным диабетом. При этой патологии найдены наиболее высокие значения концентрации триацилглицеролов. По величине индекса атерогенности, то есть по риску развития атеросклеротического поражения артерий, заболевшие ликвидаторы расположились в последовательности: сахарный диабет > ИБС > ожирение > артериальная гипертензия > заболевания печени и щитовидной железы > нарушения обмена веществ. Учитывая, что инсулинорезистентность, ожирение и сахарный диабет проявились на фоне гипоальфахолестеролемии (сниженный уровень холестерина ЛПВП) и гипертриацилглицеролемии, можно полагать, что у ликвидаторов, спустя 10 и более лет после аварии на ЧАЭС высока вероятность развития метаболического синдрома X [5, 7].

Состояние транспорта липидов изменялось у пациентов РЛДЦМТ при наличии исследованных групп заболеваний так же, как и у ликвидаторов. Эти изменения включали повышение концентрации общего холестерина за счет холестерина ЛПНП, повышение содержания триацилглицеролов и величин индекса атерогенности, снижение концентрации холестерина ЛПВП.

Анализ таблицы 1 показал, что радиационное воздействие в прошлом оказало определенное влияние на особенности транспорта липидов при развитии заболеваний по сравнению с пациентами РЛДЦМТ: 1) более низкие величины общего холестерина, триацилглицеролов и величин индекса атерогенности при артериальной гипертензии и ишемической болезни сердца; 2) более низкие величины уровня холестерина ЛПВП при артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца, сахарном диабете и заболеваниях печени; 3) более низкая концентрация триацилглицеролов при заболеваниях печени. Такие изменения могут отображать более тяжелое течение названных заболеваний у ликвидаторов аварии на ЧАЭС.

В таблице 2 представлены данные о некоторых важнейших интегральных показателях метаболизма у ликвидаторов и пациентов РЛДЦМТ.

Установлено, что у заболевших ликвидаторов повышен индекс массы тела (ИМТ). У больных артериальной гипертензией, ишемической болезнью сердца, ожирением, заболеваниями щитовидной железы и сахарным диабетом выявлена гипергликемия. Уровень билирубина оказался повышенным только в группе ликвидаторов с болезнями печени. Содержание мочевой кислоты было достоверно выше нормы у больных артериальной гипертензией, ожирением и с различными нарушениями обмена веществ. У большинства ликвидаторов, за исключением группы заболеваний «нарушения обмена веществ», была выявлена повышенная концентрация гамма-глутамилтрансферазы в сыворотке крови.

У пациентов РЛДЦМТ изменения некоторых интегральных показателей метаболизма при развитии заболеваний оказались аналогичными. Наиболее существенные различия касались уровня билирубина и активности гамма-глутамилтрансферазы. Оказалось, что у ликвидаторов, страдающих артериальной гипертензией, ишемической болезнью сердца, ожирением, заболева-

ниями щитовидной железы и нарушениями обмена веществ, повышено содержание билирубина в сыворотке крови в большей степени, чем у пациентов РЛДЦМТ. Кроме того у ликвидаторов, больных артериальной гипертензией, ожирением, сахарным диабетом и заболеваниями печени, найдены более высокие значения активности гамма-глутамилтрансферазы в сыворотке крови по сравнению с пациентами РЛДЦМТ. Эти данные позволяют высказать предположение, что у ликвидаторов аварии на ЧАЭС длительное время сохраняется изменение морфофункционального состояния печени, характеризующееся гипербилирубинемией и гиперферментемией.

Следует также обратить внимание, что у ликвидаторов, страдающих нарушениями обмена веществ и заболеваниями щитовидной железы, индекс массы тела был достоверно ниже, чем у пациентов РЛДЦМТ.

Таблица 2

Некоторые интегральные показатели метаболизма

Заболевание	ИМТ	Глюкоза, ммоль/л	Билирубин, мкмоль/л	Мочевая кислота, мкмоль/л	ГГТ, ед/л
Ликвидаторы					
АГ, (186)	28,43±0,37 ¹	5,55±0,08 ¹	15,29±0,56	378,5±0,90 ¹	65,4±6,62 ¹
ИБС, (98)	27,29±0,52 ¹	5,52±0,14 ¹	15,29±0,73	352,6±9,61	47,7±3,79 ¹
Ожирение, (166)	31,71±0,30 ¹	5,66±0,14 ¹	15,21±0,61	382,2±7,78 ¹	62,2±3,31 ¹
Заболевания щитов. железы, (553)	26,01±0,18 ¹	5,33±0,05 ²	15,60±0,41	339,8±75,61	50,8±3,28 ¹
Сахарный диабет, (20)	29,12±0,91 ¹	8,88±0,67 ¹	13,14±0,79	375,4±22,22	99,9±23,2 ¹
Заболевания печени, (202)	26,90±0,38 ¹	5,27±0,10	17,24±0,69 ¹	348,9±6,78	74,8±7,45 ¹
Нарушения обмена веществ, (17)	25,50±0,89 ¹	5,54±0,27	15,46±1,52	405,3±19,4 ¹	40,5±9,88
Контроль	23,4±0,244	5,11±0,099	14,34±0,627	344,3±8,25	33,3±2,46
Пациенты РЛДЦМТ					
АГ, (1018)	29,05±0,13 ¹	5,62±0,05 ¹	11,14±0,27 ^{1,3}	377,6±3,01 ¹	50,1±1,95 ^{1,3}
ИБС, (1588)	27,59±0,10 ¹	5,61±0,05 ¹	11,94±0,26 ^{1,3}	369,2±2,51 ¹	48,1±0,21 ¹
Ожирение, (13)	35,09±1,75 ¹	5,56±0,28	8,51±0,99 ^{1,3}	439,3±28,0 ¹	45,3±2,23 ^{1,3}
Заболевания щитов. железы, (10)	31,08±1,2 ^{1,3}	5,48±0,11	10,14±1,57 ^{1,3}	384,2±20,7 ²	49,7±11,87
Сахарный диабет, (45)	29,18±0,74 ¹	10,03±0,66 ¹	14,15±1,55	344,0±13,9 ¹	47,0±6,18 ^{2,3}
Заболевания печени, (74)	27,48±0,47 ¹	5,29±0,153	18,42±3,29	373,0±12,4 ²	56,5±6,59 ^{1,3}
Нарушения обмена веществ, (45)	27,8±0,66 ^{1,3}	5,18±0,12	10,19±0,79 ^{1,3}	368,0±18,15	45,3±5,12 ²
Контроль	24,47±0,934	5,25±0,155	15,35±0,092	344,7± 8,45	32,7±3,73

Примечание: см. табл. 1.

Итак, радиационное воздействие в прошлом модифицирует биохимическую картину заболеваний путем уменьшения уровня холестерина ЛПВП, повышения концентрации билирубина и активности гамма-глутамилтрансферазы в сыворотке крови. Такие изменения характеризуют более тяжелое течение заболеваний у ликвидаторов аварии на ЧАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Chirkin A.A.* Gamma-radiation-induced dyslipoproteinemia and accelerated development of atherosclerosis // *Atherosclerosis*, 1994. – Vol. 109, № 1. – P. 134–135.
2. *Чиркин А.А.* Концепция ускоренного развития атеросклероза и радиационно-индуцированные дислиппротеинемии // *Экологический статус загрязненных радионуклидами территорий*. – Мн., 1995. – С. 122.
3. *Чиркин А.А., Цыкунова И.В., Доценко Э.А., Цыбин А.К.* Атеросклероз и радиация. – Гомель, 1999. – 128 с.
4. *Чиркин А.А., Данченко Е.О., Голубев С.А., Калинин А.Л.* Возможность развития метаболического синдрома X у ликвидаторов / В кн.: *Радиация и эндокринная система. Тез. докл. научно-практ. конф.* – Мн., 2001. – С. 80.
5. *Чиркин А.А., Голубев С.А.* Пути оптимизации выявления и наблюдения больных с признаками метаболического синдрома // *Медицинские новости*, 2002, № 10. – С. 23–29.
6. *Чиркин А.А.* Атеросклероз и радиация // *Рецепт*, 2000, № 4(13). – С. 91–94.

S U M M A R Y

Radiating influence in the past modifies a biochemical picture of diseases by reduction of HDL cholesterol level, increases bilirubin concentration and gamma-glutamyltransferase activity in the blood serum. Such changes characterize heavier current of diseases at liquidators of the Chernobyl disaster.

Поступила в редакцию 17.03.2004

О.Д. Строчко

Особенности современного состояния строительства на территории Витебской области*

Бурное экономическое развитие регионов всегда сопровождается значительным увеличением объемов строительных работ. Масштабы развития этого вида деятельности – наиболее объективный показатель состояния хозяйственного комплекса региона в целом.

Строительство – это конечное звено строительно-индустриального комплекса, который к настоящему времени вполне сформировался на территории Витебской области. Продукция строительства технологически завершена и полностью готова к использованию в производстве или быту – это недвижимые объекты. Существуют различные виды строительства – гражданское, производственное, социально-культурное, сельскохозяйственное, транспортное и др. В хозяйственном комплексе области строительство обеспечивает производство 12% продукции. Оно играет существенную роль в укреплении ее материально-технической базы, ускорении социально-экономического развития. Особенности строительства определяются спецификой конечной продукции и характером строительного производства.

За последние годы количество строительных организаций в Витебской области увеличилось, если в 1995 году их насчитывалось 334, то в 2003 году – 402, при этом почти 64,7% из них принадлежат к частной форме собственности. Как правило, это очень небольшие организации, численность работающих в которых не превышает 50 человек, они составляют 58,2% от общего числа строительных организаций, 76,9% предприятий частного сектора и 100% иностранных предприятий (правда, в данной отрасли в области всего 3 предприятия такой формы собственности). До сих пор в области сохраняются два основных вида строительства: подрядный (ведется специализированными строительными организациями по заказам соответствующих предприятий и ведомств) и хозяйственный (осуществляется самими хозяйственными субъектами). Организационными государственной формы собственности выполняется немногим более 38,7% годового объема подрядных строительных работ. В целом годовой объем подрядных работ, выполняемых строительными и ремонтно-строительными организациями области, за последние годы имеет общую тенденцию уменьшения с 1788,8 млрд. руб. в 1995 году до 426,6 млрд. руб. в 2003 году (с учетом деноминации уменьшение в 1000 раз).

Сократился и ввод в действие жилых домов с 633 тыс. м² общей площади в 1990 году до 324,2 тыс. м² в 2003 году, при этом 69,5% вновь построенных площадей приходится на город, однако общий жилой фонд области все же увеличился с 26207,3 тыс. м² общей площади в 1990 году до 29720,3 тыс. м² в 2003 году, увеличивается и метраж общей жилой площади, приходящейся на одного жителя, как на селе, так и в городе: с 22,7 м² до 26,9 м², с 16,0 м² до

* Используются данные Витебского областного статистического управления.

19,8 м² соответственно. Такое положение дел объясняется довольно быстрыми темпами сокращения общей численности населения в области, которые превышают даже темпы замедления строительства.

В 2003 году построено 3,8 тыс. квартир, что в 2,7 раза меньше, чем в 1990 году (10,3 тыс.). К 2003 году резко возросла доля четырехкомнатных и имеющих большее количество комнат квартир, составив 21,2% от всех построенных в году квартир, против 5,7% в 1990 году. Заметно снизилась доля однокомнатных квартир, составив 10,2% против 17,3% в 1990 году. Основная же доля во все годы приходилась на трехкомнатные квартиры (рис. 1).

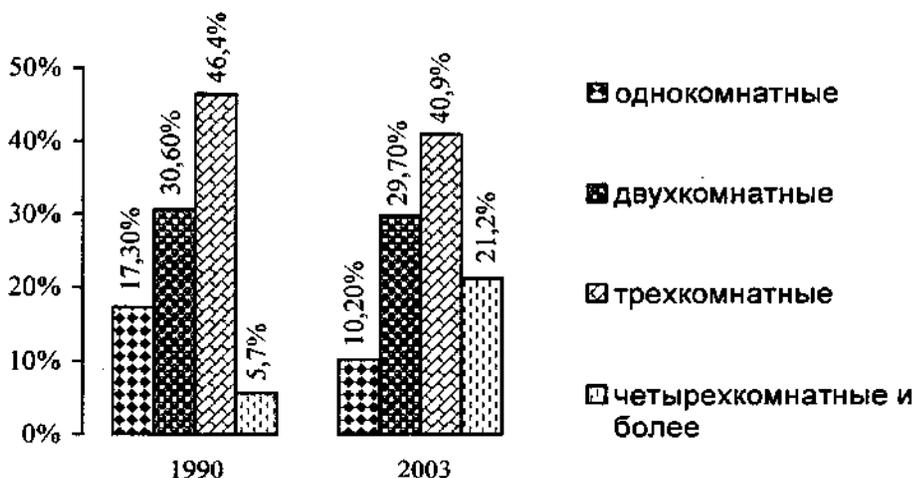

Рис. 1. Структура строительства квартир в 1990 и 2003 гг., %

Сложная ситуация сложилась и с вводом в действие социально-культурных объектов в период с 1990 по 2003 год. Так, начиная с 1999 года, ни на селе, ни в городе не было построено ни одного нового детского дошкольного учреждения, клуба или учреждения клубного типа, на селе с этого года не было построено ни одного амбулаторно-поликлинического учреждения.

Заметно сокращаются объемы строительства производственных объектов. Так, в сельском хозяйстве практически прекращено строительство свиноферм, хранилищ для картофеля и овощей, складов для хранения удобрений, в 17 раз сократились объемы строительства коровников, в 22,7 раза – силосных и сенажных сооружений, ввод в эксплуатацию осушенных земель – почти в 48,8 раза, объемы выполнения культурно-технических работ на сельскохозяйственных угодьях – почти в 267 раз. В промышленности практически прекращен ввод в действие мощностей пищевой и легкой промышленности. Из 2198 объектов, находящихся в незавершенном строительстве, – 1164 производственного назначения, при этом строительство 11,3% из них приостановлено на неопределенный срок. Ввод в действие автомобильных дорог с твердым покрытием сократился катастрофически – почти в 148,2 раза, и это притом, что транзитные услуги являются важным источником дохода для области.

К настоящему времени заметные изменения произошли в соотношении основных источников финансирования строительства: более чем в 5,0 раза увеличилась доля населения, в 1,5 раза – доля местного бюджета, в 4,7 раза – доля иностранных источников, в то время как доля республиканского бюджета уменьшилась почти в 2,3 раза. По-прежнему главными инвесторами в строительство остаются предприятия и организации. Соотношение основных источников финансирования в 2003 году отражает рис. 2.

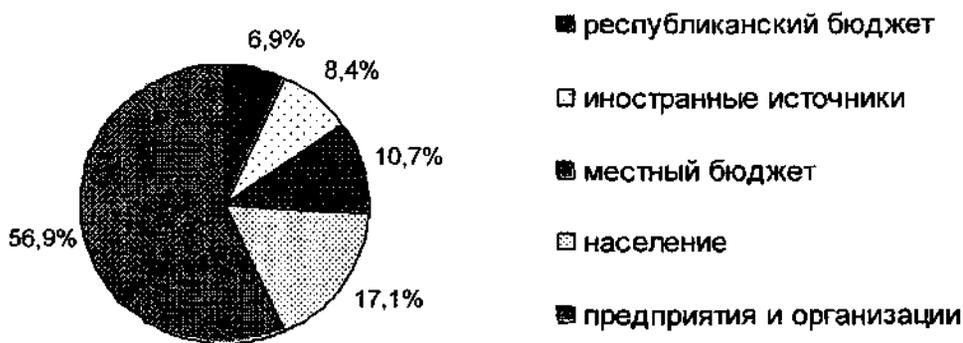

Рис. 2. Источники финансирования строительства, 2003 год

Таким образом, современное состояние капитального строительства Витебской области можно охарактеризовать как кризисное, более 22,0% предприятий отрасли убыточны. Основные причины заключаются в потере управляемости отраслью, отсутствии экономических регуляторов инвестиционного процесса, постоянном росте цен на строительную продукцию, что является результатом лавинообразного повышения цен на материалы и оборудование, прогрессирующим отставанием развития материально-технической базы отрасли.

Однако, по нашему мнению, у строительства Витебской области, несмотря ни на что, есть неплохие перспективы для развития, которые определяются постепенным увеличением частных форм производства в ее хозяйственном комплексе, изменением специализации экономики центральных и западных частей области – ускоренное развитие здесь рекреационной деятельности, далеким от насыщения внутренним рынком жилищно-бытового строительства, относительно хорошо развитой собственной промышленностью по производству основных строительных материалов.

Кроме того, для потребностей строительства в Витебской области налажена система подготовки кадров в профессионально-технических училищах и средних специальных учебных заведениях. Здесь готовятся кадры строителей различной квалификации.

Проектированием строительства в области занимаются не только государственные, но и частные организации. Наиболее крупные разработчики строительных проектов: Архпо, Белорусский государственный проектный университет, Витебксельстройпроект, комплексная проектная мастерская, творческая мастерская члена Белорусского союза архитекторов А.В. Ильинова. Этими организациями выполняется проектно-сметная документация объектов промышленного и гражданского строительства, изыскательных работ, переоборудования помещений, дизайн внутреннего содержания зданий, проектные работы по индивидуальным застройкам, экологическое обследование предприятий, разработка проектов природоохранных мероприятий.

Однако наращивание объемов строительства на Витебщине невозможно без коренного перелома сложившейся кризисной ситуации в ее хозяйственном комплексе в целом, выработки экономически обоснованных четких направлений его реформирования, выбора приоритетов хозяйственной деятельности на конкретном этапе развития.

S U M M A R Y

The article gives a full characteristic of the process of modern building in Vitebsk region and describes its problematic issues.

Поступила в редакцию 17.10.2003

Семья в системе оценок юношей и девушек

Семья как система представляет собой не группу отдельных индивидов, а единое целое, организм, в составе которого выделяют три основные подсистемы: супружескую, родительскую и сиблинговую (А.Я. Варга, 2001). Родительская подсистема может включать в себя отца, мать и ребенка (одного из родителей, если семья неполная), может включать и членов расширенной семьи или членов сообщества (Дж. Браун, Д. Кристенсен, 2001), однако родители (родитель) и ребенок являются основными ее элементами. Родительская подсистема объединяет в себя паттерны взаимодействия, которые обычно описывают понятием «стиль родительского отношения». Он представляет собой обобщенные, характерные, ситуативно неспецифические способы общения данного родителя с данным ребенком, это образ действия по отношению к ребенку (Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / Под. ред. Е.Г. Силаевой, 2002).

Советская (и отечественная) психологическая наука рассматривает детско-родительские отношения как особый тип деятельности (А.А. Бодалев, 2002), в значительной степени определяющий направленность и характер развития ребенка (М.И. Лисина, 2001),

Рассматривая детско-родительские отношения как особый тип деятельности, можно отнести к ним и положение С.Я. Рубинштейна о том, что в регуляции деятельности важное значение имеет ее оценка субъектом деятельности. Именно характер этой оценки (положительный или отрицательный) может направлять деятельность в ту или иную сторону, и, в конечном итоге, воздействовать на личность в целом (С.Я. Рубинштейн, 2003).

Категория «оценка» предполагает наличие критериев, единиц измерения, которые в процессе сравнения, анализа и синтеза служат отправной точкой для вынесения суждений о сходстве и различии объектов, уровне развития явления, а также позволяет соотносить отстоящие друг от друга объекты и социальные явления (В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша, 2001).

Опираясь на положение Д. Бомрид (У. Диксон, 2004) о том, что у матерей и отцов наиболее важные характеристики практикуемого родительского стиля очень похожи, мы предположили, что существует связь между оценкой семьи юношами и девушками и их оценками матери и отца.

Нами был использован метод семантического дифференциала, разработаны и апробированы шкалы, позволяющие представить коннотационное значение таких понятий, как «семья», «мать», «отец». Их подробное описание представлено в наших работах [1–3]. Особенностью семантического дифференциала есть то, что он пригоден для определения численной величины сравнительной симпатии/антипатии к предложенному объекту. Для этого достаточно посчитать среднюю по всем шкалам оценку данного объекта данным испытуемым (В.А. Ядов, 1986). В качестве испытуемых было отобрано 127 юношей и 130 девушек из полных семей, которым был предложен бланк, содержащий шкалы семантического дифференциала, и дана следующая ин-

струкция: «Прочитав каждую шкалу, отметьте знаком «+» свое мнение о выраженности данного признака у вашей семьи, отца и матери».

Были получены оценки семьи, отца, матери и в соответствии с числом переменных было вычислено три коэффициента множественной корреляции: а) оценка семьи одновременно с оценкой отца и матери; б) оценка отца одновременно с оценкой семьи и матери; в) оценка матери одновременно с оценкой семьи и отца. Результаты приведены в таблице.

Таблица

Значение коэффициентов множественной корреляции между оценками семьи, отца и матери у юношей и девушек

Параметры множественной корреляции	Юноши	Девушки
Оценка семьи одновременно с оценкой отца и матери	0,85	0,83
Оценка отца одновременно с оценкой семьи и матери	0,80	0,70
Оценка матери одновременно с оценкой семьи и отца	0,64	0,71

Все коэффициенты множественной корреляции значимы на уровне $p < 0,01$.

Возможна следующая интерпретация полученного результата: оценка каждого из объектов (семьи, отца и матери) в юношеском возрасте детей взаимосвязана с оценками двух других объектов и оказывает на них существенное влияние.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Девярых С.Ю.** Оценочные эталоны матери в юношеском возрасте // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур. Материалы междунар. науч.-теоретич. конференции. – Витебск, 2003. – С. 365–367.
2. **Девярых С.Ю.** Оценочные эталоны отца у юношей и девушек // Актуальные проблемы гармонизации социально-трудовых отношений. Материалы VI Международной науч.-практич. конференции. – Витебск, 2003. – С. 33–37.
3. **Девярых С.Ю.** Современная семья в оценочных эталонах юношей и девушек // Человек в окружающем мире: сущность и проблемы глобализации. Сб. ст. по материалам междунар. науч. семинара. – Витебск, 2004. – С. 136–141.

S U M M A R Y

The results of the experimental studying of the interrelation between the family, father and mother estimation of teenagers are given in the article. The method of multicorrelation is used.

Поступила в редакцию 20.12.2004

Аб праблеме бежанцаў у Рэспубліцы Беларусь

Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны і стварэння ААН рэгуляванне міжнародных палітычных міграцый становіцца аб'ектыўнай неабходнасцю, і ў 1951 годзе прымаецца «Канвенцыя аб статусе бежанцаў», дапоўненая пазней Пратаколам 1967 года. У адпаведнасці з гэтымі міжнароднымі прававымі актамі ўстанаўліваюцца 4 асноватворныя адзнакі, неабходныя для атрымання статусу бежанца:

1. Знаходжанне за мяжой сваёй радзімы.
2. Нежаданне, а таксама немагчымасць атрымаць абарону ад урада краіны пражывання або нежаданне вяртацца на радзіму.
3. Дакладна абгрунтаваны страх і матывы пераследавання.
4. Само паняцце матываў пераследавання па адзнаках расы, веравызнання, нацыянальнасці або палітычных поглядаў [1–3].

Такім чынам, бежанец – гэта асоба, якая не з'яўляецца грамадзянінам дадзенай краіны і прыбывае на тэрыторыю іншай дзяржавы ў выніку насілля, што здзяйсняецца ў адносінах да яе, або пераследавання па адзнацы расавай ці нацыянальнай прыналежнасці, веравызнання, мовы, а таксама па палітычных перакананнях. Калі такая асоба перамяшчаецца ўнутры краіны – ужываецца тэрмін «вымушаны перасяленец».

На сённяшні дзень у Рэспубліцы Беларусь створаны асноўныя ўмовы для эфектыўнага рэгулявання працэсаў міграцыі. Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь вызначана (арт. 11), што замежныя грамадзяне і асобы без грамадзянства на тэрыторыі Беларусі карыстаюцца правамі і свабодамі і выконваюць абавязкі нароўні з грамадзянамі Рэспублікі Беларусь, калі іншае не вызначана Канстытуцыяй, законамі і міжнароднымі пагадненнямі (арт. 12). Рэспубліка Беларусь можа даваць права прытулку асобам, якія адчуваюць ганенні ў іншых дзяржавах за палітычныя, рэлігійныя перакананні або нацыянальную прыналежнасць.

Сёння ў рэспубліцы сфарміравана міграцыйнае заканадаўства, якое ўключае Законы «Аб прававым становішчы замежных грамадзян і асоб без грамадзянства ў Рэспубліцы Беларусь», «Аб іміграцыі», «Аб знешняй працоўнай міграцыі», «Аб бежанцах». Выконваюцца мерапрыемствы Дзяржаўнай міграцыйнай праграмы на 2001–2005 гг.

Рэспубліка Беларусь цалкам падзяляе агульнапрызнаныя міжнароднай супольнасцю прынцыпы вырашэння праблем міграцыі і актыўна ўдзельнічае ў міжнародных мерапрыемствах па ўрэгуляванні міграцыйнай сітуацыі. У маі 2001 г. Рэспубліка Беларусь ратыфікавала Канвенцыю 1951 г. аб статусе бежанцаў і Пратакол 1967 г., які датычыцца статусу бежанцаў. У сувязі з гэтым была падрыхтавана новая (трэцяя) рэдакцыя Закона Рэспублікі Беларусь «Аб бежанцах», якая была прынята ў студзені 2003 г. Новы Закон «Аб бежанцах» адпавядае патрабаванням міжнароднага права. Названымі нарматыўнымі актамі вызначаны парадак рэгулявання міграцыйных працэсаў, паўнамоцтваў і задач органаў дзяржаўнай улады па кіраванні міграцыяй.

З 1997 г. у Рэспубліцы Беларусь функцыяніруе сістэма органаў дзяржаўнай міграцыйнай службы, якая ўключае ў сябе: Дэпартамент па грамадзянстве і

міграцыі МУС Рэспублікі Беларусь (да 2004 г. існаваў Камітэт па міграцыі пры Міністэрстве працы і сацыяльнай абароны РБ), Упраўленне па грамадзянстве і міграцыі ГУУС Мінгарвыканкама і УУС аблвыканкамаў. У саставе Дэпартаменту функцыяніруе Упраўленне па знешняй працоўнай міграцыі, бежанцах і прыстанішчы.

Тэрытарыяльныя органы па міграцыі праводзяць прыём іншаземцаў, якія хадайнічаюць аб прызнанні бежанцамі, і рэгіструюць іх хадайніцтвы; выдаюць іншаземцам часовыя пасведчанні аб рэгістрацыі хадайніцтваў аб прызнанні бежанцамі, разглядаюць зарэгістраваныя хадайніцтвы і рыхтуюць па іх заключэнні. За перыяд дзеяння Закона РБ «Аб бежанцах» у тэрытарыяльныя органы звярнуліся 2500 іншаземцаў.

Зараз (на 1.11.2004 г.) у Рэспубліцы Беларусь 735 іншаземцаў прызнаны бежанцамі. Па стане на 1 ліпеня 2003 г. у Рэспубліцы Беларусь пражывала 630 бежанцаў, з іх 40% – жанчыны, 36,1% – непаўналетнія, звыш 60% – працаздольнага ўзросту, 209 бежанцаў мелі вышэйшую і сярэднюю спецыяльную адукацыю. З прызнаных бежанцамі ў апошнія гады ільвіную долю (531 чалавек) складаюць выхадцы з Афганістана, далей – з Грузіі (105), Таджыкістана (28), Эфіопіі (28), Азербайджана (27). Ёсць таксама жыхары Ірана, Ірака, Індыі, Камеруна і іншых краін свету. Найбольшая колькасць пражывае ў г. Мінску і Мінскай вобласці – 339 і 135 адпаведна, у Гомельскай вобласці пражываюць 97, Віцебскай – 26, Магілёўскай – 20, Брэсцкай – 9, Гродзенскай – 4 чалавекі (на 2003 г.).

Да гэтага часу ў рэспубліцы знаходзяцца ў складаным стане справы з рэгістрацыяй прызнаных бежанцамі, асабліва ў г. Мінску. Па стане на 1 ліпеня 2003 г. 389 чалавек маюць пасведчанне на права жыхарства, 93 – часовую рэгістрацыю, без рэгістрацыі пражываюць 148 чалавек, з іх асноўная маса ў г. Мінску. Многія сем'і бежанцаў, нягледзячы на ільготную норму для прапіскі, не могуць самастойна вырашыць пытанні свайго пасялення. З-за адсутнасці прапіскі ў бежанцаў узнікаюць праблемы з працаўладкаваннем, доступам да паслуг аховы здароўя і нацыянальнай сістэмы адукацыі. Але трэба адзначыць, што некаторыя бежанцы, якіх пасялілі ў інтэрнаты на тэрыторыі горада Мінска, дзякуючы фінансавай падтрымцы УВКБ ААН, усё ж аформілі пасведчанне на права жыхарства і атрымалі магчымасць вырашыць пытанне аб сваім працаўладкаванні, у тым ліку пры дапамозе Мінскай гарадской службы занятасці. Разам з тым амаль трэць бежанцаў, якія знаходзяцца на ўліку ў Мінскай гарадской міграцыйнай службе, з'яўляюцца шматсямейнымі і пражываюць без рэгістрацыі, не жадаючы перасяліцца ў іншую мясцовасць у адпаведнасці з квотамі прыёму бежанцаў, зацверджанымі ўрадам (у цяперашні час рэспубліка адмовілася ад квоты на пасяленне бежанцаў, захоўваючы толькі квоту на іх рэгістрацыю).

Востра стаіць праблема занятасці прызнаных бежанцамі. Многія з іх з-за аб'ектыўных прычын неканкурэнтаздольныя на нацыянальным рынку працы. З 392 бежанцаў у працаздольным узросце працуюць па найме 53, займаецца прадпрымальніцкай дзейнасцю 61 чалавек, г.зн. 15% бежанцаў маюць даходы ад уласнага бізнесу і 15% атрымліваюць рэгіструемыя даходы ад работы па найме. У Гомельскай, Брэсцкай, Гродзенскай, Магілёўскай, Віцебскай абласцях ад 74 да 55% бежанцаў самастойна зарабляюць сродкі для існавання. У г. Мінску і Мінскай вобласці працаўладкаваны толькі 10% бежанцаў. Мінская абласная міграцыйная служба ў свой час неаднаразова прадпрымала спробы вырашыць пытанне працаўладкавання бежанцаў у калгасах і саўгасах Мінскай вобласці. Аднак і па сённяшні дзень не ўдалося ажыццявіць ніводнага праекта, звязанага з працаўладкаваннем і перасяленнем бежанцаў у сельскую мясцовасць, паколькі бежанцы, будучы

галоўным чынам гараджанамі, у сваёй аснове не гатовы да працы ў сельскай гаспадарцы ў якасці механізатараў або жывёлаводаў. Асабліва гэта датычыцца бежанцаў з краін Азіі і Афрыкі. Праблемы працаўладкавання бежанцаў у Рэспубліцы Беларусь ускладняюцца і тым, што іх асноўная маса страціла свае папярэднія прафесійныя навыкі і ўменні і для працаўладкавання патрабуецца іх прафесійная перакваліфікацыя.

Акрамя таго, большасць інашаземцаў, якія атрымалі на тэрыторыі нашай рэспублікі статус бежанцаў, маюць значныя сацыяльна-культурныя адрозненні ў параўнанні з РБ, і гэта безумоўна абцяжарвае іх інтэграцыю ў соцыум новай для іх краіны, параджае ў значнай меры праблемы недаверу і напружанасці ў месцах працаўладкавання і пражывання з грамадзянамі нашай краіны.

Органы па міграцыі змаглі ажыццявіць шэраг праектаў, звязаных з пасяленнем асоб, прызнаных бежанцамі. Пры фінансавай падтрымцы УВКБ ААН быў зроблены неабходны рамонт і добраўпарадкаванне жылых памяшканняў, што выдзяляліся мясцовымі выканаўчымі і распарадчымі органамі для пасялення бежанцаў у г. Пінску Брэсцкай вобл., г. Лёзна Віцебскай вобл., г. Мінску, г. Лагойску і г. Стоўбцы Мінскай вобл. У выніку рэалізацыі праектаў было паселена 24 чалавекі, у тым ліку 5 сем'яў і 4 чалавекі з ліку дзяцей-сірот. У г. Віцебску адчынены пункт часовага размяшчэння асоб, якія хадайнічаюць аб прызнанні бежанцамі, на 30 месцаў. У адпаведнасці з існуючым заканадаўствам усе дзеці-бежанцы, у залежнасці ад жадання бацькоў, атрымліваюць адукацыю у сярэдніх навучальных установах, наведваюць дзіцячыя дашкольныя ўстановы. У Рэспубліцы Беларусь у адпаведнасці з заканадаўствам рэалізуецца права бежанцаў на сацыяльную абарону, у тым ліку на сацыяльнае забеспячэнне, гэта права рэалізуецца ў той ці іншай ступені ва ўсіх рэгіёнах рэспублікі.

Аднак для вырашэння праблемы бежанцаў у РБ патрабуюцца дадатковыя намаганні дзяржаўных органаў, якія займаюцца праблемамі міграцыі. Найбольш складанай праблемай з'яўляецца пасяленне асоб, якія шукаюць прыстанішча, і бежанцаў, паколькі Рэспубліка Беларусь не можа (па эканамічных прычынах) даваць ім жыллё.

Відавочна, што вырашэнне пытанняў адаптацыі і сацыяльнай інтэграцыі імігрантаў на тэрыторыі нашай рэспублікі можна станоўча вырашаць толькі пры фінансавай і іншай дапамозе міжнародных арганізацый, таму неабходна высока ацаніць адпаведную дапамогу з боку УВКБ ААН, Службу па кансультаванні бежанцаў Беларускага руху медыцынскіх работнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. **Загорец М.В.** Миграция населения и иммиграционная политика. – Мн., 2000.
2. **Материалы Департамента по гражданству и миграции МВД РБ.**
3. **Материалы международного семинара «Система защиты беженцев и предоставления убежища в РБ».** – Мн., 24–26 сентября 2003 г.

S U M M A R Y

Some aspects of a refugee problem and legislative base which regulates the processes of the compelled migration in the Republic of Belarus are considered. The estimation of scales and geography of the compelled migration in Belarus is given, the problems of adaptation and integration of foreign citizens in the social and economic environment of the country are shown.

Поступила в редакцию 8.12.2004

В.И. Гидранович, А.А. Лесович

Сахаровские чтения

20–21 мая 2005 г. в Минске на базе Международного государственного экологического университета имени А.Д. Сахарова проходила 5-я международная научная конференция «Сахаровские чтения 2005 года: экологические проблемы XXI века». Университет образован 20 января 1992 года постановлением Правительства Республики Беларусь по рекомендации I Международного конгресса памяти А.Д. Сахарова (Москва, май 1991 г.) при поддержке Организации Объединенных Наций, который является базовым учреждением образования Республики Беларусь по подготовке специалистов экологического профиля по 3-м направлениям, 5-ти специальностям, 21-й специализации.

Традиционно конференция «Сахаровские чтения» проводится в день рождения выдающегося ученого. Конференцию открыл ректор МГЭУ им. А.Д. Сахарова профессор С.П. Кундас. С приветственным словом выступили: первый заместитель министра образования Республики Беларусь, профессор А.И. Жук, заместитель председателя Комитета по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС при Совете министров Республики Беларусь В.Е. Шевчук и председатель Международного попечительского комитета МГЭУ им. А.Д. Сахарова, профессор Мюнхенского университета (Германия) Э. Ленгфельдер. В конференции приняли участие представители 11 стран мира, причем шести – из дальнего зарубежья (Великобритании, Германии, США, Франции, Словакии, Австрии) и пяти – из ближнего зарубежья (Беларуси, России, Украины, Литвы, Кыргызстана). В результате было отобрано 225 устных докладов и 171 стендовый. На пленарном заседании рассмотрены актуальные экологические проблемы. Наибольший интерес вызвали содержательные доклады, представленные А.Б. Мискевич, А.И. Тимощенко «Творческое наследие А.Д. Сахарова», В.Е. Шевчук, В.Л. Гурчевским, О.М. Луговской, И.Я. Поплыко «Научное обеспечение преодоления последствий Чернобыльской аварии в Республике Беларусь: состояние и перспективы», В.Ф. Логиновым «Уязвимость и адаптация различных отраслей хозяйственной деятельности к изменяющемуся климату». По окончании пленарного заседания состоялась демонстрация документального фильма «Чернобыльские джунгли», снятого в зоне отчуждения. Фильм представил режиссер Игорь Бышнеу.

Дальнейшая работа конференции осуществлялась по шести секциям: 1. Социально-экологические проблемы в свете гуманистических идей А.Д. Сахарова. Экологическое образование. 2. Медицинская экология. 3. Биозкология. 4. Радиоэкология. Экологический мониторинг. 5. Новые информационные системы и технологии в экологии. 6. Экоприоритетная энергетика. Менеджмент в экологии.

Конференция носила творческий научный характер, способствовала обмену опытом, установлению профессиональных контактов, и нам было приятно представлять на секции «Биозкология» кафедру химии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

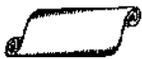
«Твой славен юбилей...» (к 60-летию Казанской консерватории)

С 25 по 28 мая 2005 года в Казани проходил расширенный Ученый совет-фестиваль Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова, посвященный 60-летию КГК и 1000-летию Казани. Главной темой форума было «Исполнительская и просветительская деятельность выпускников Казанской консерватории второй половины XX века и начала III тысячелетия». На Ученом совете присутствовали более 500 участников, выпускников казанского вуза из многих регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Мне довелось быть единственным представителем выпускников своей альма-матер из Беларуси. В программе Казанского форума были представлены все жанры музыкального исполнительства: хоровой (худ. рук. проф. В. Лукьянов), вокальный (проф. З. Сунгатуллина), органнй и клавишинный (проф. Р. Абдуллин), оперной студии (проф. В. Васильев), струнный камерный оркестр (проф. В. Афанасьев), симфонический оркестр (проф. Т. Бабаджанов), духовой оркестр (проф. Ю. Самарский), оркестр народных инструментов (доц. Г. Мухаметдинова), национальный оркестр татарской музыки (проф. Р. Халитов), ансамбль новой музыки (доц. А. Гулишамбарова).

На протяжении форума обращалось особое внимание на стилистику и интерпретацию классической и народной музыки в исполнении студентов, преподавателей и выпускников консерватории. Апофеозом расширенного Ученого совета Казанской государственной консерватории явилось редкое в Европе исполнение оратории И.С. Баха «Страсти по Иоанну» хором студентов (худ. рук. проф. В. Лукьянов), хором оперной студии (худ. рук. доц. М. Таминдарова) и солистов Ольги Кондиной (Мариинский театр, С.-Петербург), Елены Рубин (Академический театр им. М.П. Мусоргского), Эндрю Гудвина (Австралия), Винсента Хааба (Германия), Вячеслава Луханина (Мариинский театр, С.-Петербург), Андреаса Вагнера (Германия), Ольги Майоровой (клавесин) и Рубина Абдуллина (орган) из Казани (руководитель этого проекта и дирижер Лео Кремер (Германия). Завершением юбилейного форума Казанской государственной консерватории явилось выступление парада оркестров КГК (худ. рук. проф. Ю. Самарский) и Казанского военного гарнизона (худ. рук. нар. арт. РФ А. Липатов), которые исполнили увертуру из оперы «Лознгрин» Р. Вагнера.

Ученый совет-фестиваль был насыщен посещением государственных экзаменов по разным специализациям и проведением мастер-классов выпускниками консерватории. Задачей проведения занятий со студентами являлась тема «Инновации в музыкально-эстетическом воспитании и образовании подрастающего поколения». Мне была предоставлена возможность проводить мастер-класс со студентами дирижерско-хорового факультета по методике «Мастацтва харавых спеваў», разработанной мною и применяемой при обучении студентов педагогического факультета нашего университета по специализации «Музыка и пение». На заключительном Ученом совете-фестивале были вручены памятные юбилейные медали выпускникам, отличившимся своей активной практической и научной деятельностью и продолжающим традиции профессиональной казанской музыкальной школы. Для меня было великой честью также получить данную награду.

Прошедший форум подвел итоги огромнейшей и всеохватывающей деятельности выпускников Казанской консерватории, побудив их к дальнейшей высокопрофессиональной работе.

ИСТОРИЯ ФИЗИКИ В ВОПРОСАХ И ЗАДАЧАХ: Пособие для учителей учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования / С.В. Позойский, И.В. Галузо. – Мн.: Выш. шк., 2005. – 270 с.: ил. Тир. 3000 экз.

Исторический подход в преподавании физики состоит в том, что факты из биографий ученых, ознакомление с их научной деятельностью, взглядами, интересами, убежденностью при отстаивании своих идей, поисками путей познания истины позволяют показать учащимся в обобщенной форме процесс формирования научных понятий, законов и теорий, выявить конкретные причины заблуждений в историческом развитии физики.

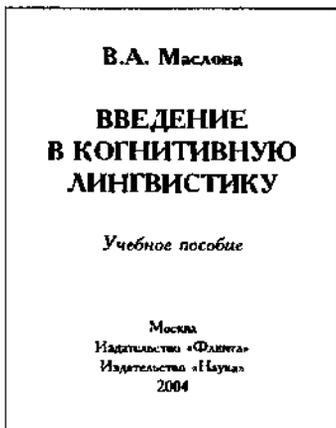
Вопросы истории физики, представленные в данном пособии, авторы постарались максимально связать с учебной программой, изложить в форме, доступной для понимания учащихся. Каждый из приведенных в задачах фактов рассматривался, прежде всего, с точки зрения актуальности для современного состояния физики. Базу исторического материала, включенного в задачи, составили те вопросы истории, которые обеспечивают раскрытие эволюции важнейших идей физической науки (атомизм, корпускулярно-волновой дуализм, относительность и др.). В указателе имен даны краткие сведения о 179 персоналиях,

встречающихся в условиях задач или ответах к ним.

Пособие предназначено для учителей физики. Оно может быть использовано учащимися школ, лицеев, гимназий, техникумов, а также студентами вузов при изучении общего курса физики, методики преподавания физики в школе и истории физики.

Ю.В. Трубников

ВВЕДЕНИЕ В КОГНИТИВНУЮ ЛИНГВИСТИКУ: Учебное пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с. Тир. 1000 экз.

Книга содержит актуальные знания по когнитивной лингвистике, направлению науки, родившемуся на рубеже тысячелетий. В книге систематизированы и объяснены основные понятия и задачи когнитивной лингвистики.

Важнейшим объектом исследования в когнитивной лингвистике является концепт. Это ментальная сущность, которая имеет имя в языке и отражает культурно-национальное представление человека о действительности.

В пособии представлены категории культуры, которые заложены в концептах: пространство, время и число, правда и истина, дружба и радость и др.; часть из них были описаны ранее Ю.С. Степановым, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.Н. Телия, А.Д. Шмелевым и др. лингвистами,

но есть и такие, которые впервые предлагаются в качестве концептов культуры автором пособия: туманное утро, зимняя ночь, будущее и др.

Для широкого круга филологов – преподавателей, аспирантов, студентов-исследователей и представителей других гуманитарных профессий.

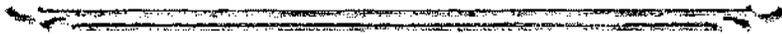
А.И. Сивицкий

В честь 60-летия Великой Победы, кроме традиционного чествования бывших и сегодняшних преподавателей и сотрудников университета – ветеранов Великой Отечественной войны – вуз организовал для них поездку на Курган Славы и в мемориальный комплекс «Хатынь». Также в рамках юбилейных торжеств прошли конференции и концерт военно-патриотической песни.

Профессорско-преподавательский состав, студенты и сотрудники университета поддержали инициативу ректора профессора А.В. Русецкого о строительстве памятника в честь студентов и преподавателей, погибших во время второй мировой войны. Макет будущей композиции обсуждался на заседаниях ректората и Совета университета, был проведен добровольный сбор денежных средств на его строительство. Шефство над реализацией данного проекта взяла на себя университетская организация БРСМ.

А.Н. Фенченко

5 мая в нашем университете состоялась Республиканская научная конференция «I Машеровские чтения», посвященная 60-летию Победы над фашистской Германией. Инициаторами ее проведения стали студенты, аспиранты и молодые ученые Витебского госуниверситета. Этот почин к развитию молодежной науки был одобрен ректором университета профессором, доктором исторических наук А.В. Русецким, проректором по научной работе профессором, доктором физико-математических наук Г.И. Михасевым. Конференция такого масштаба стала возможна благодаря высокому уровню развития молодежной науки, высокой квалификации специалистов университета. Положение об организации и проведении «I Машеровских чтений» утверждено на Совете университета. Непосредственной подготовкой конференции занимался научно-исследовательский отдел, руководитель НИРС университета доцент, кандидат психологических наук О.Е. Антипенко.

На участие в конференции были представлены более 700 научно-исследовательских работ из разных вузов республики. Наибольшее количество заявок поступило из Белорусского государственного университета, Минского государственного университета имени М. Танка, Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Полоцкого государственного университета. Работы отбирались и рецензировались на соответствующих кафедрах. В результате подготовлены материалы конференции, в которые вошли 370 работ студентов, аспирантов, молодых ученых, из них 220 проектов представителей нашего университета, 150 – участников из других вузов республики. Издание состоит из трех частей: первая посвящена естественно-математическим, вторая – гуманитарным, третья – педагогическим наукам.

Работа проходила по 24 секциям, охватывающим все научные направления естественных и гуманитарных наук. «I Машеровские чтения» помогли не только активизировать научно-исследовательскую и практическую деятельность одаренной молодежи, но и способствовали ее идеологическому и патриотическому воспитанию.

О.Е. Антипенко

5–6 мая 2005 г. в рамках Недели исторического факультета Центром сравнительных исторических исследований (ЦСИИ) проводилась международная научно-теоретическая конференция «Европа во второй мировой войне: уроки, история, современность», посвященная 60-летию Победы над германским фашизмом. Конференция вызвала большой интерес у историков республики, ближнего и дальнего зарубежья. Всего на нее было заявлено 104 доклада, авторами которых являются видные ученые из высших учебных заведений и научных центров Беларуси, России, Украины и Польши. Организаторами выступили кафедра всеобщей истории и мировой культуры и Центр сравнительных исторических исследований.

За 2 дня работы секций и на пленарном заседании были обсуждены проблемы, связанные с историей и уроками второй мировой войны. Серьезное внимание ученые уделили Великой Отечественной войне, жертвам фашизма на белорусской земле. В ходе дискуссий участники конференции еще раз вернулись к мотивам и причинам, вызвавшим вторую мировую войну, а также обсудили варианты превентивных мер, которые должны предприниматься мировым сообществом, правительствами и народами по недопущению нового глобального военного конфликта и локальных войн.

По материалам конференции издан сборник, куда вошли все доклады ее участников, в том числе историков из Института всеобщей истории и Института российской истории Российской академии наук (РАН, г. Москва). Свидетельством интереса к международной конференции, посвященной Дню Великой Победы, является также участие в этом научном форуме заместителя главы миссии ОБСЕ в Республике Беларусь господина В.Г. Абаджяна и представительной делегации из г. Гожув Великопольски (Польша).

В.А. Космач

9 апреля наш университет посетили директор Шведского института культурного туризма в Норрчепинге Арне Эллефорс и представитель администрации острова Готланд Ленарт Эдланд. До этого гости побывали в Даугавпилсе и Полоцке. Состоялись их встречи с руководством Витебского горисполкома и облисполкома.

Целью пребывания шведской делегации в нашем регионе стала разработка проекта сотрудничества с Витебщиной в области культуры, образования и туризма. Планируется участие в этом проекте Швеции, Беларуси и Латвии (Готланд – Витебск – Полоцк – Даугавпилс).

Первым шагом для разработки конкретных программ в рамках этого проекта стал творческий семинар, который состоялся в Полоцке в конце мая. В нем приняли участие представители органов власти, общественных организаций, бизнеса, университетов. Наш вуз на этом семинаре представлял декан исторического факультета доктор исторических наук, профессор В.А. Космач.

На встрече шведских гостей с представителями нашего университета (ректором, профессором А.В. Русецким, проректором по учебной работе Т.Г. Алейниковой, деканами исторического и филологического факультетов В.А. Космачем и Л.М. Вардомацким) отмечалось, что в рамках осуществления проекта возможно подписание договора о сотрудничестве Готландского университета и ВГУ.

Ректор А.В. Русецкий рассказал гостям об истории нашего вуза и его сегодняшнем дне. Шведская делегация посетила музей истории университета, библиотеку, некоторые учебные лаборатории.

Ф.И. Шкирандо

15–16 апреля на базе юридического факультета нашего университета проходила республиканская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы государства и права Беларуси».

Обмен мнениями по целому ряду вопросов состоялся в шести секциях. Тематика докладов касалась историко-правовых и международно-правовых аспектов, актуальных проблем уголовного, гражданского и трудового права, коллизий нормативных актов и совершенствования законодательства.

Участники конференции – профессора и преподаватели ведущих государственных вузов и частных учреждений образования Республики Беларусь, а также судьи, прокуроры и иные специалисты-правоведы из Минска, Гомеля, Гродно, Могилева, Бреста, Смоленска, Новополоцка, Лиды, Горок, Барановичей.

Особое внимание было уделено проблемам международного регулирования оффшорного бизнеса, изучению опыта нидерландско-бельгийского уголовного процесса и т. д.

А.Н. Фенченко

12 апреля в нашем университете прошел межвузовский семинар «Современные информационные технологии в образовании». Активное участие в нем принял Минский филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики. В ходе выступлений ректора профессора А.В. Русецкого, директора филиала МЭСИ профессора С.Н. Мальченко и других участников обсуждались вопросы управления информационными технологиями в современном вузе, создания и внедрения в учебный процесс электронных курсов и мультимедийных учебников.

Важное место было отведено рассмотрению состояния и перспектив развития материально-технической базы информационных технологий, обеспечению возможностей дистанционного и дополнительного обучения.

Интерес слушателей вызвали сообщения о конкретных компьютерных разработках кафедр и их роли в развитии творческих способностей студентов, обеспечении самостоятельной работы.

Значительное место заняли вопросы управления качеством образовательного процесса в вузе, создания системы менеджмента качества. В ходе семинара обсуждены вопросы совместного сотрудничества вузов по расширению образовательной деятельности, совместной разработке учебно-методического обеспечения курсов на современном этапе.

А.П. Лазебная

А.П. Орлова

(к 50-летию со дня рождения)

24 мая 2005 года исполнилось 50 лет со дня рождения заведующей кафедрой социально-педагогической работы, доктора педагогических наук, профессора Анны Петровны Орловой.

Анна Петровна родилась в г. Витебске. В 1972 году окончила среднюю школу № 7 и поступила в Витебский государственный педагогический институт имени С.М. Кирова на биолого-химический факультет, который окончила в 1977 году.

Трудовую деятельность Анна Петровна Орлова начала в качестве педагога-предметника. В 1977–1979 г. она работала учителем биологии и химии Гришанской восьмилетней школы, Добринской восьмилетней школы, Летчанской средней школы (Витебский район).

С 1979 по 1982 г. А.П. Орлова обучалась в аспирантуре НИИ общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР. В январе 1983 года она успешно защитила кандидатскую диссертацию по педагогике. С октября 1982 года А.П. Орлова – ассистент кафедры педагогики и методики начального обучения Витебского государственного педагогического института, затем – старший преподаватель. В 1988 г. Анне Петровне было присвоено ученое звание доцента кафедры педагогики и методики начального обучения.

В ноябре 1997 года в Московском педагогическом университете А.П. Орлова успешно защитила докторскую диссертацию по теме: «Взаимосвязь и взаимодействие народной и научной педагогики в системе профессиональной подготовки учителя». С сентября 1998 г. Анна Петровна Орлова работает в должности заведующей кафедрой социально-педагогической работы факультета социальной педагогики и психологии.

В октябре 2001 г. Анне Петровне Орловой решением Высшей аттестационной комиссии было присвоено ученое звание профессора по специальности «Педагогика».

За годы своей научно-педагогической деятельности А.П. Орлова внесла значительный вклад в развитие таких направлений в педагогике, как сравнительная педагогика, история педагогики, этнопедагогика. Результаты этой огромной работы Анны Петровны отражены более чем в 100 научных публикациях, в том числе в 9 учебных и учебно-методических пособиях. Наиболее значительные из них: монографии «Беларуская народная педагогіка» (1993), «Преимственность народной и научной педагогики в развитии теории нравственного воспитания» (2003), учебные пособия «Народная педагогіка ў выхавальнай рабоце школы» (1995), «Народная педагогіка как фактор развития теории нравственного воспитания» (1996), «История педагогики. Развитие школы и педагогической мысли в

крупнейших средневековых цивилизациях» (2000), «Этнопедагогика: теория нравственного воспитания» (2001).

Профессор А.П. Орлова являлась участником более чем 150 различных международных, республиканских симпозиумов, конференций и форумов по проблемам образования, обучения и воспитания.

С 1984 г. Анна Петровна – член Научного совета по истории школы и образования СССР (г. Москва), с 1991 г. – член правления Международной ассоциации «Народная педагогика», с 1996 г. А.П. Орлова – действительный член Международной педагогической академии, а с прошлого года член докторского Совета по защите диссертаций Д. 0221.02 при УО «БГПУ им. М. Танка» (г. Минск).

Главное внимание в своих публикациях, выступлениях, занятиях со студентами профессор А.П. Орлова уделяет проблемам внедрения передовых педагогических технологий воспитания, которые способствуют формированию социально активной и социально ответственной личности, высоких нравственных идеалов и моральных качеств.

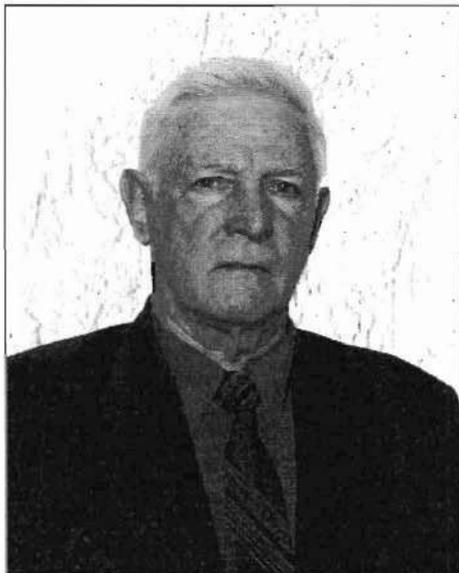
Внесенный Анной Петровной Орловой вклад в дело образования отмечен двумя Почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь и Почетной грамотой управления образования Витебского облисполкома.

У каждого из нас есть свое нравственное кредо, которым мы всегда руководствуемся на своем жизненном пути. Для А.П. Орловой оно звучит так: «... Поступай по отношению ко всем окружающим тебя людям так, как бы ты хотел, чтобы они поступали по отношению к тебе». И именно в этой формуле заключается главный залог всех настоящих и будущих ее успехов.

Коллектив факультета социальной педагогики и психологии сердечно поздравляет юбиляра и искренне желает всяческих жизненных благ и больших успехов на творческом пути.

С.А. Моторов

В.П. Каширин (к 75-летию со дня рождения)

В.П. Каширин родился 30 апреля 1930 г. в г. Ливны Орловской области в семье рабочих. В 1936 г. семья переехала на Дальний Восток в Хабаровск, город, с которым связаны годы детства – сурового военного времени, юности – первой и нерушимой на всю последующую семейную жизнь любви, студенчества и профессионального становления как практика и ученого в области физической культуры и спорта.

Целеустремленность и настойчивость во всестороннем развитии и постоянном совершенствовании своих способностей были всегда присущи Вилинину Павловичу. Входя в самостоятельную жизнь, выпускник В.П. Каширин воплотил в себе в равной степени образованность, воспитанность, интеллигентность и

разностороннюю физическую подготовленность. Он становился чемпионом первенства Сибири и Дальнего Востока по гимнастике (на кольцах, брусьях и

перекладине), в его активе 3-е место в троеборье (прыжки в длину, бег на 100, 200 м) первенства СССР по легкой атлетике в группе факультетов физического воспитания и 1-е место в беге на 100 м (результат – 10,9 с) первенства Тихоокеанского флота, а также многочисленные победы в областных и городских соревнованиях по гимнастике и легкой атлетике.

В 1953 г. после окончания факультета ФК и С Хабаровского пединститута молодой специалист В.П. Каширин направляется учителем физической культуры в Комсомольск-на-Амуре. Имея высокий уровень физкультурного образования, вскоре он приглашается для работы в высшую школу.

В 1969 г. В.П. Каширин с семьей переезжает в Хабаровск, где на факультете ФК и С педагогического института до 1980 г. возглавляет кафедру «Управление и история физической культуры, педагогики и психологии». Рядом с ним на факультете, как прежде и во все последующие годы, трудится преподаватель Галина Николаевна Каширина – верный спутник жизни со студенческой скамьи (где они вместе получали высшее физкультурное образование), единомышленник, высококвалифицированный теоретик и методист физической культуры.

Особое место в профессиональной деятельности В.П. Каширина занимает научно-исследовательская работа. Окончив аспирантуру Всесоюзного НИИФК (г. Москва) и защитив кандидатскую диссертацию на тему «Обоснование критериев и показателей планирования и прогнозирования развития ФК и С (на примере Хабаровского края)» в дальнейшем реализовываются многочисленные научно-исследовательские государственные и региональные проекты, индивидуальные и коллективные научные и методические работы. О его научном авторитете говорят членство во Всесоюзной ассоциации социологов, руководство (в 1975–1985 гг.) Дальневосточным отделением советской социологической ассоциацией по проблемам ФК и С, руководство хозрасчетными научными темами АПН СССР, многочисленные научно-методические публикации (более 100) и др.

В 1980 г. семья Кашириных переехала на постоянное место жительства в Витебск, где Вилинин Павлович возглавил кафедру теории и методики физического воспитания на факультете ФК ВГПИ им. С.М. Кирова. География профессиональной деятельности доцента Каширина В.П. на факультете физической культуры и спорта многогранна. В разные годы ответственно и высокопрофессионально им выполнялись функции заведующего кафедрой ТМФВ, председателя научно-методической комиссии факультета, факультетского руководителя педагогической практикой, руководителя магистратуры и др. За эффективность и качество руководства научными исследованиями студентов в 2002 году доцент В.П. Каширин был награжден грамотой Министерства образования Республики Беларусь.

Благодаря незаурядной работоспособности только за последние пять лет среди его научно-методических публикаций появляются интереснейшие пособия «На пути к профессии учителя», «Очерки по социологии ФК и С», «Планирование учебной работы по физической культуре в школе», курс лекций «Социология ФК и С», монография «Социологические исследования ФК и С», вошедшая в число лауреатов конкурса лучших научно-исследовательских работ в УО «ВГУ им. П.М. Машерова» 2005 года.

Всегда востребованный во всех видах деятельности кафедры и факультета доцент В.П. Каширин с большим энтузиазмом и жизненной энергией успешно продолжает сегодня выполнять свою профессиональную миссию в сфере физической культуры и спорта. В дни очередного юбилея кафедра ТМФК и С искренне желает дорогому, высокоуважаемому коллеге, «Отличнику народного образования РСФСР», методисту высшей категории физкультурно-оздоровительной работы с населением, доценту Вилинину Павловичу Каширину здоровья, личного счастья и новых творческих успехов в профессиональной деятельности.

П.И. Новицкий

Рэфераты

УДК 947(476) «1939–1945»

Космач В.А. Вторая мировая война: уроки истории и современность // *Веснік ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 3–8.

Рассматриваются основные итоги и уроки второй мировой войны, их связь с современной историей и геополитикой, системой международных отношений. Проанализированы основные причины и последствия войн подобного масштаба и превентивные меры, которые должны предприниматься мировым сообществом по их предотвращению.

Табл. – 1. Библиогр. – 30 назв.

УДК 293.3 (476)

Балтрушэвіч Н.Г. Утварэнне Усесаюзнага саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў (УСЕХБ). Далучэнне пяцідзесятнікаў (на прыкладзе БССР) // *Веснік ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 9–14.

Артыкул прысвечаны праблеме ўтварэння Усесаюзнага саюза евангельскіх хрысціян-баптыстаў (УСЕХБ) як цэнтральнай падзеі ў гісторыі пратэстанцкай царквы ў пасляваенны перыяд.

Бібліягр. – 6 назв.

УДК 947.6 «1941–1944»

Нікалаева І.У. Выкарыстанне нямецкімі акупантамі працы жаночага насельніцтва Беларусі ў мясцовай вытворчасці і на прымусовых работах (1941–1944 гг.) // *Веснік ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 14–18.

Разглядаецца праблема выкарыстання германскімі акупацыйнымі ўладамі жаночых працоўных рэзерваў Беларусі ў 1941–1944 гг. Прааналізаваны асноўныя накірункі і этапы эксплуатацыі нямецка-фашысцкімі акупантамі працы жаночага насельніцтва на часова захопленай беларускай тэрыторыі.

Бібліягр. – 9 назв.

УДК 304.44(476)=056.24

Венгер Ю.И. Государственная социальная политика по защите инвалидов в Республике Беларусь // *Веснік ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 19–21.

Объектом данной статьи является социальная политика государства, проводимая в отношении инвалидов. Социальная политика базируется на законодательстве Республики Беларусь и проводит ряд мероприятий для улучшения жизнедеятельности этой категории населения.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 316.33

Орлов В.И. Категориальное пространство современной теории предпринимательской деятельности // *Веснік ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 22–28.

Анализируются такие исходящие системообразующие категории современной теории предпринимательской деятельности, как «капитал», «капитализм», «рынок», «предприниматель» и «потребитель».

Библиогр. – 12 назв.

УДК 339.137.2

Платонова Л.А., Веденин Г.А. Конкурентоспособность страны. Изучение опыта ряда стран мира // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 29–32.

Исследованы конкурентоспособность как развитых стран, так и стран с переходной экономикой, раскрыты характерные особенности антимонопольной политики ряда стран, показан уровень конкурентоспособности стран на основе исследований, проведенных зарубежными и отечественными организациями. Дана характеристика запретительной и регулятивной систем антимонопольного законодательства.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 930.9 «1919–1920»

Борботько П.В., Пушкин В.И., Сухарев А.А. Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания первой мировой войны // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 33–38.

Рассматривается проблема неудачной попытки проведения международного суда над военными преступниками после первой мировой войны.

Библиогр. – 7 назв.

УДК 340

Николичев Д.Н. Правовой аспект формирования гражданского общества // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 38–44.

С позиции исторического подхода рассматриваются этапы формирования гражданского общества, его институциональная основа и роль основных правовых средств в этом процессе. Автор определяет черты, характерные для гражданского общества, анализирует различные исследовательские позиции ученых прошлого и современности. В работе исследована и проанализирована взаимобусловленность социальных процессов и правовых средств как неотъемлемое условие для формирования гражданского общества.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 371.037.1

Шпак В.Г. Параметры физической нагрузки при выполнении упражнений на тренажерах для юношей 16–17 лет // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 45–50.

Представлены способы определения и обоснования параметров физической нагрузки на тренажерных устройствах в урочной форме занятий для юношей 16–17 лет.

Табл. – 3. Библиогр. – 5 назв.

УДК 796.012

Гулидин П.К., Федоров В.В. Новые подходы к скоростно-силовой подготовке школьников на уроках физической культуры // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 50–54.

Представлены особенности разработанной авторами программы по оптимизации скоростно-силовой подготовки младших школьников. Программа создана на основе данных многолетних исследований авторов по изучению уровня развития региональных и локальных показателей скоростно-силовых способностей школьников с учетом влияния биологического возраста и индивидуальных особенностей организма школьников. Эффективность разработанной программы подтверждена в проведенном педагогическом эксперименте.

Табл. – 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 37.018 (37.034 + 371. 388.6)

Царенко Т.М. Реализация аксиологического подхода в научно-исследовательской деятельности учащихся внешкольных учреждений // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 54–58.

Анализируется реализация важнейших принципов ценностного подхода в научно-исследовательской деятельности учащихся в процессе работы внешкольных объединений г. Витебска и Витебской области.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 159.923.2

Богомаз С.Л. Самоанализ: подходы, тенденции, возможности и ограничения // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 59–70.

На основе богатого фактического материала рассматриваются широкие возможности самоанализа, а также ограничения и опасности в развитии этого процесса.

Табл. – 2. Библиогр. – 16.

УДК 800.1

Воробьева О.И. Экспрессивность рекламы в аспекте коммуникации // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 71–74.

Статья посвящена коммуникативным аспектам рекламного воздействия. Экспрессивность рассматривается в качестве динамического свойства рекламы, которое может быть представлено как некоторая совокупность отобранных автором предметных ситуаций, облеченных в форму языковых и невербальных средств и пропущенных сквозь призму сознания заказчика и исполнителя, их личность, намерения, взаимодействующие с сознанием и личностью получателя рекламы.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 808.2–2

Лукичѐва-Наврость Е.В. Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на *-ость*) // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 75–80.

Рассматривается словообразовательный тип на *-ость*. Существительные на *-ость* составляют наиболее многочисленную группу имен со значением отвлеченного качества; приведены словообразовательные модели данных существительных.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 808.2–73

Яценко Т.А. Концепт 'Цель' в аспекте диалогичности романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 81–84.

Исследуются особенности языковой реализации культурного концепта 'Цель' в дискурсе диалогов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Диалогичность дискурса связывается с текстово-дискурсивной категорией антропоцентричности. Обращение к ключевому произведению русской культуры открывает новые возможности для изучения концептосферы языка. Рассмотренный материал позволяет выявить специфику концепта 'Цель' в русском языковом сознании, его пересечение с рядом других концептов, а также расширить представление о прагматике целевых высказываний.

Библиогр. – 17 назв.

УДК 882 (091)

Голубович Н.В. Мифологизация как ведущий художественный принцип М.А. Булгакова в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите» // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 85–91.

В 1930-е годы в творчестве М.А. Булгакова доминантность приобретает мифологический тип условности с отчетливо выраженной фантастической образностью. Специфика художественной условности в «Театральном романе» и «Мастере и Маргарите» определяется опорой писателя прежде всего на фольклорный и евангельский мифологизм.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 882.6

Падстаўленка В.Ф. Жанровая мадыфікацыя апавядання-фельетона ў беларускай сатырычнай прозе 20–30-х гадоў XX ст. // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 92–94.

Мэтай артыкула з'яўляецца даследаванне стылёвых асаблівасцей жанравай мадыфікацыі апавядання-фельетона ў беларускай сатырычнай прозе 20–30-х гадоў XX ст.

Бібліягр. – 5 назв.

УДК 792. 075 (476)

Котович Т.В. Соотношение моделей пространственно-временного континуума театра в срезе исторических форм культуры // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 95–101.

Рассматривается проблема соотношения художественной картины мира с концепцией пространства-времени в ту или иную историческую эпоху. Так как одна из теорий современной физики о квантовом построении мира соотносится с виртуально-игровой реальностью, это позволяет настаивать на сопоставлении общей картины мира на том или ином этапе развития культуры с театральным произведением, а значит, рассматривать театральное произведение в виде сгустка пространственно-временных представлений.

Библиогр. – 8 назв.

УДК 785.07

Курашевич А.В. Проблемы исполнительства в концертмейстерском классе // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 102–105.

Работа посвящена проблеме исполнительства как специфического вида деятельности. Выявляются назначение интерпретационной деятельности студентов в исполнительских классах, ее роль в современном образовательном процессе.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 512.542

Воробьев Н.Т., Шпаков В.В. О факторизациях классов Фиттинга // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 106–109.

Исследуются факторизации классов Фиттинга посредством свойства локальности. Доказано, что произведение классов Фиттинга \mathfrak{F} и \mathfrak{H} является локальным в точности тогда, когда \mathfrak{F} ω' -локален ($\omega = \pi(\mathfrak{H})$) и \mathfrak{H} локален.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 517.977

Храмцов О.В., Козлов А.А. О свойствах равномерно вполне управляемых систем // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 109–114.

Рассматривается линейная по состоянию и линейная по управлению система обыкновенных дифференциальных уравнений с кусочно-непрерывными коэффициентами и приводится прямое доказательство эквивалентности определений равномерной вполне управляемости таких систем по Р.Е. Калману и Е.П. Тонкову, что позволяет доказать существование импульсов управления для равномерно вполне управляемых по Тонкову систем.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 517.956

Иванова Ж.В. Задача Коши для одного нелинейного параболического уравнения // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 115–117.

В работе рассматривается уравнение $u_t = \Delta(e^u) - (e^u - 1)^p$ с начальным условием $u(x, 0) = u_0(x)$, где $(x, t) \in S = \mathbb{R}^N \times [0, \infty)$, $0 < p < 1$, $u_0(x)$ – неотрицательная непрерывная функция, которая может расти на бесконечности.

Доказывается, что при определенных условиях, наложенных на функцию $u_0(x)$, решение задачи Коши для данного уравнения в любой точке $y \in \mathbb{R}^N$ обращается в ноль за конечное время.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 66.08

Толочко Н.К., Мозжаров С.Е. Закономерности ультразвуковой кристаллизации растворов // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 118–121.

Экспериментально изучены закономерности кристаллизации растворов под действием ультразвуковой кавитации при различном начальном пересыщении. Теоретически исследован механизм влияния кавитации на процессы зародышеобразования.

Рис. – 1. Табл. – 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 677.022.94:677.08

Локтионов А.В., Коган А.Г., Мачихо Т.А. Исследование процесса вытягивания волокнистого продукта из отходов производства // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 121–124.

Работа посвящена решению одной из важных проблем прядильного производства – созданию вытяжного прибора, позволяющего получить продукт требуемого качества из текстильных волокнистых отходов. При этом математически описан процесс распределения волокон по длине вытяжного поля, предложен интегральный закон распределения вероятностей перехода волокна со скорости питающей пары на скорость выпускной. Последний соответствует уравнению наиболее вероятной кривой утонения для случая вытягивания волокон различных физико-механических характеристик.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 539.3

Гладков П.А. Волновые пакеты в упругом волноводе произвольного сечения // *Вестник ВДУ*, 2005, № 2(36). – С. 125–129.

В работе построено формальное асимптотическое решение краевой задачи для волнового уравнения, описывающего движение упругой среды, ограниченной поверхностью произвольного сечения. Асимптотическое решение построено в форме локализованных волновых пакетов, движущихся в продольном направлении.

Библиогр. – 3 назв.

УДК 630.18+624.131

Красовская И.А. Трансформация биоценозов в условиях урбанизации (на примере г. Гомеля) // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 130–135.

В работе приводятся результаты анализа современного состояния биоценозов крупной городской агломерации юго-востока Беларуси – города Гомеля. При этом установлено формирование качественно новой урбанизированной природно-техногенной среды, отличающейся специфическими экологическими условиями, способствующими образованию в городе синантропных комплексов и ассоциаций растений, не имеющих аналогов в природе, а также значительной трансформации городских зооценозов.

Табл. – 1. Библиогр. – 8 назв.

УДК 621.015

Степанова Н.А. Действие радиационно-экологических факторов на состояние обмена веществ // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 136–140.

Радиационное воздействие в прошлом модифицирует биохимическую картину заболеваний у ликвидаторов аварии на ЧАЭС путем уменьшения уровня холестерина липопротеинов в высокой плотности, повышения концентрации билирубина и активности гамма-глутамилтрансферазы в сыворотке крови.

Табл. – 2. Библиогр. – 6 назв.

УДК 911.3(476):338.4

Строчко О.Д. Особенности современного состояния строительства на территории Витебской области // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 141–143.

Рассматривается современное состояние строительного комплекса Витебской области и анализируются перспективы его развития.

Рис. – 2.

УДК 316.356.2

Девятых С.Ю. Семья в системе оценок юношей и девушек // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 144–145.

Изложены результаты экспериментального изучения взаимосвязи между оценками семьи, отца и матери у детей юношеского возраста. В качестве инструмента анализа использовался метод множественной корреляции.

Табл. – 1. Библиогр. – 3 назв.

УДК 338:91

Бялкоўская Н.Г. Аб праблеме бежанцаў у Рэспубліцы Беларусь // Веснік ВДУ, 2005, № 2(36). – С. 146–148.

Разглядаюцца некаторыя аспекты праблемы бежанцаў і заканадаўчая база, якая рэгулюе працэсы вымушанай міграцыі ў Рэспубліцы Беларусь. Даецца ацэнка маштабаў і геаграфіі вымушанай міграцыі ў рэспубліку, паказаны праблемы адаптацыі і інтэграцыі замежных грамадзян у сацыяльна-эканамічную прастору краіны.

Бібліягр. – 3 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- Арлоў
Валерый Іванавіч** – кандыдат філасофскіх навук
- Багамаз
Сяргей Леанідавіч** – кандыдат псіхалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Балтрушэвіч
Наталля Генадзьеўна** – старшы выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных навук ВДМУ
- Барбоцька
Павел Валянцінавіч** – старшы выкладчык кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
- Бялкоўская
Наталля Георгіеўна** – кандыдат географічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай географіі і аховы прыроды БДПУ імя М. Танка
- Вараб’ёва
Вольга Ігараўна** – кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры пачатковага навучання ВДУ імя П.М. Машэрава
- Вараб’ёў
Мікалай Цімафеевіч** – доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры алгебры і метадыкі выкладання матэматыкі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Венгер
Юлія Іванаўна** – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Вядзеніа
Генадзій Аляксандравіч** – кандыдат тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі і маркетынгу ВДТУ
- Галубовіч
Ніна Васільеўна** – старшы выкладчык кафедры літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гладкоў
Павел Аляксандравіч** – аспірант кафедры прыкладной матэматыкі і механікі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Гулідзін
Пётр Канстанцінавіч** – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры лёгкай атлетыкі і лыжнага спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
- Дзевятых
Сяргей Юр’евіч** – старшы выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Іванова
Жанна Віктараўна** – кандыдат фізіка-матэматычных навук, старшы выкладчык кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава
- Казлоў
Аляксандр Аляксандравіч** – магістрант кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава
- Катовіч
Таццяна Віктараўна** – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
- Коган
Аляксандр Грыгор’евіч** – доктар тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры прадзення натуральных і хімічных валокнаў ВДТУ
- Космач
Веньямін Аркадзьевіч** – доктар гістарычных навук, прафесар, дэкан гістарычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
- Красоўская
Ірына Анатолеўна** – старшы выкладчык кафедры географіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Курашэвіч
Ганна Віктараўна** – старшы выкладчык кафедры тэорыі музыкі і музычнага інструмента ВДУ імя П.М. Машэрава

Лакціёнаў Анатолій Васільевіч	– доктар тэхнічных навук, прафесар, загадчык кафедры тэарэтычнай механікі і тэорыі механізмаў і машын ВДТУ
Лукічова-Наўрось Яўгенія Валер’еўна	– аспірант Інстытута мовазнаўства імя Я. Коласа НАН Беларусі
Мазжараў Сяргей Яўгеневіч	– навуковы супрацоўнік Інстытута тэхнічнай акустыкі НАН Беларусі
Мачыха Таццяна Афанасьеўна	– аспірант ВДТУ
Нікалаева Ірына Уладзіміраўна	– выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Ніколічаў Дзяніс Мікалаевіч	– старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу ВДУ імя П.М. Машэрава
Падстаўленка Віталій Феліксавіч	– кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры беларускай літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава
Платонава Ларыса Аляксандраўна	– кандыдат эканамічных навук, дацэнт кафедры эканамічнай тэорыі і маркетынгу ВДТУ
Пушкін Вячаслаў Іванавіч	– доктар філасофіі права, дацэнт, дэкан юрыдычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Строчка Вольга Дзмітрыеўна	– аспірант кафедры эканамічнай і сацыяльнай географіі Беларусі і краін Садружнасці БДУ
Сухараў Андрэй Аляксандравіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры гісторыі і тэорыі права ВДУ імя П.М. Машэрава
Спяпанавы Надзея Аляксееўна	– старшы выкладчык кафедры хіміі ВДУ імя П.М. Машэрава
Талочка Мікалай Канстанцінавіч	– доктар фізіка-матэматычных навук, прафесар, загадчык кафедры агульнай і тэарэтычнай фізікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Фёдараў Вен’ямін Уладзіміравіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры фізічнай культуры і спорту ВДТУ
Храмцоў Алег Васільевіч	– кандыдат фізіка-матэматычных навук, прафесар кафедры геаметрыі і матэматычнага аналізу ВДУ імя П.М. Машэрава
Цярэнка Таісія Міхайлаўна	– старшы выкладчык кафедры батанікі ВДУ імя П.М. Машэрава
Шпак Віктар Гарыевіч	– кандыдат педагагічных навук, дацэнт кафедры тэорыі і метадыкі фізічнай культуры і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
Шпакаў Вячаслаў Уладзіміравіч	– студэнт V курса матэматычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава
Ялчанка Таццяна Антонаўна	– кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры метадыкі выкладання філалагічных дысцыплін Таўрычаскага нацыянальнага ўніверсітэта імя У.І. Вярнадскага (Украіна)

ПРАВІЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых установах і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстаннага матэрыялу, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друку не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэферат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдакцый артыкул напіраўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдакцыі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдакцыяй. Датай паступлення лічыцца дзень атрымання рэдакцыйнай канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадковым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца: для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15); для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.